

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»

Т. А. АЛИЕВ

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ И ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Основные классификации языков

Учебное пособие

Владимир 2024

УДК 81
ББК 81
А50

Рецензенты:

Кандидат филологических наук
доцент кафедры русского языка

Владимирского государственного университета
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
К. М. Богрова

Кандидат филологических наук, доцент
доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (Владимирский филиал)
Р. В. Буробин

Издается по решению редакционно-издательского совета ВлГУ

Алиев, Т. А.

А50 СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ И ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ. Основные классификации языков : учеб. пособие / Т. А. Алиев ; Владим. гос. ун-т им. А. Г. и Н. Г. Столетовых. – Владимир : Изд-во ВлГУ, 2024. – 163 с.
ISBN 978-5-9984-1827-3

Представляет собой краткое изложение теоретического материала по разделам лингвистики «Сравнительно-историческое языкознание» и «Типологическое языкознание», раскрывающего их ключевые проблемы и понятия.

Предназначено для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки 45.04.02 – Лингвистика.

Рекомендовано для формирования профессиональных компетенций в соответствии с ФГОС ВО.

Библиогр.: 24 назв.

УДК 81
ББК 81

ISBN 978-5-9984-1827-3

© ВлГУ, 2024

ПРЕДИСЛОВИЕ

Пособие соответствует программе курса «Сравнительно-историческое и типологическое языкознание», предназначенной для магистрантов лингвистических специальностей, и включает в себя материалы по одному из разделов лингвистики, посвященному основным классификациям языков, на котором базируется подготовка будущих специалистов-лингвистов.

Автор стремился оказать посильную помощь магистрантам в ознакомлении с самыми бесспорными достижениями компаративистики. Издание состоит из трех разделов.

В первом разделе «Сравнительно-историческое языкознание» дается общее представление о родстве языков, методах установления и степенях родства языков, регулярных фонетических соответствиях как основе сравнительно-исторического языкознания, фонетическом законе, закономерностях языковых изменений, а также о взаимодействии сравнительно-исторического языкознания с другими дисциплинами.

В пособии рассматриваются закономерности изменения и развития языков; способы описания закономерностей и результатов языковых контактов; определение степеней родства языков статистическими методами; принципы реконструкции фонетики, морфологии праязыковых состояний, а также основные достижения индоевропеистики.

Во втором разделе «Типологическое языкознание» (лингвистическая типология) представлена информация о структурных и

функциональных свойствах языков независимо от характера генетических отношений между ними и безотносительно к оси времени.

Третий раздел посвящен ареальной и функциональной классификациям языков.

Иллюстративный материал черпается не только из языков индоевропейской семьи, но и из языков других семей.

Пособие содержит практические задания и вопросы для повторения. Каждый раздел включает в себя список литературы, рекомендуемой студентам для проработки тем. В библиографии перечислены работы, использованные автором в процессе подготовки пособия.

Автор выражает глубокую благодарность рецензентам – доцентам *К. М. Богровой* и *Р. В. Буробину*, особенно же редактору книги *Е. А. Платоновой* за ряд ценных замечаний, учтенных в тексте.

Раздел I. СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Сравнительно-историческое языкознание – «область языкознания, объектом которой являются родственные, т. е. генетически связанные, языки. Конкретно в сравнительно-историческом языкознании речь идет об установлении соотношения между родственными языками и описании их эволюции во времени и пространстве» [16, с. 486].

§ 1. Зарождение исторической точки зрения на язык. Обычно возникновение сравнительно-исторического языкознания связывают со знакомством европейских лингвистов с санскритом в конце XVIII в. До этого времени основные проблемы языка, который признавали неизменным в своей сущности, рассматривали умозрительно.

Основатель философии истории итальянец Джамбаттиста Вико (*Vico*) в своей работе *Scienza nuova* («Новая наука», 1725) нарисовал гениальную, но совершенно фантастическую картину процесса развития человеческого общества и языка.

Жан-Жак Руссо, Шарль де Бросс, Джеймс Монбоддо, Иоганн Гердер, Джозеф Пристли и другие великие деятели XVIII в. продвигали идею исторического развития языков.

Жан-Жак Руссо связывал возникновение языка с общественными потребностями (теория социального договора) и выдвигал положение о совместном развитии языка и мышления от первобытного природного крика (теория междометий) к грамматически упорядоченному языку.

Шарль де Бросс также прослеживал развитие от элементарных выкриков к лексически богатому языку с изменением значений слов от конкретного и материального к отвлеченному и воображаемому.

Джеймс Монбоддо отмечал поступательное движение от животного крика к языку как творческой силе, способной эстетически воздействовать на человека. Монбоддо отмечал в развитии языка непрерывный прогресс.

Иоганн Гердер настойчиво подчеркивал связь возникновения и развития языка с возникновением и развитием мышления, хотя и сводил этот процесс к индивидуальному творческому акту. Объясняя появление языка «внутренней жизнью» человека, Гердер во многих ра-

ботах подчеркивал, что в языке находит выражение дух народа. Он считал, что образцы подлинно живого языка сохранились в народных песнях, и потому активно их собирал и изучал. В 1778 – 1779 гг. он издал *Alte Volkslieder* («Старые народные песни»).

Следует отметить, что английский философ **Джозеф Пристли** (*Priestley*, 1733 – 1804) хотел в понятие развития языка привнести заведомо неправильную, натуралистическую точку зрения, устанавливая в развитии языка этапы: начало, расцвет и гибель – совершенно так же, как позднее Георг Гегель, Август Шлейхер и др.

Историческую точку зрения на язык окончательно закрепил в следующем поколении лингвистов сравнительно-исторический метод.

§ 2. Зарождение сравнительной точки зрения на язык. Новый, решающий поворот в истории языкознания, который начался в первой четверти XIX в., готовился постепенно в течение нескольких столетий.

Сравнительным изучением тюркских языков в Халифате еще в XI в. интенсивно занимался **Махмуд Кашгарский**.

Большое значение для зарождения сравнительно-исторического языкознания имело ознакомление европейцев с санскритом. Сходство главных языков Европы с древним языком территориально далекой Индии поразило многих.

Первые сведения о «священном языке браминов» в Европу занес итальянский купец-путешественник **Филиппо Сассетти**. Он пробыл в Индии пять лет (1583 – 1588) и в одном из писем оттуда обратил внимание на несколько санскритских слов, родственных итальянским и латинским.

Голландский лингвист **Иосиф Юстус Скалигер** в своей книге *Diatriba de europaeorum Unguis* («Рассуждение о языках европейцев», 1599) уже различал в Европе 11 групп языков, в том числе славянскую, германскую, романскую и греческую ветви. Скалигер писал, что «Единство языка проявляется в тождестве слов; известные же изменения тех же слов и определяют ту или иную отрасль. Так, языки итальянский, испанский и французский назовем латинскими по причине единства латинского слова, хотя и разнообразно измененного в этих трех языках» [15, с. 29].

Литовский ученый **Михало Литуанус** в книге *De moribus lituanorum, tartarorum etc.* («О нравах татар, литовцев и москвитян»,

1615) отметил почти сто слов, которые сходны в литовском и латинском языках.

Немецкий философ **Готфрид Лейбниц** отмечал родство не только между финским и венгерским языками, но и между ними и турецкими, монгольскими и маньчжурскими языками. Лейбниц также решительно заявлял, что древнееврейский язык не является праязыком всех народов мира.

Голландский лингвист **Ламберт тен Кате** за сто лет до Якова Гримма сравнивал языки: готский, немецкий, голландский, англосаксонский и исландский.

Немецкий ученый **Филипп Рухиг** (*Ruhig*) в своем *Litauisch-deutsches und deutsch-litauisches Lexicon* («Литовско-немецком и немецко-литовском словаре», 1747) указал на родство литовского, латышского и прусского языков.

В «Материалах по русской грамматике» (грамматика вышла в 1755 г.) **Михаил Васильевич Ломоносов** уже отмечал родство пяти индоевропейских языков Европы – русского, латышского («курляндского»), греческого, латинского и немецкого. Ломоносов предположил, что родственные языки образовались при распаде некоторого более древнего языка.

Французский священник **Керду** (*Coeurdoux*) в 1767 г. представил Французской академии письменный доклад о родстве индоевропейских языков, в котором указал на сходство латинского языка и санскрита и выразил мнение, что они произошли от одного общего **праязыка**, которого уже не существует. Доклад был опубликован только в 1808 году.

Более серьезное знакомство с древнеиндийским языком началось только в конце XVIII в. благодаря деятельности **Вильяма Джонса** (*Jones*, 1746 – 1794) – английского востоковеда и юриста. В 1783 – 1794 гг. он работал в Бенгалии высшим судьей. В 1784 г. основал Азиатское общество для исследования языков и культур народов Индии. Джонс перевел на английский язык пьесу «Шакунтала» индийского драматурга Калидасы (1789), сборник законов Ману (1794) и др.

Особенно знаменита речь Джонса «Азиатские исследования», которую он произнес в Азиатском обществе в 1786 г. и которая тогда же была опубликована. Там он, говоря о санскрите, уже сформулировал основные положения сравнительной грамматики индоевро-

пейских языков: «Санскритский язык... имеет удивительную структуру, которая включает в себе столь близкое родство с греческим и латинскими языками как в глагольных корнях, так и в грамматических формах, что оно не могло сложиться случайно; родство это так поразительно, что ни один филолог, который желал бы эти языки исследовать, не сможет не поверить, что все они возникли из одного общего источника, которого, может быть, уже не существует. Имеется сходное, хотя и не столь убедительное основание полагать, что также готский и кельтский языки, хотя они и смешаны с совсем другими диалектами, произошли от того же источника; к этой же семье языков можно было бы причислить и древнеперсидский язык» [17, с. 38].

Джонс не доказывал свои положения анализом звуков речи и грамматических фактов, но все же под влиянием его идей мысль о родстве индоевропейских языков и об их происхождении из общего праязыка вошла в сознание ученых (за 30 лет до труда Боппа).

Первые основы систематического сравнительного исследования славянских языков заложил чешский лингвист **Иосиф Добровский** уже в 1791 – 1792 гг.

Австрийский монах **Паулино а Санто Бартоломео** (настоящее имя – Иоганн Филипп Вездин), проживая в Индии в 1776 – 1789 гг., составил две санскритские грамматики и словарь. Под влиянием идей В. Джонса он написал знаменитую книгу *Dissertatio de antiquitate et affinitate linguarum zendicae, sanscritanitae et germanicae* («Трактат о древности и родстве персидского, индийского и германского языков», 1798).

Венгерский лингвист **Самуил Дьярмати** (*Gyarmathi*) в 1799 г. выпустил книгу *Affinitas linguae hungaricae cum linguis fennicae originis grammaticè demonstrata* («Грамматически показанное родство венгерского языка с языками финского корня», 1799).

Немецкий философ **Фридрих Шлегель** в изданном в 1808 г. в Гейдельберге своем знаменитом произведении *Über die Sprache und die Weisheit der Indier* («О языке и мудрости индийцев») показал родство санскрита не только в словарном составе, но и в грамматическом отношении с латинским, греческим, германскими и персидским языками, что указывает на их общее происхождение. Правда, Шлегель ошибочно полагал, что все другие индоевропейские языки произошли из санскрита. В работе Шлегеля впервые встречается термин «срав-

нительная грамматика». Написанная увлекательным языком, книга Шлегеля распространила идеи сравнительной грамматики в самых широких кругах.

В 1811 г. в Петербурге появилось анонимное исследование «О сходстве санскритского языка с русским».

Знакомство с санскритом подготовило путь сравнительной грамматике двояким образом. Во-первых, санскрит сохранил архаичную систему согласных и морфологию, что в известной мере дает представление о том, как мог выглядеть индоевропейский праязык. Во-вторых, индийские грамматисты очень подробно проанализировали фонетику и морфологию своего древнего языка.

§ 3. Условия, которые привели к появлению сравнительно-исторического языкознания. Изданные в начале XIX в. санскритские грамматики Керри (*Carey*, 1806), Кольбрука, Вилькинса (1808) и Форстера (1810), изданная Кольбруком «Амаракоша» (Калькутта, 1807) и другие санскритские словари познакомили европейских ученых с важнейшими достижениями индийских грамматистов и лексикографов.

В обозреваемом периоде были определены границы подлежащих сравнению языковых семей. Знакомство с древним языком Индии дало сильнейший стимул к сравнению его с языками Европы. Это подготовило путь к научному сравнению языков.

Таким образом, расширение языкового кругозора европейских ученых и в первую очередь ознакомление их с санскритом, интерес к древним памятникам разных национальных культур, запечатленных в слове, возникновение историко-эволюционного подхода к явлениям природы и общества – вот совокупность условий, которые в итоге привели к появлению сравнительно-исторического языкознания.

§ 4. Открытие и развитие сравнительно-исторического языкознания. Как было сказано выше, задолго до XIX в. было замечено сходство некоторых языков.

Однако на протяжении нескольких веков ученые не могли объяснить эти факты. В начале XIX в. торжество идей исторического развития любого явления, знакомство с санскритом, романтическое стремление проникнуть в глубь истории своего народа и языка приве-

ли лингвистов в разных странах к заключению, что сходство нескольких языков может быть объяснено только их родством, происхождением их из общего древнего праязыка и последующим самостоятельным развитием, когда и проявились особенности отдельных языков. Сравнивая эти языки, изучая родственные явления во взаимной связи и исторической последовательности, выявляя исконные явления и инновации, можно в довольно полном виде восстановить (реконструировать) исторический ход развития родственных языков. На этой базе стали складываться сравнительные грамматики отдельных языковых семей: прежде всего индоевропейской, затем семитской, финно-угорской, далее – тюркской и др.

Определяющим моментом было создание нового метода изучения языков, который получил название **сравнительно-исторического**. Сравнение было для него средством систематизации языкового материала, а исторический подход к языку стал главным принципом исследования. Сравнение проводилось строго систематически и имело целью исследование истории языков. Подобное сравнительно-историческое изучение языков через некоторое время подготовило материал и условия для возникновения и общего языкознания. С открытием сравнительно-исторического метода языкознание стало самостоятельной наукой, отделившись от философских и исторических рассуждений о языке, не опиравшихся на строго проверенные и систематизированные языковые факты. Теперь языковеды знали, как относиться к многообразному, накопленному столетиями языковому материалу; закономерности языка и исключения из них стали получать отчетливое историческое объяснение, один язык и его явления стали объясняться фактами родственных ему языков.

И вот в первой четверти XIX в. произошел поворот языкознания от фактуальной и нормативной точек зрения к сравнительно-исторической точке зрения.

§ 5. Обстоятельства возникновения сравнительно-исторического языкознания. В начале XIX в. некоторые лингвисты в разных странах и почти одновременно пришли к заключению, что систематическое сходство нескольких языков может быть объяснено только их родством, т. е. что все они произошли от одного общего древнего **праязыка** (языка, реконструируемого в результате сравни-

тельно-исторических исследований) и только позднее развивались каждый своим путем. Исследовать как можно полнее весь ход развития родственных языков мы можем, сравнивая эти языки между собой, рассматривая родственные явления во взаимной связи и исторической последовательности. Исходя из этого принципа и стали складываться сравнительные грамматики – индоевропейская, семитская, финно-угорская и т. д.

Определяющим, решающим здесь был новооткрытый **сравнительно-исторический метод**, где сравнение является средством, а исторический подход к языку – главным принципом исследования. Само сравнение велось в строгой системе и совсем новом аспекте – как средство исследования истории. Сам **Франц Бопп** говорил, что определение родства языков не самоцель, а средство для проникновения в тайны развития языка. Такое сравнительно-историческое изучение языков дало прочные основы и для общего языкознания [17, с. 41 – 42].

Следует подчеркнуть, что только открытие сравнительно-исторического метода совершило переворот, создав новую науку и определив ей, безусловно, самостоятельное место среди других наук.

Философские и исторические рассуждения о языке вели и раньше, но только сравнительный метод влил подлинно научный дух во всю науку о языке. С открытием сравнительного метода языкознание впервые приобрело твердые основы как в историческом, так и в теоретическом аспекте.

До XIX в. грамматика была ограничена пределами одного языка – живого или мертвого – и не ставила никаких вопросов о происхождении и развитии. Считали совершенно естественным и нормальным говорить в грамматике о правилах и исключениях и даже об исключениях из исключений. Сравнительно-исторический метод, открыв возможность изучения языка в его развитии, давал историческое объяснение и всем «исключениям».

Конечно, нельзя отрицать, что достижения основоположников сравнительно-исторического метода были подготовлены деятельностью их предшественников. Некоторые из этих предшественников. (М. Кашгарский, В. Джонс, Фр. Шлегель) практически вплотную подошли к открытию сравнительно-исторического метода. Однако заслуги великих языковедов-новаторов Ф. Боппа, Р. Раска, Я. Бредсдорфа, Я. Гримма, А. Х. Востокова велики. Они не только обосновали поло-

жение о родстве языков, но и осветили один язык с помощью другого, объяснили формы одного языка формами другого – построили науку на материале соотношений родственных языков.

Таким образом, в первой четверти XIX в. появилась самостоятельная наука о языке, отделившаяся от филологии, философии и истории.

§ 6. Периодизация истории сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков. История сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков подразделяется на четыре периода:

1) от основания сравнительно-исторического метода до формирования взглядов младограмматической школы (1816 – 1870);

2) период господства младограмматических воззрений (70 – 90-е гг. XIX в.);

3) от младограмматиков до «Курса общей лингвистики» Ф. де Соссюра и расшифровки хеттских памятников (конец XIX и первые два десятилетия XX в.);

4) от «Курса общей лингвистики» Ф. де Соссюра и расшифровки хеттских памятников до наших дней [17, с. 43; 15, с. 39].

Такая «периодизация во многом условна и может вызывать возражения, но она, опираясь на прогресс в сравнительно-историческом изучении индоевропейских языков, во многом совпадает с движением общетеоретических воззрений на язык как на предмет изучения, и в этом ее преимущество и полезность. Зарождение сравнительно-исторического языкознания связано с деятельностью Ф. Боппа, Я. Гримма (Германия), Р. Раска (Дания) и А. Х. Востокова (Россия)» [15, с. 39].

§ 7. Первый период. Главное содержание первого периода – открытие сравнительно-исторического метода и основание общего языкознания.

Но в целом первый период был временем первоначального накопления и систематизации фактов. Сами факты не были достаточно изучены, поэтому то и дело проглядывали старые воззрения. Даже такой известный языковед, как **Георг Курциус**, говорил о «регулярных» и «спорадических» изменениях звуков, т. е. фактически «о правилах» и «исключениях». Соответствие индоевропейского *k* грече-

скому **k** он считал «регулярным», а соответствие индоевропейского **k** греческому **p** – «спорадическим», потому что в то время еще не знали, что в индоевропейском праязыке было два рода заднеязычных – веллярные и лабиовеллярные.

Большим препятствием к определению закономерностей развития индоевропейских языков был господствовавший в первом периоде взгляд на санскрит как на древнейший из всех индоевропейских языков. Так Ф. Бопп, Г. Курциус, А. Шлейхер и их современники считали, что в индоевропейском праязыке, так же как в санскрите, были только три гласных звука – **a, i, u** и что греческие **a, e, o** есть результат расщепления индоевропейского **a**.

На самом деле санскрит вовсе не так архаичен, поскольку:

- из пяти индоевропейских гласных звуков – **a, e, i, o, u** – санскрит сохранил только три – **a, i, u** (в то время как греческий – все пять);
- звонкие согласные в конце слова стали глухими (это отражено и в письме);
- придыхательные согласные в конце слов потеряли придыхание;
- **r** и **s** в конце слов превратились в **h**, например: *punah* – «опять» (из **punar*), *manah* – «мысль, дух» (из **manas*) и т. д.

Сравнительно-историческому методу вначале пришлось встретить серьезное противодействие со стороны филологов-классиков.

Такие выдающиеся филологи, как **Готфрид Яков Герман** (1772 – 1848) – основатель и руководитель критически-грамматической школы в филологии и **Август Бек** (*Böckh*, 1785 – 1867) – обладатель больших собраний надписей, не интересовались сравнительным языкознанием и были даже враждебно настроены к нему. Им было странно видеть, как над вопросами греческой и латинской грамматики рассуждают люди, плохо знающие эти языки. Притом сторонники сравнительно-исторического языкознания применяли методы, которые эллинисты и латинисты не могли контролировать. К тому же представители нового метода уделяли слишком большое внимание санскриту, который не был предметом изучения классиков. Наконец, они в то время и вплоть до наших дней практически не обращали внимания на синтаксис, который так важен для каждого филолога.

У филологов-классиков были другие задачи. Они собирали, систематизировали и классифицировали языковой материал, который

приносил пользу и лингвистам, работавшим в области сравнительно-го языкознания.

В середине XIX в. началось изменение отношения филологов-классиков к сравнительно-историческому языкознанию. Филологи, особенно занимающиеся греческими диалектами, стали понимать великое значение сравнительно-исторического метода и в изучении классических языков. И филолог Г. Курциус был первым, кто в своей знаменитой в то время работе *Grundzüge der griechischen Etymologie* («Основы греческой этимологии», 1856 – 1862) на фактах блестяще показал значение сравнительно-исторического метода и для изучения греческого языка. Но лишь с 90-х гг. XIX в. классические филологи начали сотрудничать со сторонниками сравнительного метода: М. М. Покровским – в России, Линдсеем – в Англии, Ф. Скучем – в Германии, П. Кречмером – в Австрии. В 1907 г. П. Кречмер и Ф. Скуч создали журнал *Glotta*.

§ 8. Первый этап (Боппа – Гумбольдта). Первый этап первого периода охватывает время от середины второго до конца четвертого десятилетия XIX в.

Содержание этого этапа – открытие сравнительно-исторического метода и основание общего языкознания.

Основоположники нового метода – Ф. Бопп, Р. Раск, Я. Гримм и А. Х. Востоков.

§ 9. Основатели сравнительно-исторического метода. Первым ученым, приступившим к созданию сравнительной грамматики на основе сближений между санскритом и языками Европы, был **Франц Бопп** – выдающийся немецкий языковед и санскритолог, профессор Берлинского университета.

В 1816 г. во Франкфурте-на-Майне Ф. Бопп выпустил свою первую работу, которой было суждено заложить основы сравнительно-исторического метода в языкознании и вместе с тем самостоятельного научного языкознания. Этот исторический труд назывался *Ober das Conjugationssystem der Sanskritsprache in Vergleichung mit jenem der griechischen, lateinischen, persischen und germanischen Sprache, nebst Episoden des Ramajan und Mahabharat in genauem metrischen Übersetzungen aus den Originaltexten und einigen Abschnitten aus*

dem Veda's («О системе спряжения санскрита в сравнении со спряжением греческого, латинского, персидского и германского языков, с эпизодами из Рамаяны и Махабхараты в точном метрическом переводе с оригинального текста и с некоторыми извлечениями из Вед»).

Поэтому 1816 г. может быть с абсолютной уверенностью назван годом рождения сравнительно-исторического языкознания.

По выражению Мейе, Бопп открыл сравнительно-исторический метод в поисках объяснения индоевропейского праязыка, так же как Колумб открыл Америку в поисках пути в Индию.

§ 10. Открытие Ф. Боппа. Многие ученые до Боппа, особенно **В. Джонс** и **Фр. Шлегель**, уже высказывали мысль о том, что индоевропейские языки представляют собой семью родственных языков, происшедших из одного **праязыка**. Заслуга Боппа в том, что он сумел на основе материала родственных языков построить систематическую теорию. Сравнив окончания глаголов, Бопп пришел к выводу, что в индоевропейских языках имеются не только отдельные сходные явления, но и целая система соответствий, единство грамматической системы. Но соответствия для Боппа – только средство. Его цель – открывая древний, первоначальный вид форм, объяснить их, осветить явления одного языка с помощью фактов другого языка, объяснить формы одного языка формами другого. Вот это было ново в работе Боппа. Этим он заложил основы сравнительно-исторического метода, без которого современное научное языкознание уже немыслимо.

В 1833 – 1852 гг. Бопп издал свою главную работу в 3 томах – *Vergleichende Grammatik des Sanskrit, Zend, Armenischen, Griechischen, Lateinischen, Litauischen, Altslavischen, Gothischen und Deutschen* («Сравнительная грамматика санскрита, зенда, армянского, греческого, латинского, литовского, старославянского, готского и немецкого языков»). Следует отметить, что древнеславянский язык автор добавил только во втором томе первого издания (1835), а армянский – во втором издании.

Второе, коренным образом переработанное издание этого труда выходило с 1857 по 1861 г. (с указателем Арендта – в 1863 г.).

Боппу удалось доказать родство всех в то время известных индоевропейских языков. Вне его кругозора остались только хеттский, тохарский и другие языки, которые тогда еще не были открыты.

Бопп уже в то время отделял семитские языки от флективных, так как они образуют грамматические формы внутренней модификацией корня.

Бопп дал нашей семье языков название «**индоевропейские языки**».

Лингвистические воззрения Боппа имели и свои недостатки. Так, Бопп издал работы *Ober die Verwandtschaft der malayisch-polynesischen Sprachen den indischeuropäischen* («О родстве малайско-полинезийских языков с индоевропейскими», 1840) и *Die Kaukasischen Glieder des indoeuropäischen Sprachstammes* («Кавказские члены индоевропейской языковой семьи», 1845), где без всяких оснований старался доказать, будто индонезийские и яфетические языки Кавказа родственны индоевропейским.

Достижения науки в сравнительном изучении индоевропейских языков после Боппа так велики, что труды самого Боппа в наши дни имеют только историческое значение, поскольку на их основе созданы все последующие работы.

§ 11. Расмус Христиан Раск. Одновременно с Боппом, но совершенно независимо от него сравнительно-историческое изучение индоевропейских языков предпринял и гениальный датский языковед Расмус Христиан Раск (1787 – 1832).

В 1816 – 1823 гг. Раск путешествовал по Азии, был также в Индии. В 1811 г. он издал свою первую работу *Vejledning til det Islandske eller Gamle Noraiske Sprog* («Руководство по исландскому, или древнескандинавскому, языку»), где уже указал на перебой гласных.

В 1814 г. Раск написал и в 1818 г. издал свой главный труд – *Undersögelse om det gamle nordiske eller islandske sprogs opridelse* («Исследование в области древнесеверного языка, или Происхождение исландского языка»). В нем он доказывал родство германских, славянских, литовского, латинского и греческого языков. Но самое главное – в этой работе Раск открыл первое передвижение согласных в германских языках.

Вторая часть этой работы Раска в немецком переводе была опубликована в 1822 г.

Раск раньше Боппа уже в своей первой работе (1811) признал важность сравнения грамматических показателей, особенно оконча-

ний. Но, дополняя Боппа, Раск большое внимание уделял также лексическим сравнениям, указывая при этом, что в первую очередь должна быть учтена та лексика, которая связана с самыми необходимыми понятиями, явлениями и предметами.

Раск не смешивал индоевропейские языки с другими семьями языков (как Бопп).

Уже в предисловии к своей первой работе (1811) 24-летний Раск выступил против логической грамматики: «Задача грамматики не давать указания, как должно образоваться слова, а описывать, как слова образуются и изменяются».

Раск первым выдвинул верное предположение, что балтийские языки хотя и имеют известные связи со славянскими, являются самостоятельной ветвью индоевропейских языков.

Раск вошел в историю языкознания как один из основателей сравнительно-исторического метода и германистики.

§ 12. Яков Хорнеман Бредсдорф (*Bredsdorf*, 1790 – 1841) – очень даровитый и эрудированный датский лингвист.

Его главный труд – *Om aarsagerne til sprogenes forandringer* («О причинах языковых изменений», 1821). Эту работу О. Есперсен считал самым важным произведением до «Принципов» Г. Пауля. В ней Бредсдорф кратко и ясно описал первое германское передвижение согласных. Но особенно примечательно, что в этой работе Бредсдорф, на полвека опережая свое время, первым обратил внимание на значение аналогии в развитии языка. Бредсдорф также первым стал различать звуки и буквы.

§ 13. Яков Гримм (1785 – 1863) с помощью сравнительно-исторического метода исследовал германские языки.

Важное значение в разработке сравнительно-исторического метода на основе конкретной ветви индоевропейских языков имела его *Deutsche Grammatik* («Немецкая грамматика») в четырех томах. В этом труде Гримм представил историческую грамматику немецкого языка в сравнении со всеми другими германскими языками, начиная с первых письменных памятников. Первый том в первом издании вышел в Геттингене в 1819 г. Второе, радикально переработанное издание первого тома, содержащего историческую фонетику германских

языков, в том числе и закон о передвижении согласных в германских языках, вышло в 1822 г. Все четыре тома были закончены в 1837 г. *Geschichte der deutschen Sprache* («История немецкого языка») Гримма вышла в свет в Лейпциге в 1848 г., второе издание – в 1853 г., третье издание – после смерти автора, в 1867 г.

В своем большом академическом «Немецком словаре» Я. Гримм намеревался охватить словарный запас современного немецкого языка от Лютера до Гёте. Первый том вышел в 1854 г., последний – больше чем через сто лет, в 1960 г.

Раск в 1818 г., Бредсдорф в 1821 г. и Гримм в 1822 г. опубликовали открытие первого германского передвижения согласных, т. е. тот факт, что система смычных согласных всех германских языков передвинулась на одну ступень, а именно: и.-е. *bh, dh, gh* → герм. *b, d, g*; и.-е. *b, d, g* → герм. *p, t, k*; и.-е. *p, t, k* → герм. *f, th* (произносится как английское глухое *th*), *h*.

Явления, которые противоречили закону Раска – Гримма, в одной части были объяснены **Германом Грасманом** (1863) как последствия «закона придыхательных», в другой части – **Карлом Вернером** (1877) как последствия отношения места ударения в индоевропейском языке к подлежащему передвижению согласному. Таким образом, закон Раска – Гримма дважды уточнялся.

Но и до этих уточнений закон Раска – Гримма имел принципиальное значение и при изучении других индоевропейских языков, потому что он определял отношения между системами согласных звуков германских и других индоевропейских языков.

§ 14. Вильгельм Гумбольдт (*Humboldt, 1767 – 1835*) – основоположник общего языкознания. С большим уважением о нем говорил Ф. Бопп, его учениками и последователями себя считали Х. Штейнталь, А. Шлейхер, К. Фосслер, А. Ф. Потт, Г. Курциус и даже такие самостоятельные лингвисты, как И. А. Бодуэн де Куртенэ и А. А. Потебня.

Если Бопп избегал общих идей, занимаясь более всего накоплением фактов и выяснением их соотношений, то Гумбольдт был рожден для теоретических, философских раздумий.

Общее языкознание Гумбольдта можно назвать философией языка, которая охватывает высшие лингвистические обобщения и далеко идущие выводы.

Гумбольдт реабилитировал философию языка и дал ей совершенно новое направление в тесной связи со сравнительно-историческим методом и на его основе. До Гумбольдта были умозрительные, спекулятивные теории. Гумбольдт же начал строить научную теорию языка, основанную на применении сравнительно-исторического метода.

Многие проблемы, выдвинутые Гумбольдтом, стоят в центре оживленных дискуссий и в наши дни.

Знание большого количества языков – от баскского до малайско-полинезийских и индейских языков Америки – обеспечило Гумбольдту исключительно широкий лингвистический диапазон и основательность, а также точность выводов.

Главный труд Вильгельма Гумбольдта – это выпущенное после его смерти, в 1836 г., его братом, крупным естествоиспытателем Александром Гумбольдтом, сочинение *Ober die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluß auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts* («О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода»).

В языке каждого народа Гумбольдт видел проявление истории, культуры и всей духовной деятельности этого народа. Поэтому он считал, что каждый язык прежде всего следует рассматривать индивидуально со всеми его особенностями, а лишь потом – в сравнении с родственными языками, чтобы найти «связующие нити» между системами отдельных родственных языков.

Взгляд Гумбольдта на язык как на вечный процесс нанес удар по теории общей, логической грамматики и дал обоснование исторической точке зрения на язык. А история языка неотделима от сравнительного изучения родственных языков, так как сравнительное изучение языков, по его словам, по самой своей сущности может быть только историческим.

Поскольку для Гумбольдта самое важное в языке – это его существование в живой речи, то из его учения вытекает особая необходимость изучать живые языки и диалекты. Эта проблема, выдвинутая еще Г. Лейбницем, особенно широко разрешалась позже, в эпоху

младограмматиков, и особенно в связи с лингвистической географией.

Ближайший преемник Гумбольдта, Хейман Штейнталь, посвятил этому вопросу целую книгу – *Die Sprachwissenschaft W.v. Humboldts und die Hegelsche Philosophie* («Языкознание В. фон Гумбольдта и гегелевская философия», 1848). Сложную сущность языка Гумбольдт представлял в целом ряде диалектических противоречий.

Диалектический анализ сущности языка-речи – большой вклад Гумбольдта в прогресс языкознания, свое значение этот анализ не потерял до сих пор.

В своем докладе «О сравнительном исследовании языков» (1820) Гумбольдт выступал за типологическую сопоставительную грамматику родственных и неродственных языков. Он отрицал дедуктивную общую грамматику (например, грамматику Пор-Рояля), стремившуюся в свои готовые логические схемы втиснуть все языки мира, игнорируя самобытность каждого языка. Гумбольдт ратовал за индуктивную, общую, сопоставительную грамматику, которая, принимая во внимание конкретные факты, многообразные способы выражения понятий, постепенно доходит до более широких обобщений. Он хотел установить различные способы передачи одного и того же значения в различных языках. Доказать, что общие определения могут быть функциональными, а не структурными; они могут касаться как грамматической организации и общих типов выражения мысли, так и системы звуков. Таким образом, соотнося факты разных языков с одинаковой функцией, Гумбольдт надеялся проникнуть в тайну языка как средства образования мыслей.

§ 15. Второй этап (Шлейхера – Штейнталя). Второй этап первого периода охватывает приблизительно 50 – 60-е гг. XIX в.

Если на первом этапе открыли сравнительно-исторический метод, то на втором этапе этот метод развивали дальше и применяли к исследованию многих ветвей индоевропейских языков – индийской, иранской, славянской, балтийской, германской, кельтской, италийской, греческой. Продолжалось также развитие общего языкознания.

Главные представители второго этапа – А. Шлейхер, А. Ф. Потт, Т. Бенфей, А. Кун, Г. Курциус, М. Мюллер, И. Н. Мадвиг, Г. Штейнталь.

На этом этапе возникли лингвистическая палеонтология и психологическое языкознание.

§ 16. Представители сравнительно-исторического языкознания. Начатую Боппом работу достойно продолжал его младший современник **Август Шлейхер** (1821 – 1868).

Шлейхер учился у санскритолога Христиана Лассена, романиста Фридриха Дица и классика Фридриха Ричля. Кроме языкознания Шлейхер изучал еще философию и ботанику.

С 1846 г. Шлейхер был доцентом университета в Бонне, а с 1850 г. – в Праге, откуда он в 1857 г. перешел в Йенский университет. Несмотря на мировую славу, Шлейхер до конца своих дней считался только малооплачиваемым гонорарным профессором и жил в нужде.

В таких условиях большое моральное удовлетворение Шлейхеру доставило его заслуженное избрание в 1858 г. членом-корреспондентом Российской академии наук. Шлейхер вместе с А. Куном издавал журнал *Beiträge zur vergleichenden Ssprachforschung auf dem Gebiete der arischen, celtisclien lind slavischen Sprachen* («Материалы по сравнительному изучению языков в области арийских, кельтских и славянских языков», 8 томов).

В июне 1852 г. Шлейхер отправился в Прусскую Литву, где из уст народа выучился литовскому языку – самому архаичному из всех живых индоевропейских языков – и собрал языковые и фольклорные материалы. Работа протекала настолько успешно, что уже в середине октября того же года Шлейхер возвратился в Прагу с обильным материалом. В Праге в 1856 г. Шлейхер издал книгу *Litauische Grammatik* («Грамматика литовского языка»), а в 1857 г. – *Lesebuch und Glossar* («Хрестоматия и словарь»).

В 1852 г. Шлейхер выпустил *Formenlehre der Kirchenlawischen Sprache* («Учение о формах церковнославянского языка»), а в 1871 г. в Петербурге посмертно вышла *Laut- und Formenlehre der polabischen Sprache* («Фонология и морфология полабского языка»).

Наиболее полно свои общетеоретические взгляды Шлейхер выразил в книге *Die deutsche Sprache* («Немецкий язык», первое издание –

1860; второе, переработанное и расширенное, вышло посмертно, в 1869 г.). В этой работе Шлейхер применил свои общие исследовательские принципы к изучению немецкого языка и германских языков вообще. Одновременно он высказал также много общетеоретических идей, которые впоследствии были в центре внимания лингвистов: о звуковом законе, аналогии, систематическом характере языка, форме и функции и т. д.

Наконец, в 1861 – 1862 гг. был опубликован главный труд Шлейхера *Compendium der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen* («Компендий сравнительной грамматики индоевропейских языков»), где подведен итог сравнительному изучению индоевропейских языков за истекшие полвека. К названному большому труду примыкает опубликованная посмертно, в 1869 г., *Indogermanische Chrestomatie* («Индоевропейская хрестоматия»), где даны образцы и краткие описания исследуемых в *Compendium* языков.

Compendium имел такой успех, что за 15 лет выдержал четыре издания. Второе издание вышло еще при жизни автора – в 1866, четвертое – в 1876 г.

Важное достижение теории Шлейхера – требование сводить родственные языки к исходному состоянию при сравнении звуков и форм слов.

У Шлейхера фонетика занимает почти одну треть издания *Compendium*, в то время как у Боппа ее было очень мало.

Фонетику Шлейхер называл фонологией. В слове он различал звук, форму и функцию.

Хотя Бодуэн де Куртенэ упрекал Шлейхера за догматизм, Шлейхер был очень инициативным ученым. Не без его участия исключительно оригинальными путями пошли такие его ученики, как **Август Лескин** и особенно **Йоганн Шмидт** и **Гуго Шухардт**.

Учение Шлейхера, который был сторонником натуралистической школы в языкознании, имело и свои недостатки, например, приравнивание языка к категории живых организмов. Выражение «живой организм» в применении к языку существовало и до Шлейхера. В противоположность прежнему воззрению на язык как на неизменный механизм отчасти уже мыслители XVIII в. и особенно Вильгельм Гумбольдт рассматривали язык как непрерывно изменяющуюся систему или как живой организм. Этим философским, а вовсе

не биологическим понятием «организм языка» Гумбольдт хотел выразить только то, что язык не мертвый механизм, механическое сочетание отдельных знаков, а связанная система, которая постоянно развивается.

Лингвисты Й. Н. Мадвиг (1842), М. Мюллер (1861), А. А. Потебня (1862) и И. А. Бодуэн де Куртенэ (1871) резко критиковали приравнивание языка к живому организму и заявляли: «Язык не организм» (Бодуэн де Куртенэ), «Называть язык организмом или органическим отправлением – значит не сказать о нем ничего» (Потебня), «Организм живет самостоятельно, а слово – только в устах человека» (Потебня), и это верно. Язык есть явление общественное, а не природный организм. Языки возникают и развиваются вместе с тем общественным коллективом, народом, который этот язык употребляет. Язык может или погибнуть вместе с народом; или выйти из употребления, если народ воспримет другой язык; или остаться жить и развиваться до бесконечности опять-таки вместе со своим народом.

Давно вышедший из употребления «мертвый» язык может зажить новой жизнью, если найдется народ, который будет употреблять его в повседневном общении. Наконец, факты языка органически связаны со значениями, а естественные науки не знают проблемы значений.

Процесс обособления и выделения отдельных ветвей из семьи языков объясняли различно. Шлейхер, как естественник, – по теории «родословного древа»: индоевропейский праязык распался на две ветви: славяно-балто-германскую и индо-ирано-греко-албано-италийскую; каждая из этих двух ветвей разделилась на подветви и так далее, вплоть до распада на отдельные языки.

Я. Grimm еще до появления учения Шлейхера в работе «О происхождении языка» (1831) высказал положение, что новые языки не хуже древних. А. А. Потебня еще при жизни Шлейхера в работе «Мысль и язык» (1862) атаковал формулу Шлейхера: «История и история языка находятся в обратном отношении». Потом Бодуэн де Куртенэ и другие лингвисты доказывали несомненную истину, что развитие языка – это не его порча.

Вместо введенного Боппом удачного термина «индоевропейские языки» Шлейхер предложил использовать термин «индогерманские

языки», который употребляли только шовинистически настроенные лингвисты Западной Германии.

Также Шлейхер говорил о степенях градации корня там, где мы теперь признаем чередование гласных корня.

Можно отметить еще один пункт, где Шлейхер пошел против Боппа: Бопп признавал, что сонорные *r*, *l* в индоевропейском языке могли выступать как слоговые звуки (сонанты). Шлейхер же отбросил сонанты. Последующий ход развития лингвистики доказал правоту Боппа.

§ 17. Август Фридрих Потт (*Pott*, 1802 – 1887) основал **этимологию** – науку о происхождении и первоначальном значении слов. Необоснованные рассуждения греческих, римских и средневековых языковедов и философов об этимологии слов лишили эту отрасль знания всякого уважения. Лейбниц и Раск ее реабилитировали. Но только Потт по-настоящему показал, что может дать этимологика.

В этимологических исследованиях Потт проявил изумительную эрудицию, не ограничиваясь лишь индоевропейскими языками.

Потт отдавал себе отчет, что без строгих звуковых законов между словами родственных языков этимологика есть только упражнение в остроумии без доказательной силы. Потт требовал последовательного применения установленных звуковых соответствий во всех случаях. Поэтому младограмматики считали Потта своим предшественником.

Изучение звуковых соответствий родственных языков даже в не совсем точной форме очень благотворно влияло на этимологию.

Главный труд Потта – *Etymologische Forschungen auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen* («Этимологические исследования в области индоевропейских языков», 1833 – 1836). Второе издание вышло в шести томах (1859 – 1876).

Потт создал одновременно этимологию и сравнительную фонетику индоевропейских языков.

§ 18. Теодор Бенфей (*Benfey*, 1809 – 1881) – немецкий языковед и индолог.

Он написал книгу *Geschichte der Sprachwissenschaft und der orientalischen Philologie in Deutschland* («История языкознания и восточной филологии в Германии с начала 19 в. ...», 1869).

Бенфей первым указал, что греческая система гласных, вероятно, архаичнее индийской. Он также первым высказал мысль о возможной прародине индоевропейцев на юге России.

§ 19. Адальберт Кун (*Kuhn*, 1812 – 1881) – немецкий языковед, основатель лингвистической палеонтологии и сравнительной мифологии.

А. Кун вместе с Т. Ауфрехтом в 1852 г. основал журнал *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung...* (короче называемый *Kuhns Zeitschrift*, или сокращенно *KZ*) («Журнал для сравнительного лингвистического исследования в области индоевропейских языков»).

§ 20. Георг Курциус (*Curtius*, 1820 – 1885) – немецкий филолог-классик.

До младограмматиков Шлейхер и Курциус определяли пути развития индоевропейского языкознания.

Курциус первым стал последовательно применять сравнительно-исторический метод в изучении греческого языка. Правда, компаративизм Курциуса был не вполне выдержан: в год своей смерти (1885) он защищал мнение, что возможны и спорадические, т. е. не подчиненные строгим закономерностям, звуковые изменения в языке. На этой почве у него вышел конфликт с младограмматиками.

Главный труд Курциуса – *Grundzüge der griechischen Etymologie* («Основы греческой этимологии», 1858 – 1862, пятое издание – 1879).

Другие работы Курциуса – *Griechische Grammatik* («Греческая грамматика», 1852 г. и много последующих изданий), *Zur Chronologie der indogermanischen Sprachforschung* («К хронологии индоевропейского исследования языков», 1867), *Zur Kritik der neuesten Sprachforschung* («К критике новейшего языкознания», 1885). Последняя работа представляет собой полемику с младограмматиками. Курциус издавал периодическую серию *Studien zur griechischen und lateinischen Grammatik* («Исследования по греческой и латинской грамматике», 1868 – 1878, 10 томов), на страницах которой было опубликовано много работ как самого Курциуса, так и его учеников. Среди последних особо выделяется индолог Яков Вакернагель.

§ 21. Распространение сравнительно-исторического метода на ряд языков. В работах последователей Боппа новый метод был развит применительно к отдельным ветвям индоевропейских языков.

Распространение сравнительно-исторического метода на ряд языков сделало результаты исследования гораздо более конкретными. Как заметил Ф. де Соссюр, особенно изучение романских языков ограничило поле гипотетических гаданий и всем исследованиям сообщило в высшей мере конкретный вид.

Рассмотрим вкратце эти результаты.

Индийские языки. Индийские языки исследовали Теодор Бенфей, Макс Мюллер и Вильям Дуайт Витни. Отто Бетлинг (*Bohtlingk*) и Рудольф Рот (*Roth*) составили большой санскрито-немецкий словарь, изданный Российской академией наук в Петербурге в 1853 – 1875 гг.

Славянские языки. Начало исследования славянских языков связано с именем чешского лингвиста Иосифа Добровского, который в 1822 г. издал *Institutiones linguae slavicae veteris dialecti* («Основы древнеславянского языка»).

Ему следовал русский языковед Александр Востоков. Словацкий языковед Павел Шафарик в 1826 г. издал книгу *Geschichte der slavischen Sprache und Literatur in allen Dialekten* («История славянских языков и литературы для всех наречий»).

Большую роль в исследовании славянских языков играл Август Шлейхер.

Но истинный основатель славянской филологии – словенец Франц Миклошич. Его главные труды – *Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen* («Сравнительная морфология славянских языков» в четырех томах, 1852 – 1874; 2-е изд. – 1883) и *Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen* («Этимологический словарь славянских языков», 1886). На существенные недостатки филологического метода Миклошича указал еще русский славист Билярский.

Большой вклад в славистику внес А. Лескин.

Общий обзор хода развития исследования славянских языков представил Игнатий Викентьевич Ягич в труде «История славянской филологии» (Петербург, 1910).

Балтийские языки. Основные языковеды в области изучения балтийских языков: А. Шлейхер, Ф. Куршайтис (*Kurschat*), А. Бара-

новский, Ф. Ф. Фортунатов, К. И. Явнис, Ш. Ван-Вейк, К. Мюленбах, Я. Эндзелин, Э. Френкель, Х. Станг, Ф. Шпехт, К. Буга и др.

Германские языки. Основоположники сравнительно-исторического исследования германских языков – Я. Гримм и Р. Раск. За ними следовали Г. Пауль и многие другие крупные исследователи.

Кельтские языки. На принадлежность кельтских языков к индоевропейской семье указывали В. Ксиландер (*Xilander*), Фр. Шлегель, Дж. Причард (*Prichard*), А. Пикте (*Pictet*), Ф. Бопп.

Однако основоположником кельтского языкознания явился Каспар Цейс (*Zeuss*) со своей знаменитой *Grammatica celtica* («Кельтская грамматика», 1853). Через 20 лет после смерти автора, в 1876 г., во втором, исправленном издании ее выпустил кельтолог Г. Эбель. Недостаток грамматики Цейса в том, что в ней он больше сравнивал грамматические категории, чем выражающие их морфологические элементы.

В дальнейшем кельтские языки исследовали: Г. Эбель, У. Стокс (*Stokes*), Э. Виндиш (*Windisch*), Г. Циммер (*Zimmer*), Р. Турнейзен (*Thurneysen*), Х. Педерсен, Ю. Покорный, Ж. Вандриес (*Vendryes*) и др.

Романские языки. Основатель сравнительно-исторического исследования романских языков – немецкий лингвист-романист Фридрих Диц (*Diez*). Его важнейшие работы – *Grammatik der romanischen Sprachen*, 1 – 3 (1836 – 1844) и *Etymologisches Wörterbuch der romanischen Sprachen* в двух томах («Этимологический словарь романских языков», 1853).

Позднее появились романисты во Франции: Э. Литре (*Littre*), Г. Парис (*Paris*), П. Мейер (*Meyer*).

В Италии очень разносторонним языковедом и романистом был Грациаджо Исая Асколи (*Ascoli*).

В новое время прославился немецкий романист Вильгельм Мейер-Любке (*Meyer-Liibke*), применявший младограмматические принципы исследования. Он написал книги *Grammatik der romanischen Sprachen* в четырех томах («Грамматика романских языков», 1890), *Einführung in das Studium der romanischen Sprachwissenschaft* («Введение в изучение романского языкознания», 1903; 3-е изд. – 1920), *Romanisches etymologisches Wörterbuch* («Романский этимологический словарь», 1911 – 1919; новое изд. – 1935) и др.

§ 22. Второй период развития языкознания в Европе и Америке охватывает последнюю четверть XIX в., приблизительно с 1870 по 1900 г., т. е. в основном период школы младограмматиков. В течение второго периода был уточнен сравнительно-исторический метод исследования языков, раскрыты закономерности в развитии звуковой структуры слов. Новый период в истории языкознания связан с появлением на сцене так называемых младограмматиков. Это важное событие произошло на рубеже 70 – 80-х гг. XIX в., приблизительно через полвека после основания сравнительно-исторического языкознания.

Важная примета, характеризующая период младограмматиков, – распространение сравнительно-исторического языкознания по всему миру.

Младограмматикам удалось преодолеть много заблуждений первых сторонников сравнительно-исторического метода и усовершенствовать этот метод. Они совершили большое количество открытий в области фонетической системы индоевропейских языков.

§ 23. Третий период. Время младограмматиков – последняя четверть XIX в. – было богато достижениями. Естественно, что появились критики теорий младограмматиков. Чувствовалось, что младограмматизм сыграл свою роль и что следует искать новые пути развития науки о языке.

Одним из выдающихся представителей третьего периода был **Иоганн Шмидт** (*Schmidt*, 1843 – 1901) – знаменитый немецкий языковед, ученик Шлейхера. Шмидт в 1872 г. в Лейпциге прочел доклад и в том же году напечатал книгу *Die Verwandtschaftsverhältnisse der indogermanischen Sprachen* («Отношение родства индоевропейских языков»), где он своей «волновой теорией» разрушил слишком примитивную теорию «родословного древа» Шлейхера.

«Волновая теория» дала И. Шмидту возможность освободиться от ложных гипотез: будто бы между индоевропейским праязыком и, например, славянским праязыком существовали еще некие промежуточные праязыки (балто-славянский или славяно-балто-германский).

Географическим фактором Шмидт объяснял, что индийские языки стоят ближе к иранским, иранские – между индийскими и

славянскими, славянские – между балтийскими и иранскими, балтийские – между славянскими и германскими, германские – между кельтскими и балтийскими, кельтские – между германскими и итальянскими и т. д.

Еще один представитель третьего периода развития сравнительно-исторического языкознания – **Гуго Шухардт** (*Schuchardt*, 1842 – 1927), выдающийся австрийский лингвист, специалист по романскому и общему языковедению, басколог, кавказовед, финно-угровед и т. д. Он исследовал много языков, интересовался разными вопросами, смело брался за решение самых сложных проблем.

§ 24. Четвертый, или современный, период охватывает историю языкознания от «Курса общей лингвистики» Соссюра (1916) и начала расшифровки хеттского языка (1915 – 1917) до наших дней. Можно сказать, что этот период вызван пониманием Соссюра специфики и системности языка и открытием хеттского языка с последовавшей за ней ларингальной теорией.

Открытие новых материалов расширило наши знания, привело к значительному углублению исследований и уточнению методов изучения структуры индоевропейских языков и поставило перед языкознанием новые сложные задачи. Ввод в научный оборот новых материалов, фактов влечет за собой новые идеи, мысли и требует новых обобщений.

Важное достижение четвертого периода – открытие структуры языка как совокупности отдельных ярусов лексики, фонетики, морфологии, синтаксиса, стилистики. С открытием структуры языка лингвистика обрела свой собственный объект, отличный от предмета исследования логики, психологии, физиологии, истории культуры и других смежных наук.

Если в первом периоде самостоятельного научного языкознания главным были поиски праязыка, а исследовательский подъем второго периода создавали звуковые законы, то введением в четвертый период стала, кроме «Курса общей лингвистики» Соссюра, расшифровка памятников хеттского языка.

§ 25. Сравнительно-историческое языкознание в России.

Современное научное языкознание возникло в первые десятилетия XIX в., когда усилиями ученых ряда европейских стран был открыт сравнительно-исторический метод изучения языков.

Открытие сравнительно-исторического метода стало крупнейшим завоеванием науки, и с его помощью уже очень скоро были достигнуты поразительные успехи, в особенности в изучении индоевропейских языков. В результате применения этого метода были установлены родственные связи между языками и их историческая близость. Были определены закономерности развития и создана основа для научной истории языков. Этот же метод дал возможность восстанавливать явления языка, не засвидетельствованные в памятниках письменности, и таким образом проникать все глубже и глубже в далекое прошлое языков.

Немалая заслуга в создании, разработке и совершенствовании сравнительно-исторического метода в языкознании принадлежит деятелям русской науки.

Задача сравнительного и исторического изучения языков была поставлена в русской науке уже в середине XVIII в. в трудах **Михаила Васильевича Ломоносова** (1711 – 1765).

В истории русского языкознания Ломоносов известен как создатель первой грамматики русского языка, основанной на живом словоупотреблении, и автор теории «трех стилей», отличающейся своим историческим подходом к явлениям русского языка.

Большое научное значение для того времени имели идеи и высказывания Ломоносова в области сравнительного и исторического изучения языка. В кругу научных интересов Ломоносова были языки и других семейств. Он имел ясное представление о составе славянской группы языков и доказывал, что восточнославянские языки более близки к южным, чем к западным [23, с. 4]. В трудах Ломоносова было высказано «важное положение сравнительно-исторического языкознания – мысль о происхождении родственных языков из общего первоисточника – праязыка, в результате разделения которого образовались современные индоевропейские языки» [23, с. 5]. Ломоносов сравнивал этимологически тождественные слова в греческом, латинском, французском и итальянском и наметил типы структурно-фонетических изменений слов в этих исторически близких языках,

различая «прибавление» (например, из лат. *fircare* – «тереть», в итал. *fricciare*), «убавление» (например, из лат. *ingenium* – «остроумие, разум», во франц. *genie*), «применение» (например, из греч. $\mu\kappa\acute{\alpha}\omega$ – «мычу», в лат. *tugio*), «преложение» и «сложение» [23, с. 5].

Дальнейшие достижения русской науки в области сравнительно-исторического языкознания были связаны главным образом с деятельностью **Александра Христофоровича Востокова** (1781 – 1864). Особенно большое значение имели работы Востокова по славянскому сравнительно-историческому языкознанию. Собирая материалы по сравнительному словарю славянских языков, Востоков поставил своей задачей найти твердые основания для этимологического сравнения слов.

Важное значение для развития сравнительного языкознания в России в середине XIX в. имела деятельность двух ученых: в Москве – профессора Московского университета **Федора Ивановича Буслаева** (1818 – 1897), в Петербурге – профессора Петербургского университета, академика **Измаила Ивановича Срезневского** (1812 – 1880).

Проблемы сравнительного языкознания в связи с историей русского языка были рассмотрены Буслаевым уже в первой его работе «О преподавании отечественного языка» (1844).

В 1850 г. была издана работа И. И. Срезневского по сравнительно-историческому изучению русского языка «Мысли об истории русского языка».

Основная сфера научных интересов одного из деятелей отечественного языкознания **Александра Афанасьевича Потебни** (1835 – 1891) – сравнительный синтаксис, понимаемый как учение о семантике форм слов и словосочетаний в различных контекстах и на разных этапах исторического развития языка в сопоставлении с синтаксическими фактами родственных языков.

Главенствующее положение в 80-е и 90-е гг. XIX в. в развитии сравнительно-исторического языкознания в России заняла Московская лингвистическая школа, созданная крупнейшим русским языковедом **Филиппом Федоровичем Фортунатовым** (1848 – 1914). Список трудов Ф. Ф. Фортунатова по общему и сравнительному языкознанию немногочислен. Исследования касались обычно лишь

вопросов индоевропейского, славянского, балтийского или русского языкознания.

Среди многочисленных учеников Фортунатова следует отметить **Михаила Михайловича Покровского**, который перенес на область классической филологии принципы и методы сравнительно-исторического языкознания.

Традиции сравнительно-исторического языкознания в Петербурге были упрочены А. Х. Востоковым. Позднее там же области сравнительного языкознания деятельно работали И. В. Ягич, А. И. Соболевский, А. А. Шахматов.

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ МЕТОД В ЯЗЫКОЗНАНИИ

§ 26. Сравнение – основной способ установления родства языков. Сравнение родственных языков призвано помочь истории восстановить пути развития, пройденные родственными языками от диалектов до родственных самостоятельных языков.

«Сравнение, – по мнению А. Мейе, – может применяться для достижения двух различных целей: чтобы обнаружить общие закономерности или чтобы добыть исторические сведения» [20, с. 11].

Сравнение необходимо проводить с учетом истории сравниваемых фактов (так называемого приведения сравниваемого материала к «общему историческому знаменателю»).

Восстановленные при помощи сравнения факты языка принято обозначать звездочкой (*). Следует отметить, что, применяя историко-сравнительный метод, исследователи часто злоупотребляют этой звездочкой, рассматривая как реальный исходный факт восстановленные путем сравнения звук или слово, которые в действительности представляют собой лишь теоретический вывод, познавательная ценность которого определяется, с одной стороны, количеством привлекаемого к сравнению материала, а с другой – качеством анализа, т. е. той строгостью, с какой применяются принципы сравнения.

Цель сравнения не восстановление фактов языка-основы. Понятие языка-основы прежде всего необходимо для объяснения того, каким образом в языках, столь разобщенных, как латинский, русский и индийский, обнаруживаются общие явления в основном словарном фонде и грамматическом строе.

Цель сравнения – научно установить историю развития родственных языков в связи с историей говорящих на них народов.

Более надежным методом изучения истории, чем сравнительно-исторический метод, пока наука о языке не располагает. Все другие средства, какие предлагают для изучения истории языков, имеют недостатки.

Основной недостаток сравнительно-исторического метода заключается в том, что он не всегда и не с требуемой точностью выявляет пути развития языков, не всегда обеспечивает интересы истории. Этот метод нуждается в уточнении, усовершенствовании, чтобы он стал надежным, мощным средством проникновения в историю развития языков.

Чтобы установить морфологический тип, к которому относится изучаемый язык, достаточно проанализировать строение слов этого языка в его современном состоянии. **Типологическая классификация языков** не нуждается в истории. Однако чтобы установить языки, родственные изучаемому, недостаточно знать последний в современном состоянии; необходимо знать его историю, его происхождение. **Генеалогическая классификация** невозможна без выяснения исторических взаимоотношений языков.

«**Сравнительно-историческое языкознание** пользуется как основным инструментом исследования **сравнительно-историческим методом**» [16, с. 486].

Этот метод определяют как «систему научно-исследовательских приемов, используемых при изучении родственных языков для восстановления картины исторического прошлого этих языков в целях раскрытия закономерностей их развития, начиная от языка-основы» [7, с. 58].

Важнейшие приемы сравнительно-исторического метода: а) установление генетического тождества сопоставляемых значащих единиц и звуков и отграничение фактов заимствования и субстрата; б) реконструкция древнейших форм; в) установление абсолютной и относительной хронологии [14, с. 256].

Основанием сравнительно-исторического метода можно считать также типичность процессов, происходящих в различных языках. Несмотря на бесконечное разнообразие конкретных результатов исторических изменений в разных языках, все эти процессы можно свести к

определенным типам, имеющим, в сущности, одну и ту же природу (ср. такие процессы, как выравнивание форм по аналогии, переразложение основ, редукция безударных гласных, ликвидация различных произносительных затруднений, устранение плеоназма, синкретизм форм, давление языковой системы и т. д.). Все это свидетельствует о том, что сравнительно-исторический метод имеет объективные основания в самом языке, без наличия которых он не мог бы быть методом лингвистических исследований.

§ 27. Главные условия при сравнении. Отбор материала для сравнения. Сравнительно-исторический метод, как известно, основывается на сравнении языков, и в первую очередь языков родственных. Однако из этого не следует, что в языках можно сравнивать абсолютно все: есть сферы, малопригодные или совершенно непригодные для сравнения. К таким относятся, например, слова, основанные на **звукоподражании**, поскольку можно обнаружить сходно звучащие слова в языках, совершенно не родственных (ср., например, эрзя-морд. *ватракиш* – «лягушка» и др.-греч. *βάτραχος* с тем же значением; татар. *хахылдарга* – «хохотать», др.-греч. *καχάζω* и рус. «хохотать»; перс. *weng* – «хныканье» и коми-зыр. *венъгыны* – «хныкать» и т. д.); Непригодны для целей сравнения **междометия**, некоторые культурные и специальные термины, поскольку они легко заимствуются одним языком из другого. Например, нельзя составить ясного представления о родственных связях лишь финно-угорских языков на основании сравнения в них названий металлов, так как в финно-угорских языках часто представляют заимствования из древних иранских языков.

Нельзя сравнивать слова, **заимствованные** из других языков, поскольку они не отражают последовательный процесс звуковых изменений. Исключение может быть сделано для слов, некогда заимствованных из данного языка другим языком в более древнюю эпоху и отражающих архаичный облик слов языка, послужившего источником заимствования.

Для сравнения не могут быть использованы совершенно **различные по материалу факты** родственных языков, например, русское слово *пушка* нельзя сравнивать с укр. однозначным словом *гармата*: у них разные основы. Аналогично этому нельзя сравнивать:

рус. *полоса* и укр. *смуга* с тем же значением; рус. *язык* (в значении «речь») и укр. *мова* – («язык, речь»); рус. *труд* и однозначное укр. *праця*; рус. *тягостный* и укр. *важкий*; рус. *видеть* и укр. *бачити*; рус. *лук* (растение) и укр. *цибуля* и др.

Если бы все слова (основы) в русском и украинском языках расходились в такой же мере, как вышеуказанные, то сравнивать было бы нечего – эти языки были бы неродственными, совершенно разными по происхождению.

Для сравнения не может быть использован совершенно **одинаково звучащий материал** в родственных языках, например, такие слова, как *рука, дерево, день, слух, трава, ложка, сукно, щетина, корова, металл, техника, трактор* и многие другие. Эти слова, одинаково звучащие и в русском, и в украинском языках и имеющие одинаковое значение, ничего не дадут для сравнения: это или исконно общие для русского и украинского языков слова (*рука, день, дерево* и др.), или же усвоенные из других языков (*техника, металл, трактор* и т. п.).

Если бы все слова (основы) и все аффиксы были так одинаковы в русском и украинском языках, как это наблюдается в вышеуказанных примерах, то сравнивать опять-таки было бы нечего – мы имели бы один, а не два родственных языка (русский и украинский).

Для сравнения должен быть использован материал **исторически общий** для сравниваемых языков, но **подвергшийся дифференциации**.

В некоторых языках оказываются сходными корни древних слов, например:

рус. *дом, нож, конь, кол, род, ровно, конец, кошка, крепкий, полночь, сено, семя, месяц, свет, медь, век, полный, желтый*;

укр. *дім, ніж, кінь, кіл, рід, рівно, кінець, кішка, кріпкий, північ, сіно, сімя, місяць, світ, мідь, вік, повний, жовтий*.

Далее к сравнению привлекают формант, суффикс инфинитива (-ть – -ти), который исторически является общим у обоих языков: рус. *жить, молоть, колоть, искать* – укр. *жити, молоти, колоти, шукати*.

Из этих немногих примеров видно, что дифференцированный материал выявляет **звуковые соответствия**: в определенных условиях русским *о, е* соответствует в украинском *і*; русскому *л* – в украинском *в* (см. примеры выше).

§ 28. Материальная общность корней и грамматических элементов родственных языков. В некоторых языках оказываются сходными корни древних слов.

Санскр.	Греч.	Лат.	Др.-нем.	Ст.-слав.	Рус.	Польск.
matà	méter	mater	muoter	мать	мать	matka
muṣ	mus	mus	mūs	мышь	мышь	musz
nàvas	nefos	novus	niuwi	новъ	новый	nowy
tràyas	treis	tres		трие, три	три	trzy

Эти слова – исконные в каждом названном языке. Поскольку между звучанием и значениями нет обязательной связи, то названия одних и тех же предметов в разных языках должны бы быть разными. Следовательно, материальная общность корня свидетельствует о том, что взятые языки – родственные, что они восходят к какому-то одному очень древнему языку-основе. Морфологические явления почти не заимствуются, поэтому сходство окончаний глаголов, падежей существительных, форм притяжательности и других грамматических явлений в языках можно объяснить тоже общим происхождением этих языков.

О родстве языков говорят, например, и следующие сходные окончания глаголов.

Санскр.	Греч.	Лат.	Гот.	Ст.-слав.	Рус.
bharasi	fereis	fert	bairis	береши	берёшь
bharati	ferei	fers	bairit	береть	берёт

Отдельные звуки в корнях и грамматических элементах слов часто различаются. Так, звуку [б] славянских и германских языков может соответствовать звук [ф] в латинском и греческом; звуку [г] – звук [ж] и т. д. Но эти звуки соответствуют друг другу настолько регулярно, что выведены даже **законы звуковых соответствий**, и установление родства слов производят с учетом звуковых соотношений. Во внимание принимают все известные исторические звуковые законы каждого языка сравниваемой группы родственных языков.

Слова и морфемы можно сопоставлять лишь в том случае, если сходны их значения и устанавливается точное соответствие звуков с учетом исторических изменений. Например, нельзя сопоставлять русское слово *три* (числит.) с английским словом *tree* – «дерево». Во-первых, значения этих слов не имеют ничего общего. Во-вторых, английское [t] в слове *tree* согласно звуковому закону соответствует не звуку [т], а звуку [д] в славянских и некоторых других языках (ср. др.-инд. *daru*, ст.-слав. *дръво*, рус. *дерево*), а славянскому звуку [т] в древних германских языках соответствует звук [θ] (th). Этот звук сохранился в английском языке, а в немецком в результате второго перебора согласных перешел в [d] – *drei*. Родственным русскому слову *три* в английском языке является слово *three* – «три».

Звуковые соответствия, как правило, устанавливаются в процессе сравнения родственных языков, и в дальнейшем эти соответствия сами служат надежной опорой сравнения.

Материалом для сравнения обычно выступают элементы языка, принадлежащие к его наиболее устойчивым сферам. В области лексики это слова, составляющие так называемый основной словарный фонд языка, – термины родства, древнейшие предметы быта, названия элементарных действий, явлений окружающей человека природы (например, *живой, мертвый, пища, огонь, вода, дерево, камень, мать, брат, сестра* и т. п.) и другие наиболее устойчивые лексические категории, местоимения, числительные, предлоги, послелогии. В области морфологии наиболее надежный материал для сравнения – система словоизменяемых формативов, которые, как правило, почти никогда не заимствуются, а также средства словообразования, которые хотя и могут заимствоваться из других языков, но не в такой сильной степени.

§ 29. Архетипы звуков и форм родственных слов. Сравнивая слова и формы родственных языков, можно восстановить **праформы**, или **архетипы** (древнейшие, исходные слова, звуки и формы), слов, звуков и форм, не зафиксированные даже в самых древних письменных памятниках. Праформы называют также «формами со звездочкой», так как их принято обозначать звездочкой. Например, сопоставляя др.-инд. *pinasti* – «толчёт», *pistam* – «пища», греч. *ptisso* – «толку», лат. *paisyti* – «толочь», ст.-слав. *пъхатицъ пьшеница, пьшено*, укр. *пше-*

ница, пихать, рус. пшеница, пшено, пест, пихать, языковеды восстановили их архетип – очень древний корень **peis*, который видоизменился в каждом языке в соответствии с его законами.

Сравнение первых звуков в рус. *брат* – ст.-слав. братръ – нем. *Bruder* – лат. *frater* – санскр. *bhrata* дает основание предполагать, что более древним видом был придыхательный звонкий губной согласный [**bh*]: потеряв придыхание, он превратился в смычной звонкий согласный славянских и германских языков; этот же звук может давать глухой щелевой согласный, как это фиксирует латинский язык. Сравнивая рус. *живой* и лит. *gyvas*, мы устанавливаем более древний вид звука *l*g^vl*, так как появление звука [z] из [g] легко объяснить первым смягчением заднеязычных согласных, характерным для славянских языков. Сравнивая лит. *gyvas* и лат. *vivus*, можно предположить лабиализацию заднеязычного [**g^v*], иначе не будет понятна латинская форма, начинающаяся губным согласным (ср.: рус. *жи́ла* – лит. *gysla* – лат. *vena*). Таким же путем возможно восстановление архетипов словоизменительных и словообразовательных аффиксов, а следовательно, и целых слов. В древнерусском *гость -ь* развился из безударного *-i*; в готском *-i* краткое выпало перед *-s*, следовательно, соответствия латинского *-is*, готского *-s* и древнерусского *-ь* являются закономерными; в именительном падеже единственного числа восстанавливается форма на **-is*. Реконструкция полной формы именительного падежа данного слова – **ghostis*. Восстанавливая более древнюю форму, не засвидетельствованную письменностью, мы получаем возможность проследить развитие языка в его более раннем периоде. Надо помнить, что чем древнее эпоха и чем отдаленнее родство, тем более схематичной становится реконструкция. Чтобы не допустить ошибки, реконструирование звуков и форм должно опираться на факты исторического развития родственных языков, на тенденции, свойственные им, учитывать промежуточные звенья развития.

Рассматривая родственные слова, следует постоянно принимать во внимание связь изучаемых явлений с историей народа, с его древнейшим бытом. Так, совсем различный быт связывается со словами *стена* в славянских языках и «стена» в германских языках. Старославянское слово *стѣна* родственно готскому *stains* (нем. *Stein*, англ. *stone* – «камень»). Из сравнительной грамматики индоевропейских языков известно, что основы на *-a* в древности имели собирательное

значение. Значит, слово *стѣна* первоначально означало «груда» или «ряд камней», затем – «каменная стена» или «стена дома».

Отсюда можно сделать вывод, что предки славян в какой-то период своей истории жили в горной местности, где были камни для построек. Это хорошо согласуется с летописным преданием о том, что славяне перед тем, как расселиться по Восточной Европе, жили на Карпатах.

Немецкое слово *Wand* – «стена» – одного корня со словом *winden* – «вить, плести». Значит, слово *Wand* первоначально означало «плетеная стена». Это хорошо согласуется с теми сведениями, которые сохранились о древних германцах: они жили в лесах и часто меняли место жительства; по свидетельству древнего римского писателя Страбона, они «каждый день строили» свои хижины.

Позднейшие изменения слов часто не позволяют установить архетипы, восходящие к одной эпохе. Поэтому восстановить полный словарь древнего языка-основы невозможно.

Ученые вынуждены ограничиваться установлением **относительной хронологии**. Этим термином называют определение древности того или иного явления данного языка по отношению к явлениям других языков.

§ 30. Относительная хронология. Родственные языки не только сохраняют древнейшие формы, но и создают аналогичные инновации (новообразования), вызванные общностью языковой основы и тенденций развития. В праязыке также были диалекты. Родственные диалекты в ходе исторического развития объединялись или обособлялись. Многие общие черты возникли в результате распространения диалектной особенности на ряд родственных языков; и напротив, некоторые древнейшие утраченные черты сохранились лишь в отдельных диалектах и языках. Поэтому обнаружение общих форм и звуков требует определения их ареала и хронологической прикреплённости.

Очень важное условие исторического изучения родственных языков – учет их древнейшей фиксации. Известно, что индоевропейские языки были впервые зафиксированы в памятниках письменности в разное время. Нам известны языки, письменность которых сохранилась с XIV – III вв. до н. э., – это хеттский (XIV – XIII вв. до н. э.), древнегреческий (X – IV вв. до н. э.), древнеперсидский (VI – V вв. до н. э.),

латинский (VI – III вв. до н. э.), санскрит (III в. до н. э.). Есть языки, письменная фиксация которых отмечена довольно поздно, – это готский (V – VI вв. н. э.), древнеармянский (V – IX вв. н. э.), старославянский (IX – XI вв. н. э.), литовский (со второй половины XVI в. н. э.).

Ранние письменные памятники содержат не только древние факты, но и более поздние. И напротив: языки, зафиксированные относительно поздно, содержат иногда более древние факты, чем языки, зафиксированные ранее. Скажем, памятники литовского языка более поздние, чем старославянские, однако в литовском мы обнаруживаем, например, такое фонетическое явление, как закрытый слог, который древнее открытого слога славянских языков. Поскольку точное время фиксации языковых явлений определить нельзя, язык в древнейшем состоянии вообще не имеет письменных памятников, а промежуточные звенья в ряде случаев утрачены, то в сравнительно-историческом языкознании очень большое значение придают **относительной хронологии** языковых явлений. При установлении фонетических соответствий следует принимать во внимание их относительную хронологию, т. е. надлежит выяснить, какие из элементов являются первичными, а какие – вторичными.

Прием относительной хронологии заключается в том, что путем изучения распространения и значимости в системе языка двух явлений устанавливается древность одного факта по сравнению с другим. Относительная хронология уточняется приемами системной интерпретации и лингвистической географии.

Примером относительной хронологии в области фонетических явлений может служить разграничение первого и второго смягчения заднеязычных в славянских языках, т. е. изменение заднеязычных в шипящие и свистящие: [ч] > [ж], [к] > [ч], [х] > [ш] и [г] > [з], [к] > [ц], [х] > [с]. Смягчение заднеязычных согласных и их переход в свистящие признают более поздним, чем первое смягчение, на том основании, что оно наступило после монофтонгизации дифтонгов [oi] и [ai] и возникновения новых звуков [ě] и [ī], а также на основании факта меньшего распространения второй палатализации и разнообразия ее отражения в славянских языках.

Относительную хронологию имеют и передвижения согласных в германские языки – первый и второй перебои согласных. Первый перебой отличает германские языки от других индоевропейских язы-

ков (лат. *pellis* (мех) – гот. *fill*; лат. *quis* (кто) – гот. *hwas*; лат. *frater* (брат) – др.-в.-нем. *bruodar*; лат. *homo* (человек) – гот. *twai* и т. п. Второй перебой – особенность верхненемецкого языка, в отличие от нижненемецкого и других германских языков (гот. *itan* (есть) – нем. *essen* – англ. *eat*; гот. *slepan* (спать) – нем. *schlafen* – англ. *sleep*).

Вернемся снова к ряду соответствий: тадж. *гарм*, – арм. *зерт* – др.-инд. *gharmah*; греч. $\theta\epsilon\rho\mu\acute{o}\varsigma$; лат. *formus*, нем. *Warm*. Сравнение тадж. *гарм*; арм. *зерт* – «теплый» говорит о том, что в древности на месте современного тадж. **а** был, очевидно, звук **е**, в противном случае в соответствующем армянском слове древнее **g** не могло бы превратиться в аффрикату **з**. Таким образом устанавливается более древний облик таджикского прилагательного **germ*. Привлечение древнеиндийского соответственного прилагательного *gharmah* (корень *gharm-*) еще более проясняет картину. Древнеиндийское *gharmah* свидетельствует, во-первых, о том, что древнее **g** было не простым, а придыхательным. Слово оканчивалось на **h**, которому предшествовал какой-то гласный. Для уточнения картины привлекается др.-греч. $\theta\epsilon\rho\mu\acute{o}\varsigma$ (корень $\theta\epsilon\rho\mu-$) с тем же значением. Привлечение греческого слова помогает установить, что конечным согласным было первоначально не **h**, а **s** (показатель падежа), а древнеиндийский гласный **a** в корне этого слова развился из **е**, в отличие от **a** второго слога, восходящего к **o**. Греческое θ (*th*), представляющее результат видоизменения древнего **gh** перед **е** в **th**, еще раз подтверждает предположение, что это **g** было не простым, а придыхательным, иначе невозможно объяснить придыхательность **th**.

Сопоставление тадж. *гарм* – «теплый» с нем. *Warm* – «теплый» и лат. *formus* – «теплый, горячий» указывает на то, что начальный звук этого слова в языке-основе был лабиализованным, что создавало предпосылки для развития губного звука. Лабиализация, усилившись в отдельных языках, привела к образованию губных спирантов **w** и **f**. Таким образом, становится вероятным предположение о том, что тадж. *гарм* – «теплый» развилось из более древнего архетипа **gh^wermos*.

Вместе с тем известны такие случаи, когда и.-е. **gh** в древнегреческом соответствует глухой придыхательный **kh**, а в некоторых других индоевропейских языках спирант **z** или **zʹ**. Сравним, например, греч. $\chi\epsilon\iota\mu\acute{o}\nu$ – «буря», этимологически родственное рус. *зима*, лит.

zieta и тадж. *зимистон*. Если древнее *gh* индоевропейского языка основы могло в таджикском переходить в *ẓ* в слове *зимистон*, то почему *gh^w* архетипа **gh^wermos* не превратилось в таджикском языке в *ẓ*? Почему «теплый» звучит как *гарм*, а не *зарм*? Это, конечно, также не случайно. Очевидно, *gh*, к которому восходит тадж. *г* в слове *гарм*, отличалось от *gh*, к которому восходило *ẓ* в слове *зимистон*. По-видимому, было два типа древних *gh* – одно задненебное, а другое – средненебное. Средненебное превратилось в некоторых языках в спирант, а задненебное здесь сохранилось, хотя и могло терять придыхание. Окончательно можно установить, что *г* в тадж. *гарм* исторически восходит к придыхательному лабиализованному и задненебному *g* [7, с. 61 – 63]. Таким образом, путем сравнения тадж. *гарм* – «теплый» с соответствующими по значению словами родственных индоевропейских языков оказывается возможным установить, как это слово звучало в глубокой древности.

Восстановление архетипов невозможно без знания исторической морфологии группы родственных языков и каждого языка, входящего в данную группу в отдельности. Например, правильность создания архетипа *gh^wermos*, полученного в результате сравнения тадж. *гарм*, арм. *zerm*, др.-инд. *gharmah*, греч. θερμός, лат. *formis* и нем. *Warm*, подтверждается также тем, что все вышеперечисленные слова представляют собой результат изменения определенного структурного морфологического типа слова, состоящего из корня, тематического гласного *o* и надежного показателя *s*.

Создание архетипов словоизменительных и словообразовательных формативов в основном подчиняется тем же правилам.

В таких формах, как чуваш. *хула-ра* – «в городе» и татар. *кала-да* – «в городе», окончания местного падежа *-ра* и *-да* генетически оказываются тождественными, поскольку в чувашском языке древнее *d* в интервокальном положении превращалось через промежуточную ступень в *r*.

§ 31. Последовательные ступени сравнения. Сравнение рекомендуется осуществлять в определенной последовательности. Сначала необходимо сравнить, если это возможно, данные одного языка, принадлежащие к разным этапам его исторического развития, например, данные современного русского языка и древнерусского языка

или данные современного русского языка с архаизмами, сохранившимися в диалектах. Потом сравнить материалы **близкородственных** языков, например восточнославянских – русского, украинского и белорусского. Затем рассмотреть материалы западнославянских языков – польского, чешского, словацкого. Далее привлечь материалы южнославянских языков – болгарского, сербского, хорватского, словенского. Потом сопоставить данные всех славянских языков в целом. После того как исследованы славянские языки, следует приступить к исследованиям балтийских и германских языков. После этого перейти к романским языкам. Наконец, привлечь материалы индийских языков и т. д. Таким образом будут охвачены материалы всех индоевропейских языков.

После того как изучены материалы семьи индоевропейских языков, можно перейти в случае надобности к изучению материалов языков других семей. По свидетельству некоторых авторов, собран большой материал по древнейшим лексическим связям индоевропейских языков с семито-хамитскими. Эти связи относятся, видимо, к очень глубокой древности, к тому времени, когда гласные еще плохо различались и значения слов передавались преимущественно согласными звуками.

В последнее время выдвинута «ларингальная гипотеза», т. е. предположение о том, что в древнейших языках были особые глухие глубоко гортанные звуки. Исчезновение этих гортанных звуков вызвало изменение качества соседних гласных звуков, увеличение количества гласных и различные чередования гласных в корнях слов. Так как в каждом отдельном древнейшем языке все это происходило по законам его внутреннего развития, то следствием оказались различные видоизменения родственных корней в разных языках.

По мнению некоторых ученых, к той поре восходит, например, одинаковое чередование звуков *e*, *o* и нуля звука в греческом и славянских языках: *fero* – *foros* (*соберу* – *собор* – *собрать*).

Расширяя круг языков, иногда привлекают материалы финно-угорских языков. И здесь находят некоторые следы заимствований из какого-то очень древнего индоевропейского языка или, может быть, остатки чрезвычайно древних родственных связей. На такие предположения наводят, например, финские слова *vete* – «вода», *nime* – «имя», *viha* – «яд» (ср. инд. *visa* – «яд») и некоторые другие.

§ 32. Понятие о внутренней и внешней реконструкциях. От описанных приемов сравнения материала разных языков существенно отличается внутренняя реконструкция языкового материала. Одна из задач сравнительно-исторического языкознания – реконструкция праязыков известных языковых семей. **Реконструкция** – это «комплекс приемов и процедур воссоздания незасвидетельствованных языковых состояний, форм, явлений путем исторического сравнения соответствующих единиц отдельного языка, группы или семьи языков» [16, с. 409].

«Методика реконструкции должна давать ответ на вопрос, во-первых, о том, как, основываясь на данных языков-потомков, получить информацию о праязыке, а во-вторых – о том, какова степень достоверности получаемых при этом результатов» [6, с. 129]. Языковая реконструкция может быть **внутренней и внешней**.

Внутренняя реконструкция – это построение гипотез о праязыковых прототипах тех или иных языковых элементов на основании данных одного языка, т. е. это восстановление древних обликов слов на материале одного только данного языка. Так, по древнерусским памятникам письменности можно установить постепенное образование ряда наречий. Можно показать, что наречие *долой* восходит к древней форме дательного падежа *долови*, и восстановить таким образом начальную форму наречия. Связь между словами *долой* и *долови* подтверждается такой же связью слов *домой* и *домови*. Искать подтверждение этой связи в других языках нет надобности, к тому же нужных материалов в них и нет. Чешское образование *dolu* – «вниз», по-видимому, позже русского, болг. *долу* – тоже, польск. *dolowy* (прилагательное «долой», по-польски *przez*, близко к русскому *прочь*).

Таким образом, возможна и полезна внутренняя реконструкция языкового материала.

Внешняя реконструкция осуществляется путем сопоставления тех элементов языков-потомков (или – при менее глубокой реконструкции – диалектов), которые считаются восходящими к одному праязыковому архетипу.

«В своей типовой схеме процедура внешней реконструкции предусматривает следующие шаги: а) сопоставление сходных (или совпадающих) по материалу и семантике единиц; б) определение системных корреспонденций в их материале; в) установление хроноло-

гического соотношения в форме и семантике сопоставляемых единиц и г) выведение исходного архетипа» [12, с. 84].

«Разные языки, восходящие к одному языку-предку, изменялись по-разному и тем самым сохранили разные его черты. Объединение этих черт дает картину древнего языкового состояния, предшествовавшего распаду праязыка» [6, с. 131].

§ 33. Понятие о неравномерности развития языков. Можно полагать, что в глубокой древности родственные языки были близки друг к другу. Но развитие языков и разных сторон языков (особенно грамматики) происходит неравномерно. Так, **артиклъ** был уже в греческом языке VI в. до н. э., а в романских языках он появился на 1500 лет позднее. Болгарский язык утратил склонение, а русский язык сохраняет систему склонения в довольно сложном виде. Неравномерно изменялись состав звуков и способы их произношения. В одних языках очень древний закон перехода *е* в *о* давно перестал действовать, а в русском языке он существует до сих пор, захватывая все новые группы морфем. Поэтому с течением времени родственные языки утратили многие сходные черты. Расхождение языков происходило в разные исторические эпохи и в разных условиях. Иногда расхождение сменялось схождением. Некоторые языки могли полностью исчезать. Следующее дробление языков могло происходить уже на новой основе и в новых условиях.

Современные родственные языки – результат многовекового развития, поэтому родственные связи между ними иногда установить нелегко. Но все же эти связи, безусловно, установлены наукой, и на основе сравнительно-исторического изучения языков разработана генеалогическая классификация языков мира.

§ 34. Основные приемы сравнительно-исторического исследования. Охарактеризовать всю совокупность приемов сравнительно-исторического исследования было бы довольно трудно по той причине, что лингвист-историк или компаративист должен в практике своих исследований учитывать все многочисленные факторы, вызывающие изменения языка, в той или иной мере воздействующие на слова и его формы. Сравнительно-исторический метод включает в се-

бя не один прием исследования, а целый комплекс разнообразных приемов.

Однако, несмотря на многообразие приемов и сложность конкретных задач исследования, все же можно выделить наиболее важные и основные приемы, без наличия которых сравнительно-историческое изучение языков не представляется возможным.

§ 35. Установление генетического тождества сопоставляемых значащих единиц и звуков. История какого-либо слова или его формы никогда не будет установлена, если мы не будем это слово сравнивать с другими словами. Необходимо, прежде всего, установить ряд генетически тождественных единиц, которые могли бы послужить материалом для сравнения. Предположим, что мы поставили своей задачей выяснить историю таджикского слова *гарм* – «теплый». В рамках одного языка, конечно, можно установить ряд генетически тождественных единиц, ср., например, лат. *genus* – «род» (род. п. *generis*) или рус. *время* (род. п. *времени*) и так далее, но данных одного языка обычно недостаточно. Часто будут встречаться такие случаи, когда ряд генетически тождественных единиц вообще установить невозможно. Для преодоления этих проблем обычно прибегают к использованию данных диалектов и родственных языков. Применительно к рассматриваемому примеру устанавливается следующий ряд соответствий: тадж. *гарм* – арм. *зерт* – др.-инд. *gharmah* – греч. θερμός – лат. *formus* – нем. *Warm* («теплый»). Сравнение вышеприведенных слов возможно только при условии генетического тождества всех их составных элементов. Единственным критерием этого тождества могут быть только **закономерные звуковые соответствия**.

§ 36. Закономерные звуковые соответствия. Мы должны точно знать, что, скажем, начальное тадж. *г* закономерно соответствует в данном случае арм. *з*, др.-инд. *gh*, греч. *θ*, лат. *f* и нем. *w*. Все составляющие данные слова гласные и согласные звуки должны быть результатом сохранения или закономерного изменения **слова-архетипа**, лежащего в их основе.

При установлении закономерных фонетических соответствий чрезвычайно важно помнить, что звуки языка в разных позициях слова могут изменяться по-разному, например, исконное *s* в греческом

языке в начале слова перед гласным превращалось в *h*, в середине слова в интервокальном положении исчезало и сохранялось только в конце слова. Следует также учитывать, что сходные по артикуляции звуки в языке могут циклически исчезать и появляться. По этой причине один и тот же звук языка может иметь разные источники. Например, в финских словах *siltä* – «мост», *setä* – «дядя» и *silmä* – «глаз» спирант *s* имеет разные источники. В первом случае он возник из *t*, который в финском языке в группе *ti* переходит в *s*, (ср. лит. *tiltas* – «мост», фин. *siltä* – «мост»), во втором случае он восходит к древней уральской палатализованной аффрикате *č* (ср. коми-зыр. *чӧж*, мар. *чӱчӧ* – «дядя по матери»), в третьем случае он отражает древнее палатализованное *s*. Таким образом, знание исторической фонетики родственных языков – первейшее и самое необходимое условие для сравнения.

В истории науки нередко предпринимались попытки отождествления слов различных языков по их чисто внешнему созвучию. С методической точки зрения это совершенно неправильно, так как сходно звучащие слова могут быть генетически не тождественны. Например, современное английское прилагательное *bad* означает «плохой», но и современное персидское *بَد* [бэд] имеет такое же значение – «плохой, скверный, дурной», и «тем не менее персидское слово ничего не имеет общего с английским: это чистая “игра природы”. Совокупное рассмотрение английской лексики и новоперсидской лексики показывает, что из этого факта никакие выводы сделать нельзя» [19, с. 50]. В действительности английское *bad* появилось от среднеанглийского *bæddel* – «изнеженный, слабый», тогда как персидское *بَد* [bäd] происходит из более старого *vät* – «плохой» [5, с. 368]. Следовательно, вышеприведенные слова не могут быть отождествлены и по той простой причине, что нет закономерных формул звуковых соответствий.

При строгом учете закономерных фонетических соответствий часто оказывается, что внешне совершенно непохожие друг на друга слова в действительности генетически тождественны (ср. рус. *чадо* и нем. *Kind* – «дитя»; нен. *хады* – «ель» и фин. *Kuusi* – «ель»; фин. *setä* – «дядя» и коми-зыр. *чӧж* – «дядя по матери»; чув. *ура* – «нога» и тур. *ayak* – «нога» и т. д.). Любопытно, что само несходство этих слов вполне закономерно и объяснимо. Древнее *к* в истории русского языка и вооб-

ще славянских языков перед гласным переднего ряда *e* могло переходить в *ě* (ср. лит. *keturi* – «четыре» и рус. *четыре*; рус. *кричат* из *крикети*, ср. *крик*), сочетание *en* через промежуточную ступень носового *e* превращалось в *'a* (ср. *время*, но род. п. ед. ч. *времени*; *семя* – род. п. ед. ч. *семени*, ср. лат. *seten* – «семя» и т. д.), ненецкое начальное *x* закономерно соответствует фин. *k* (ср. нен. *халя* – «рыба», фин. *kala* – «рыба» и т. д.).

Гораздо большее значение, особенно при условии отсутствия или малочисленности памятников древней письменности, имеет установление так называемой относительной хронологии фонетических изменений.

Звуковые соответствия, как правило, устанавливаются в процессе сравнения родственных языков, и в дальнейшем эти соответствия сами служат надежной опорой сравнения.

Что следует считать целью сравнения? Сравнение призвано помочь истории восстановить пути развития родственных языков, иными словами, выяснить место, которое занимают наличные словарные и грамматические факты родственных языков в истории развития данных языков, и тем самым сделать их понятными. Чем глубже мы проникаем в историю развития языков, тем бо́льшая близость обнаруживается между ними, если это языки родственные. И наоборот: когда мы сравниваем неродственные языки, расхождение будет увеличиваться тем больше, чем больше мы углубляемся в историю; сходство же окажется обусловленным сближением данных языков; следовательно, сходство это необходимо рассматривать как явление вторичное.

§ 37. Родство языков. Возникновение родственных языков.

Родственные языки есть результат самостоятельного развития диалектов одного и того же языка. Язык, от диалектов которого ведут начало родственные языки, называют **языком-основой**. Так, например, **древнерусский** – язык-основа для русского, украинского и белорусского языков. **Народная латынь** – язык-основа для языков романской группы (итальянского, французского, испанского, румынского и др.).

Как известно, у территориальных диалектов есть свои основной словарный фонд и грамматический строй; диалекты объединяются по

этим моментам при наличии ряда особенностей. Общие основной словарный фонд и грамматический строй, постепенно изменяясь, становятся основой для новых самостоятельных языков. Так схематически представляют процесс зарождения родственных языков из диалектов и конечную фазу этого процесса. Проследить пути развития родственных диалектов в родственные языки – значит выявить историю образования семьи родственных языков.

Родство языков выражается в том, что между ними в большей или меньшей степени сохраняется сходство и в основном словарном фонде, и в грамматическом инвентаре (префиксы, суффиксы), а также, как правило, и в звуковом составе.

Следует оговориться, что сходство может наблюдаться и между неродственными языками; оно может быть **материальным**, но случайным (заимствованные слова) или неслучайным, **типологическим**, но не материальным (одинаковое строение слова: например, префиксация там, где в других языках налицо суффиксация). Сходство же родственных языков, проявляясь в основном словарном фонде и грамматическом инвентаре, является закономерным: одни и те же языковые факты (основы, аффиксы) в них представлены в дифференцированном виде.

Таким образом, «...два языка называются родственными, когда они оба являются результатом двух различных эволюций одного и того же языка, бывшего в употреблении раньше» [19, с. 50].

Родственность языков определяют на основе сравнительно-исторического метода исходя из следующих критериев:

1) **происхождение из одного источника:** у многих языков обнаруживается общий предок, праязык, который при распаде породил другие языки. Например, романские языки (французский, испанский, итальянский и др.) сформировались в результате развития народных диалектов латинского языка;

2) **наличие древних общих корней и аффиксов:** *три* (рус.), *trayas* (др.-инд.), *trcs* (лат.), *trois* (фр.), *drei* (нем.), *three* (англ.); (*Аз*) *есмь* (др.-рус.), *eimi* (др.-греч.), *sum* (лат.), (*I*) *am* (англ.);

3) **наличие регулярных фонетических соответствий:** *брат* (рус.), *bhratar* (др.-инд.), *frater* (лат.), *frere* (фр.), *brother* (англ.), *Bruder* (нем.); *Pater* (лат.), *hitar* (др.-инд.); *Daughter* (англ.), *дочь* (рус.), *дохтер* (перс.).

Языковая семья представляет собой совокупность наиболее крупной группировки всех родственных языков. Таковы, например, семьи языков: индоевропейская, семитическая, иберийско-кавказская, угро-финская, алтайская (туранско-монгольская) и другие (подробнее о них см. ниже).

В пределах одной семьи, если она многочисленная, могут выделяться относительно мелкие группы, находящиеся между собой в более тесной связи, чем с другими языками той же семьи. Такие группы более близких друг к другу языков (внутри одной и той же семьи) обычно обозначают термином **ветвь языков** или **группа языков** (той или иной семьи). Так, например, внутри индоевропейских языков выделяются ветви (или группы) индийских, иранских, славянских, германских, романских, кельтских и других языков. В свою очередь, ветвь (или группа) может подразделяться на более мелкие группы, которые называют **подгруппами**; например, славянская ветвь (или группа) индоевропейских языков делится на подгруппы восточнославянские (русский, украинский, белорусский языки), западнославянские (чешский, словацкий, польский языки), южнославянские (болгарский, македонский, сербохорватский, словенский языки).

Термин «семья языков» (так же как и «скрещивание языков») в языкознании заимствован из биологии. Взаимоотношения языков носят характер исторический, а не биологический.

В пользу термина «семья языков» говорит длительная традиция. Поэтому термин «семья языков» остается в употреблении (так же как и термин «скрещивание языков» как традиционный для сравнительно-исторического языкознания).

§ 38. Теория ностратической сверхсемьи. Развитие сравнительно-исторического изучения языков различных семей всегда сопровождалось попытками расширить круг родственных языков, протянуть связующие нити от одной семьи языков к другой в целях доказательства их генетического родства в далеком прошлом. Если в прежнее время производились в большинстве случаев попытки сближения отдельных семей языков, например семитских с индоевропейскими, тюркских с угро-финскими и так далее, то современный этап развития сравнительно-исторического языкознания характеризуется стремлением устанавливать группы родственных языков, вклю-

чающие в себя очень большое количество членов. Так, например, А. Б. Долгопольский заметил: вероятностная оценка сходства между морфемами индоевропейских, уральских, алтайских, чукотско-камчатских, картвельских и семито-хамитских языков показала, что это сходство не может быть случайным и не может быть результатом заимствований, а следовательно, приходится его объяснять генетическим родством. Эти языки А. Б. Долгопольский назвал **сибироевропейскими** [9, с. 28]. Те же языки, но за вычетом чукотско-камчатских, получили в статье В. М. Иллича-Свитыча название **ностратические**: так «мы называем большую языковую семью, включающую по крайней мере шесть языковых групп Старого света – индоевропейскую, алтайскую, уральскую, дравидскую, картвельскую и семито-хамитскую» [10, с. 321].

Теория ностратической сверхсемьи возникла в 1903 г., когда датский ученый **Холгер Педерсен** объединил по определенным признакам в одну **сверхсемью** такие семьи языков, как индоевропейские, угро-финские, самодийские, семитские, тюркские и другие, и назвал эту семью ностратической (лат. *nostras* – «наши соотечественники»). В 60-е гг. XX в. советские ученые В. М. Иллич-Свитыч и А. Б. Долгопольский возродили полузабытую теорию, предложив сотни корней слов, имеющих, по их мнению, соответствия в ностратических языках, присоединив к этой сверхсемье дравидийские и картвельские языки. Но лексические параллели часто малоубедительны, тем более что даже внешнее сходство или различие слишком часто обманчиво. Например, доказано, что русский, английский и армянский языки индоевропейские, т. е. родственные. Так, рус. *два*, англ. *two* и арм. *erku* происходят из одного источника. С другой стороны, ацтекское *huel* звучит похоже на англ. *well*, а в самом английском языке *ear* – «ухо» исторически не связано с омонимом *ear* – «колос».

Пытаясь генетически связать языки Старого и Нового Света, М. Сводеш пришел к выводу о существовании большой языковой группы, которую он назвал **дене-финской** (*finnodennoan*) по названиям двух пространственно наиболее отдаленных членов группы этих языков: языков дене (атапасских) в Америке и финно-угорских языков в Евразии.

В числе дене-финских языков оказались кетский, урало-алтайские, чукотско-камчатские, эскимосо-алеутские, вакашские, на-

дене, японские, кутенай, айнско-нивхский, корейский, китайские и тибето-бирманские.

Между отдельными языками наблюдаются иногда очень заманчивые соответствия. Сравните, например, общее для уральских и индоевропейских языков окончание винительного падежа *-m*, сходство окончаний аблатива *-ta* в протоуральском и *-d* – в протоиндоевропейском; показатель прошедшего времени *-s-* в уральских языках сближается с показателем аориста *-s-* в индоевропейских языках; показатель множественности *-i-* в некоторых уральских языках напоминает показатель множественности *-s-*, встречающийся у индоевропейских местоименных основ, и т. д. Поразительны также некоторые совпадения между уральскими и тюркскими языками, например, сходство суффиксов аблатива *-ta* в уральских и *-ta / -da* – в тюркских языках; сходство латива на *-ka* в уральских и тюркских языках; сходство суффикса инструктива *-n*; наличие латива с суффиксом *-c* в уральских и с суффиксом *-ca* – в тюркских языках и т. д. Кроме того, имеются многочисленные лексические созвучия. В интересной по замыслу статье «Генезис индоевропейских рядов гуттуральных в свете данных внешнего сравнения» В. М. Иллич-Свитыч пытается, прибегая к данным уральских и алтайских языков, выяснить историю их происхождения, которую фактически невозможно установить [10].

Многие исследователи вообще отвергают теорию ностратической сверхсемьи, считая ее недоказанной гипотезой. Например, тот факт, что во многих языках местоимения первого лица имеют гласные [m] и [n], может объясняться экономией усилий: эти сонорные легче всего произносить (как слово «мама» и подобные слова в других языках). Это не означает, что идея происхождения данных языков из одного источника абсурдна, но она пока убедительно не доказывается на основе лексического материала, так как тысячелетия развития давно должны были размыть сходства слов, а видимые сходства, скорее всего, просто совпадения, что доказывает статистический анализ [8, с. 192 – 193].

По-видимому, 9 – 10 тыс. лет тому назад такое языковое объединение было реальностью.

Родство языков характеризует исторические взаимоотношения не только самих языков, но, как правило, и народов как этнических образований, говорящих на данных языках.

Однако родство языков по происхождению не имеет ничего общего с антропологической характеристикой говорящих на данном языке народов: раса как понятие антропологии и язык друг с другом не связаны. Народы кавказской расы говорят на языках, совершенно различных по происхождению: на индоевропейских, семитических, иберийско-кавказских и др. Если же брать расу как более мелкую антропологическую единицу (северная, южно-европейская раса и т. д.), окажется, что различные расы говорят на языках одной (например, индоевропейской) семьи. Словом, раса и язык не совпадают независимо от того, понимают ли под расой крупные единицы антропологической классификации или единицы значительно более мелкие (общепринятой классификации рас не существует).

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ЯЗЫКОВ

(Использованы материалы классификаций Р. А. Будагова, А. А. Реформатского и др.)

В **генеалогической классификации** языки группируют по признаку **общности происхождения**, иными словами, по признаку материального родства.

Генеалогическая классификация есть классификация родственных языков по семьям.

Следовательно, дать генеалогическую классификацию всех языков мира невозможно, пока не изучена их история. Родственные отношения многих языков пока еще не изучены или же изучены недостаточно. Поэтому в настоящее время нет такой генеалогической классификации, которая смогла бы отвести место всем языкам земного шара в соответствующей языковой семье.

Здесь мы рассмотрим те семьи языков, история которых наиболее изучена, а также те семьи, вопрос о составе которых уже наименее спорен. Это:

1. **Индоевропейская семья языков** (иначе: языки индоевропейского корня).

2. **Семитская и хамитская семьи языков** (иначе: языки семитского и хамитского корня).

3. **Угро-финская семья языков** (иначе: языки угро-финского корня).

4. **Алтайская, или туранско-монгольская** (традиционно – тюрко-татарская), **семья языков.**

5. **Иберийско-кавказская семья языков.**

6. **Китайско-тибетская семья языков.**

7. **Дравидская семья языков.**

8. **Индонезийская семья языков.**

9. **Кавказская семья языков:**

1) западная группа; 2) восточная группа; 3) южная группа; (+ **баскский язык** (вне группы)).

10. **Уральская семья языков:**

1) финно-угорская группа (а) угорская ветвь; б) прибалтийско-финская ветвь; в) пермская ветвь; г) волжская ветвь); 2) самодийская группа.

Ниже приведены краткие сведения о перечисленных выше семьях: из каких групп и языков они состоят, какие из них являются письменными и с каких пор, по возможности указываются их наиболее характерные особенности и т. д.

ЯЗЫКИ ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ СЕМЬИ

Индоевропейская семья, которая делится на несколько групп, – одна из крупнейших семей языков. Индоевропейскую семью языков составляют:

1) индийские языки (или индийская ветвь индоевропейской семьи языков);

2) иранские языки, или иранская ветвь индоевропейской семьи;

3) славянские языки, или славянская ветвь;

4) балтийские языки, или балтийская ветвь;

5) германские языки, или германская ветвь;

6) итальянские языки, или итальянская ветвь;

7) кельтские языки, или кельтская ветвь;

8) греческий язык;

9) албанский язык;

10) армянский язык;

11) неситский, или канесийский, и лувийский языки (мертвые).

12) тохарский язык (мертвый).

§ 39. Индийская группа языков. К индийским языкам относятся индоевропейские языки Индии:

- 1) древнеиндийский – **ведийский язык и санскрит**;
- 2) среднеиндийский – **пракриты, пали**;
- 3) новоиндийские языки, например литературные: **хинди, урду, бенгальский**.

Древнейшие памятники индийского языка – **Веды** (гимны (песнопения) и иные тексты религиозного содержания; др.-инд. *веда* – «знание», ср. рус. *ведать* – «знать»; др.-греч. [в]ойда – «знаю»).

Различают: Ригведу («Веды гимнов»), Атхарваведу («Веды жрецов»), Яджурведу (Веды, связанные с жертвоприношениями) и Самavedу («Веды песнопений»).

За Ведами идут Брахманы (т. е. комментарии Вед) и Сутры.

Когда были составлены Веды, с точностью не установлено.

Среди Вед наиболее древняя – Ригведа, которая, как предполагают, записана около XV в. до н. э.

Санскрит – также древнеиндийский язык, классический литературный индийский язык; слово *sanskrita* означает «искусственный, разработанный, совершенный». Считают, что в основе санскрита лежит индийский диалект, отличный от диалекта, легшего в основу Вед.

На санскрите написаны эпические произведения: Махабхарата («Великий Бхарата»), Рамаяна, Панчатантра («Пятикнижие», сборник басен), Хитопадеша («Добрый совет»), сборник законов Ману.

Санскрит, один из высокоразвитых литературных языков, был в употреблении с VI в. до н. э. Несмотря на то что санскрит – мертвый язык, в качестве книжного языка его до сих пор используют ученые так же, как в Средние века в Западной Европе использовали латинский язык. Термин «санскрит» может употребляться для обозначения вообще древнеиндийского языка, и тогда различают «санскрит Вед» и «классический санскрит» (т. е. собственно санскрит).

Современные языки Индии развились от пракрита (**пракриты** – это «естественные», «природные», т. е. необработанные, разговорные языки) – среднеиндийского языка. По месту происхождения различали конкретные разновидности пракрита: шаурасени, магадхи, махараштри.

Древнейшие надписи на пракрите принадлежат эпохе царя Ашоки и датируются III в. до н. э.

Пракрит – среднеиндийский язык. К среднеиндийскому языку относится и **пали**, на котором написана некоторая религиозная литература буддизма.

Из диалектов среднеиндийского языка развились современные **индийские языки**. Они образуют три группы: **западную, центральную и восточную**.

Западная группа, в которую входят такие языки, как: **лахнда**, или западный пенджабский, **синдхи, гуджарати** и **маратхи**. Надписи на языке маратхи известны с XII в. н. э.; на языке гуджарати письменность существует с XV в. н. э.

В центральную группу входят такие языки, как: собственно **пенджабский, пахарский, хиндский** и **бихари**.

Главный диалект западного **хиндского** языка – **хиндустани** (Северная Индия). На его основе созданы **урду** – государственный язык Пакистана (с арабским алфавитом) (для индийцев-мусульман Пакистана) и **хинди** (в известной мере противопологающийся урду) – государственный язык Индии.

Восточную группу составляют близкие друг к другу **бенгальский, урья, ассамский языки**. Все три являются литературными языками; из них более богатый и развитый бенгальский язык. На бенгальском языке писал крупнейший индийский писатель **Рабиндранат Тагор**.

Письмо древнеиндийского языка – **деванагари** – силлабическое (слог обозначается отдельным знаком). Предполагают, что это письмо арамейского происхождения (существует приблизительно с VIII в. до н. э.).

К новоиндийским языкам принадлежат **непали** – государственный язык Непала и **цыганский язык**, выделившийся в V – X вв. н. э.

Широко распространен язык **маратхи** (в Западной Индии). Крупные языки на территории Индии и Пакистана – **брия, раджастхани** и др.

§ 40. Иранская группа языков. Иранские языки распространены главным образом в Иране, Афганистане, Пакистане и Российской Федерации. Наиболее крупные языки – персидский (фарси, фарсидский) и афганский (пушту, пашто).

Иранская группа языков делится на три подгруппы: юго-западную, северо-западную и восточную.

К юго-западной подгруппе относится современный персидский язык, который в своем развитии прошел несколько этапов.

1. **Древнеперсидский язык** известен по клинописным надписям, принадлежащим Ахеменидской династии персидских царей Дария (522 – 486 гг. до н. э.) и Ксеркса (486 – 466 гг. до н. э.). Наиболее пространная надпись вырезана на Бехистунской скале около Керманшаха («Бехистунская надпись»); в ней рассказывается о победах царя Дария. Ахеменидские надписи двух- и трехязычные; например, Бехистунская надпись вырезана параллельно на древнеперсидском (это язык завоевателей), эламском и вавилонском языках.

Авестийский язык, близкий к древнеперсидскому, – язык религиозных текстов, а именно текстов маздеизма (создателем маздеизма считают Зороастра, или Заратустру).

В Авесте различают двоякого рода тексты; одни из них – Гата («песнопения») – почти такой же давности, как и Ригведа, другие – «собственно Авеста». Авеста до нас дошла в поздней редакции, принадлежащей эпохе Сасанидской династии.

2. **Среднеперсидский язык** называют также пехлевийским. Древнейшая пехлевийская надпись вырезана в царствование основателя Сасанидской династии Ардашира (226 – 241 гг. н. э.). **Сасано-пехлевийский язык** считали церковным и государственным языком при династии Сасанидов (226 – 652 гг. н. э.) Сасано-пехлевийское письмо арамейского происхождения. К среднеперсидскому языку восходят такие языки, как **персидский (фарси), дари (фарси-кабули)** – официальный язык Афганистана, **таджикский, татский, лурско-бахтиярский, ларский, башкарди, курдшули, кумзари.**

3. **Новоперсидский язык** берет начало с IX в. н. э. Из живых иранских языков новоперсидский язык – наиболее значительный литературный язык.

Персидское письмо – арабское. Арабская лексика в эпоху арабского владычества обильно вошла в новоперсидский язык. Новоперсидский язык имеет ряд диалектов (**кашанский, ширазский, сивендский, мазандеранский**). Распространенные в Азербайджанской Республике **татский** (на Апшеронском полуострове) и **талышский** (в Сальянском районе Азербайджанской Республики) языки являются, в сущности, диалектами новоперсидского языка.

К северо-западной подгруппе относятся такие языки, как **мидийский** – древнеиранский бесписьменный язык; **парфянский** –

среднеиранский язык Парфии (III в. до н. э. – III в. н. э.); **азери** – среднеиранский язык, вытесненный азербайджанским языком; **курдский**; **заза**; **гурани**; **талышский**; **диалекты тати**; **диалекты Центрального Ирана**; **прикаспийские**; **гилянский**; **мазандеранский**; **семнанский**; **велатру**; **шамерзади**; **сивенди**; **белуджский**; **ормури**; **парачи**.

К **восточной подгруппе** относятся следующие языки: **скифо-сарматский** – язык скифов и сарматов, живших до середины I тыс. н. э. в южнорусских и центрально-азиатских степях; сохранился в виде аланского языка на Северном Кавказе, который развился затем в современный осетинский язык; **авестийский**, или **зендский**, – язык священной книги зороастрийцев, последователей пророка, реформатора Заратуштры (в греческом изводе – Зороастра), X в. – 1-я половина VI в. до н. э.; **хорезмийский** – язык древнего Хорезма (север Узбекистана) до XIV в. н.э.; **согдийский** – язык древнего Согда (Узбекистан – Таджикистан) до XI – XII в. н. э., предок современного ягнобского языка; **бактрийский** – язык Бактрии и Кушанского царства (Таджикистан – северный Афганистан до XII в. н. э.; **сакский** – язык кочевых племен саков Средней Азии и Восточного Туркестана, предок некоторых из современных памирских языков; **пушту** (пашто, афганский) – государственный язык Афганистана; **ванеци**; южнопамирские: **мунжданский**, **йидга**, **саргулямский**, **ишкашимский**, **сангличский** и **зебаки**, **ваханский**; севернопамирские: **язгулямский**, **старованджский** и шугнано-рушанская группа (**шугнанский**, **баджувский**, **рушанский**, **хуфский**, **бартангский**, **рошорвский** и **сарыкольский**).

Название «иранские» происходит от самоназвания племени арья иран и алан. *Аланами* называли себя скифы (степи Причерноморья и на восток до Китая, X – I вв. до н. э. и I – X вв. н. э.). Потомки аланов-скифов – осетины. Иранские и индийские языки близки, что выражено и в общем названии – индоиранские, или арийские.

Афганский язык (**пашту**) – язык основного населения Афганистана. Письменность на нем существует с XVI в. н. э. К иранским языкам относится и **белуджский** (иначе **балучи**) язык.

Курдский – язык коренных жителей Курдистана. Часть Курдистана находится в Турции, а еще большая часть входит в пределы Ирана (Персии). Курдский язык делится на три диалекта:

1) **татский язык** – известен в двух главных разновидностях: собственно татский (так называемый мусульманско-татский) и еврейско-татский. «Мусульманско-татский» распространен в некоторых

населенных пунктах Апшеронского полуострова (пос. Сураханы, Балаханы) и Северо-Восточной Азербайджанской Республики (Хизинский, Сиазанский, Шабранский, Губинский и другие районы). На «еврейско-татском» говорят в Красной слободе города Губы Азербайджанской Республики, а также в городах и селениях Республики Дагестан (Дербент, Махачкала, Буйнакск) и в некоторых городах Северного Кавказа (Грозный, Нальчик);

2) **таджикский язык** – государственный язык Таджикской Республики (столица – Душанбе);

3) **осетинский язык** распространен на Северном Кавказе и к югу от Кавказского хребта в Грузии (Республика Южная Осетия; центр – Цхинвал). Осетинский – самый крупный из иранских языков Кавказа.

Древнейший памятник осетинского языка – перевод церковных книг, сделанный И. Ялгузидзе в начале XIX в.

Образцы **согдийского языка** были найдены в начале XX в. в Средней Азии (Китайском Туркестане), большая часть текстов датируется VIII – IX вв. Некоторые из них должны быть отнесены к первым векам нашей эры. Согдийский и осетинский языки считаются близкородственными (А. Мейе).

Следы хорезмийского языка, находящегося посередине между согдийским и осетинским языками (А. Фрейман), обнаружены в арабских рукописях XII – XIV вв. из Средней Азии.

В Средней Азии, в горах Памира, представлен целый ряд иранских диалектов.

К языку Авесты близко стоят парфянские диалекты.

Иранские и индийские языки находятся в близком родстве. Их объединяют в одну ветвь индоевропейских языков; эту ветвь называют **арийской**. Во второй половине прошлого столетия термин «арийский» употребляли в значении «индоевропейский». В настоящее время термин «арийский» в значении «индоевропейский» не принят.

§ 41. Славянская группа языков. Славянскую группу языков делят на три подгруппы: восточную, западную и южную.

В **восточную подгруппу** входят русский, украинский, белорусский языки.

Русский язык не только государственный язык Российской Федерации, но и язык межнационального общения в нашей стране. Рус-

ский язык самый распространенный не только среди восточнославянских, но и вообще среди всех славянских языков. На русском как на родном языке говорит более 200 млн чел. Письменность на русском языке существует по крайней мере с начала X в. (надпись на корчаге из Гнездово).

Древнейший датированный памятник русского языка – Остромирово евангелие, переписанное для новгородского посадника Остромира в 1056 – 1057 гг. Выдающийся памятник древнерусского языка – «Слово о полку Игореве» (XII в.). На русском языке за последние полтора столетия создана богатейшая художественная литература – самая идейная художественная литература, какую только знает история; литература, зовущая на борьбу за передовые идеи человечества (А. Пушкин, Н. Гоголь, Н. Некрасов, И. Тургенев, Л. Толстой, М. Горький, В. Маяковский, М. Шолохов, А. Фадеев).

На **украинском языке** (государственный язык Украины) говорит около 45 млн чел.; украинский литературный язык сформировался в XVII в.

Количество говорящих на **белорусском языке** (государственный язык Республики Беларусь) доходит до 10 млн чел. Образцы белорусского литературного языка появились в начале XIX в.

Западную группу славянских языков составляют следующие языки.

Польский язык – государственный язык Польской Народной Республики. На польском языке говорит около 45 млн чел. Памятники польского языка существуют с XIII в.

На **чешском языке** – государственном языке Чешской Республики – говорит около 12 млн чел, на **словацком** – более 5 млн чел. Словацкий язык в настоящее время также пользуется правами государственного языка Словацкой Республики. Древнейшие письменные памятники чешского языка восходят к XIII в., словацкого – к XV – XVI вв.

Лужицкий язык (нижнелужицкий, верхнелужицкий) сохранился в Саксонии и по верхнему течению реки Шпрее.

Кашубский язык сохранился западнее Гданьска; он близок к польскому языку.

Полабский язык имел распространение по среднему течению реки Эльбы (славянское название – Лаба); он был близок к польскому и кашубскому языкам, исчез в XVIII в.

Поморский язык (по мнению некоторых ученых, это был не язык, а диалект польского языка, распространенный среди жителей южного побережья Балтийского моря). К XVIII в. в результате онемечивания населения ряда прибалтийских земель **полабский язык** и **поморские языки** были вытеснены.

Южную группу славянских языков образуют болгарский, македонский, сербский, хорватский, словенский языки.

На один из диалектов **болгарского языка** Кирилл и Мефодий перевели церковнослужебные книги в IX в. Язык этих переводов называют **старославянским языком** (является мертвым). Вместе с созданием славянской письменности (глаголица и кириллица) и распространением христианства среди славян сохранился в виде нескольких изводов **церковнославянского языка** у восточных славян, сербов и болгар.

Болгарский язык (около 9 млн чел.) – государственный язык Народной Республики Болгарии. Численность говорящих на **македонском языке** достигает 2 – 3 млн чел. Македонский – официальный язык Республики Северной Македонии.

На **словенском** говорит около 2,5 млн чел. Это официальный язык Республики Словении.

Сербский (около 12 млн чел.) – государственный язык Республики Сербии, **хорватский** (приблизительно 6 млн чел.) – государственный язык Республики Хорватии.

§ 42. Балтийская группа языков. Балтийские и славянские языки наиболее близки друг к другу, чем каждый из них к какой-либо другой ветви индоевропейских языков (например, балтийские – к германским, славянские – к иранским). Нередко эти две группы даже объединяют в одну балтийско-славянскую группу индоевропейской семьи языков.

К балтийской группе языков индоевропейской семьи принадлежат литовский, латышский и древнепрусский языки.

Литовский язык – государственный язык Литвы. Древнейшие письменные памятники литовского языка относятся к XVI в. (1547 г.).

Литовский язык сохраняет архаические свойства (например, своеобразное ударение); общее количество говорящих на литовском языке достигает почти 3 млн чел.

Латышский язык – государственный язык Латвии. Древнейшие латышские тексты датируются XVI в. (1586 г.). На латышском языке говорит около 2 млн чел.

Латгальский язык распространен на востоке Латвийской Республики; по мнению некоторых исследователей, является самостоятельным языком, но другие исследователи считают его лишь диалектом латышского языка.

Древнепрусский язык вышел из употребления (был ассимилирован немецким языком) еще в XVII в. От него остался лексический материал (так называемый Эльбингский словарь – около 800 слов). В XV и XVI вв. на этот язык были переведены немногочисленные церковные тексты.

§ 43. Германская группа языков делится на три подгруппы: северную, западную и восточную.

В северогерманскую подгруппу входят датский, норвежский, шведский и исландский, а также фарерский (распространен на Фарерских островах в Атлантическом океане) языки.

Образцы древней скандинавской речи сохранились в коротких надписях, исполненных **руническим письмом**.

Первые исландские памятники (поэтические сказания – Эдды) датированы XII в. Приблизительно с этого времени известен как письменный язык и норвежский, очень близкий к исландскому.

Древнейшие письменные памятники на датском языке датируются XIII в.

Восточная подгруппа известна готским языком. На этот язык готский епископ Вульфила перевел Евангелие в IV в. Этот перевод представляет собой древнейший письменный памятник германских языков. Кроме готского в эту группу можно включить **вандалский** и **бургундский** языки (не существует письменных памятников на этих языках).

В западногерманскую подгруппу входят следующие языки.

Верхненемецкий язык (с баварским, алеманским, франкским диалектами); тексты, написанные на этом языке, известны с IX в. От

лютеровского перевода Библии (в XVI в.) берет начало современный литературный **немецкий язык**.

Нижненемецкий (древнейший памятник – поэма «Гелианд», IX в.), представленный **голландским** и **фламандским языками** (фламандский отличается от голландского главным образом лексикой). В Южной Африке у голландских переселенцев появилась особая разновидность голландского языка – **бурский язык** (африкаанс).

Англосаксонский, или древнеанглийский, образцы которого известны с VIII в. В результате сильного и длительного влияния сначала датского, а затем французского языков из англосаксонского образовался **английский язык**.

Древнейшие памятники, написанные на английском языке, относятся к VII в. Некоторые особенности развития английского языка определили его интенсивное взаимодействие с другими языками.

Много споров в науке вызвал вопрос о месте английского языка в США по отношению к английскому языку Великобритании. Были попытки рассматривать английский язык в США как особый, «американский» язык, другие считали его диалектом английского языка. В настоящее время принято говорить об американском варианте английского языка (имеются в виду литературные языки). В своих наиболее существенных признаках оба варианта совпадают, расхождения наблюдаются главным образом в фонетике и лексике (ср., например, брит. *underground train* (поезд метро), *newspaper cutting* (газетная вырезка), *lift-boy* (лифтер) и соответствующие им америк. *subway train*, *newspaper clipping* (от *clip* – «стричь»), *elevator-boy* (от *elevator* – «подъемник»).

К западногерманской подгруппе относят также **идиш** – новоеврейский язык, сложившийся из верхненемецкого диалекта, древнееврейского языка, славянских языков, и **фризские языки**: западнофризский, восточнофризский, севернофризский (литературные памятники известны с XIV в.).

Из германских языков письменными являются готский (мертвый), датский, шведский, норвежский, исландский, немецкий, голландский и английский. Общее количество говорящих на германских языках достигает 550 млн чел.

§ 44. Романская группа языков. Романская группа языков (или италийская ветвь индоевропейской семьи языков) ныне представлена живыми романскими языками: **итальянским, французским, про-**

вансальским (в Южной Франции), **каталонским** (в Испании; столица Каталонии – Барселона), **португальским, испанским, ретороманским** (в Тироле – Альпах Австрии, в Швейцарии), **румынским** и очень близким к последнему **молдавским**.

Исходным для романских языков служил ныне мертвый **латинский язык**, а именно народная латынь (но не письменный латинский язык).

Усилению диалектных различий способствовало не только ослабление связей носителей латинского языка, но и влияние местных автохтонных (от греч. *autochton* – «коренной житель, туземец») языков, т. е. языков коренного населения римских колоний. В результате диалектная латынь отдельных провинций постепенно сменилась новыми романскими языками.

Латинским языком первоначально пользовались в Риме и его окрестностях; эту область Италии в древности называли Лациум (по древнему произношению Латиум – *Latium*; отсюда: латинский язык – *lingua latina*).

Усиление Рима способствовало распространению латинского языка из области Лациума по всему Апеннинскому полуострову. Здесь латинский язык вытеснил индоевропейские диалекты **оскский** и **умбрский** (оскский язык оставил надписи, а умбрский – так называемые егубинские таблицы с ритуальными текстами), а также **этрусский** (неиндоевропейский язык, носители которого – этруски – еще до римлян создали в Италии развитую культуру; основной областью проживания этрусков была Тоскана).

Когда в пределах Римской империи оказались Пиренейский полуостров и территория современной Франции, то и в этих областях распространился латинский язык, вытеснив кельтские и неиндоевропейские иберийские языки (языки Испании).

На протяжении нескольких веков народы Западной Европы (французы, немцы, англичане, испанцы, итальянцы) в качестве основного письменного языка использовали латинский (мертвый) язык. На латинском языке писали научные труды по ботанике, медицине, астрономии по старой традиции даже в XIX в.

Надписей на латинском языке сохранилось немало, начиная с III в. до н. э. (древнейшим памятником считают надпись на золотой фибуле VI в. до н. э.).

Что же касается живых романских языков, то древнейший памятник **итальянского языка** датируется 960 г.; в основу литературного итальянского языка легло наречие города Флоренции (*lingua toscana*).

Древнейший памятник **французского языка** относится к 842 г. Новофранцузский язык возник в XVIII в.

Провансальский язык, на котором письменность была создана в XI в., распространен на юго-востоке Франции.

Древнейший памятник **португальского языка** датируют 1192 г., **каталанского языка** – 1171 г., **испанского языка** – 1145 г.

Ретороманский язык распространен в Северной Италии и Швейцарии. В последней он является одним из четырех государственных языков (наряду с немецким, французским, итальянским, но так как не имеет собственной территории распространения, то постепенно ассимилируется другими языками.

На **французском языке** говорит около 321 млн чел., на румынском – около 26 млн чел., на **испанском** – более 500 млн чел., на **итальянском** – около 65 млн чел.

§ 45. Кельтская группа языков. Из кельтских языков в настоящее время сохранились следующие языки.

Ирландский (ирский) язык; древнейшие глоссы известны с VIII в.; с XI в. имеет богатую литературу. В настоящее время на ирландском языке говорит более 1,5 млн чел.

Шотландский (эрский) язык; по происхождению близок к ирландскому. С XVI в. шотландский становится литературным языком. Число говорящих на шотландском языке составляет около 1,5 млн чел.

Уэльский, или валлийский, **язык** распространен на западном побережье Англии; глоссы на этом языке известны с VIII в. В Средние века на уэльском языке возникает богатая оригинальная литература, в частности оригинальная поэзия. В настоящее время на этом языке говорит около 1 млн чел. Эмигрировавшие в Соединенные Штаты Америки и Южную Америку – Патагонию – уэльсцы сохраняют свой родной язык.

Бретонский язык представлен в северо-западном уголке Франции, на полуострове Бретань. Древнейшие глоссы известны с VIII в.; литература – с XIV в. Число говорящих на бретонском языке в настоящее время – примерно 500 тыс. чел.

Усиливающееся влияние французского языка угрожает существованию бретонского языка (в настоящее время на бретонском языке говорит преимущественно сельское население). Бретонский язык – это язык кельтов, выходцев из Англии (а не тех кельтов, которые в свое время занимали всю территорию Франции и известны в истории под именем галлов).

Еще за несколько веков до нашей эры кельтские племена занимали Северную Англию, Ирландию, Францию, Северную Италию, Испанию; одна их волна через Балканы достигла Малой Азии (там кельты основали Галатское царство). Кельтские языки были вытеснены из употребления латинским языком (в Северной Италии, во Франции и Испании); опасность их существованию теперь создает английский язык (в Англии и Ирландии).

К настоящему времени осталось четыре живых кельтских языка, в древности же количество кельтских языков было намного больше.

Историческая классификация делит кельтские языки на следующие группы:

1) **гаэльскую**: ирландский (ирский), шотландский (эрский) языки (см. выше);

2) **бриттскую**: уэльский, или валлийский (см. выше), корнвальский (в Корнуэльсе, Англии; исчез в XVIII в.) и бретонский (см. выше);

3) **корнуольскую** (мертвые) – распространен в Корнуолле – полуострове на юго-востоке Англии;

4) **галльскую** – была распространена во Франции, Северной Италии, Испании (здесь кроме галльского были распространены и местные иберийские языки). Сплошного текста на галльском языке не сохранилось.

ГРУППЫ, СОСТОЯЩИЕ ИЗ ОДНОГО ЯЗЫКА

Некоторые группы языков индоевропейской семьи в настоящее время представлены лишь отдельными языками; это **греческая, албанская, армянская, хеттская** группы.

§ 46. Греческая группа языков. Греческая группа представлена лишь **греческим языком** – официальным языком Греческой Рес-

публики (в настоящее время на нем говорит около 13 млн чел.). Различают **древнегреческий, византийский** (VII – XVI вв.) и **новогреческий** (с XVI в.) языки. Древнейшие надписи датируются VI в. до н. э. Древнегреческая письменность отображает диалектную речь.

В древнегреческом языке выделяют следующие четыре группы диалектов:

1) **ионическо-аттическую группу**: ионический диалект распространен в греческих колониях Малой Азии (в 12 городах); аттический – диалект города Афины. На ионическом диалекте писал, в частности, историк Геродот, а на аттическом – философ Платон;

2) **ахейскую группу** – диалекты: аркадский, кипрский, памфилийский; на этих диалектах сохранились надписи;

3) **эолическую, или северо-восточную, группу** – диалекты: фессалийский, беотийский и лесбийский (на острове Лесбос); в VII – VI вв. до н. э. на лесбийском диалекте создавалась литература; на нем писали поэты Алкей и Сафо;

4) **дорическую, или западную, группу**; диалекты этой группы были представлены в Эпире, Локриде, Лаконии, Коринфе, на острове Крит, на острове Сицилия в Италии.

Дорическая речь представлена в прозе Архимеда («общедорический» был литературным языком в греческих колониях – в Италии).

Язык поэм Гомера «Илиада» и «Одиссея» близок к ионическому диалекту, но в нем прослеживаются и древнеэолические элементы.

В IV – III вв. до н. э. выработался греческий литературный общий язык **койнэ** (*koine* – «общий»), в основе которого лежит аттический диалект (в лексике замечается влияние ионического диалекта).

Этот общий язык нивелировал особенности греческих диалектов. Диалекты новогреческого языка не являются прямым продолжением древнегреческих диалектов. Для диалектов новогреческого языка исходным является вышеназванный общий язык койнэ.

Новогреческий язык сложился к XII в. н. э., он известен в двух заметно различающихся формах: народный язык (димотика) и официальный литературный язык (кафаревуса). Первый восходит к живой общей речи – общегреческому койне, второй – к литературному языку эпохи эллинизма и Византийской империи. Новогреческий язык

(особенно димотика) существенно отличается от древнегреческого не только лексикой, но грамматикой и фонетикой.

§ 47. Албанская группа языков. Албанский (шкипетарский, или арнаутский) язык – государственный язык Народной Республики Албании; число говорящих на албанском языке достигает 1 млн чел. В албанском языке различают два диалекта: гегийский (северный) и тоскский (южный). В лексике албанского языка много греческих, славянских, романских и турецких слов.

Древнейшие памятники албанского языка – отдельные слова – зафиксированы с XV в.

Албанский раньше входил в иллиро-фракийскую группу, включавшую в себя **иллирийский** и **фракийский языки**, «потомком» одного из них и является современный албанский язык, причем у ученых нет единого мнения о том, с каким из них албанский язык связан теснее.

§ 48. Армянская группа языков. Армянский язык – один из древнеписьменных языков, государственный язык Республики Армения. Число говорящих на этом языке достигает 6 млн чел.

В армянском языке сохранились иберийско-кавказские отложения; в нем имеются аффрикаты **тц** [с], **тч** [с], характерные для иберийско-кавказских языков (и чуждые индоевропейским языкам). Показательно, что слова в винительном падеже в армянском языке не имеют суффикса (в то время как в индоевропейских языках в винительном падеже используется суффикс; видимо, аккузатив армянскому языку первоначально был так же чужд, как иберийско-кавказским языкам в настоящее время).

Письменность на армянском языке существует с V в.; у армянского языка свой алфавит. Древнейшая датированная рукопись – Евангелие – IX в. (887 г.).

Древнеармянский язык называют **грабаром** («письменным языком»); ему противоположен новоармянский – **ашхарабар** («народный язык»). Между этими языками наблюдается значительное расхождение.

Армянский язык богат диалектами. Выделяют две группы диалектов – восточную и западную. Восточная группа представлена в Армении и других местностях СНГ. К западной группе относится диалект армян, живущих в Турции.

§ 49. Хеттская (анатолийская) и тохарская группы языков.

К индоевропейской семье относятся хеттская (анатолийская) и тохарская группы, представленные только мертвыми языками: хеттским (XIX – XII вв. до н. э.), лувийским, палийским, лидийским, ликийским, карийским и другими языками Малой Азии, а также тохарскими языками.

Тохарский язык (турфанский, карашарский) – мертвый язык. Обнаружен в текстах медицинского и религиозного содержания, найденных в начале XX в. в Китайском Туркестане.

Тохарское письмо индийского происхождения. Предполагают, что тохарский язык был живым языком (во всяком случае, в VII в. н. э.) В тохарском языке различают два диалекта – турфанский и кучинский (их приравнивают к самостоятельным языкам).

§ 50. Неситская группа языков. Неситский (или канесийский) – мертвый язык; он был одним из языков Хеттского царства (1900 – 1200 гг. до н. э.). Тексты, относящиеся в основном к XIV в. до н. э., обнаружены в 1906 – 1907 гг. на глиняных табличках во время раскопок на месте древней столицы Хеттского царства – Хатуша в деревне Богазкёй (в Анатолии, в 150 километрах к востоку от Анкары).

Чешский ориенталист **Бедржих Грозный** и ряд языковедов-индоевропеистов считают неситский язык индоевропейским, хотя лексика неситского языка не объясняется из индоевропейского: многие существительные и отымённые глаголы не могут быть признаны индоевропейскими по своему происхождению. Индоевропейской выглядит (и типологически, и материально) морфология неситского языка (склонение, спряжение), хотя и здесь не все объясняется из индоевропейского; например, флексия отложительного (и творительного) падежа *-az*. Обращает на себя внимание отсутствие в неситском языке грамматических родов, что совершенно необычно для древних индоевропейских языков: в древнеиндийском, греческом, латинском категория грамматических родов ярко выражена (в то время как грамматические роды исторически чужды иберийско-кавказским языкам). Равным образом примечательно в звуковом составе отсутствие подлинных звонких согласных. Эта черта, отмечаемая в шумерском, митаннийском, эламском, повторяется в языках кавказских. Встречается также в этрусском.

С учетом вышесказанного нельзя считать научно правомерным утверждение, будто хеттские языки оказались индоевропейскими. Хеттский язык – это язык аборигенов: древнеегипетское название хеттов – хатту – относилось не к тому народу, который мы называем хеттами, а к другому, с совершенно иным языком. Хатту говорили на языке аборигенов, вероятно, кавказского происхождения.

Вопрос о принадлежности к индоевропейской семье **пеласгского языка**, засвидетельствованного в Пелопоннесе в догреческий период, а также **этрuscoго**, известного на Апеннинском полуострове до римлян, и ряда других языков не решен.

§ 51. О термине «индоевропейские языки». Термин «индоевропейский» образован по географическому признаку (он указывает, на территорию, распространения соответствующих языков). Индоевропейские языки в специальной литературе часто называют индогерманскими (в особенности немецкие языковеды); этот термин научно не оправдан.

Некоторые русские языковеды (И. А. Бодуэн де Куртенэ, В. А. Богородицкий) вместо термина «индоевропейский» употребляли термин «ариоевропейский», исходя из того что арийскими языками называют индийские и иранские языки (взяты вместе); таким образом, в термине «ариоевропейский» учитываются и иранские языки, в термине же «индоевропейский» наличие иранских языков (в составе индоевропейских) не отражено.

Факт родства индоевропейских языков стал известен к концу XVIII в.; англичанин В. Джонс указал на родство индийского с греческим и латинским (1786); еще раньше (1767) на это обстоятельство обратил внимание миссионер П. Керду (Р. Соеигбоих) в меморандуме, представленном им во Французскую академию (меморандум был оставлен без внимания).

§ 52. Некоторые характерные особенности индоевропейских языков. С исторической точки зрения (если иметь в виду древнеиндийский, древнеперсидский, греческий, латинский языки) характерными для индоевропейских языков следует считать: в фонетике – простоту состава гласных; среди переднеязычных спирантов наличие только звука *с*; наличие сонорных (*р, л, н, м*), которые в различных

положениях могли быть согласными, а могли выступать и в роли гласных. Ударение было музыкальным и не вызывало редукции гласных.

Предложение расчленялось на слова; в составе слова выделялись: корень, суффикс, окончание. Глагол и имя были дифференцированы. Как для склонения, так и для спряжения была характерна суффиксация (в дальнейшем у слов суффиксы усекались – по фонетическим и другим причинам).

Различались три грамматических рода: мужской, женский, средний. Исторически исходной для трех родов служила двучленная классификация – деление на группы (классы) существ одушевленных и неодушевленных (категории живого и неживого). В группе одушевленных впоследствии выделились мужской и женский роды; средний же род образовался в результате переосмысления категории неодушевленных предметов.

ЯЗЫКИ СЕМИТСКОЙ И ХАМИТСКОЙ СЕМЕЙ

Семито-хамитская семья подразделяется на две группы: семитскую и хамитскую.

Термины «семитский», «хамитский» (как и «яфетический») образованы от имен сыновей библейского Ноя (по библейскому преданию Ной, спасшийся во время Всемирного потопа, имел трех сыновей: Сима, Хама и Яфета; от них после потопа будто бы и пошло человечество).

§ 53. Семитские языки делят на три группы: восточную, северную и южную. Две последние обычно объединяют в западную группу семитских языков.

Востоносемитскими языками являются древние мертвые языки – ассирийский и вавилонский; вместе их называют аккадским языком.

Древнейшие памятники семитских языков представлены в ассирийских клинописных текстах, расшифровка которых была начата в XIX в. (Роулинсон, Хинкс, Опперт, Гаупт).

Древнейший памятник ассирийского языка датируется 1400 г. до н. э.

Северносемитские языки делят на две группы: ханаанскую и арамейскую.

В ханаанскую группу входят: **финикийский, древнееврейский, моавитский, угаритский.**

В арамейскую группу входят: **арамейский, сирийский** с богатой древней литературой начиная со II в. н. э., **мандейский**, а также современные арамейские наречия урмийских (на Востоке) и ливанских (на Западе) сирийцев.

Южносемитские языки: арабский (северноарабский и южноарабский, каждый со своими диалектами); **абиссинский** (или эфиопский).

Из семитских языков наиболее широко распространен **арабский**, который обладает древней письменностью (древнейший памятник – надпись на могильной плите – датируется 328 г. н. э.).

Сохранилась богатая философская, математическая и филологическая литература, написанная на древнеарабском языке.

В связи с распространением ислама роль арабского языка на Востоке сильно возросла. В культурной жизни народов Ближнего Востока арабский язык играл такую же роль, как латинский язык – в жизни народов Западной Европы.

В настоящее время на арабском языке говорят в Египте (столица – Каир), Ираке (столица – Багдад), Сирии (столица – Дамаск), Ливане, собственно Аравии (так называемая Саудовская Аравия и Йемен) и частично Палестине (центр – Иерусалим).

Родственная связь семитских языков (**арабского, еврейского, сирийского** и др.) была замечена востоковедами (Буксторфом, Лудольфом, Кастелем, Хойтлингером) еще в XVII в.; родство семитских языков нашло подтверждение в первой половине XVIII в. (в трудах Шультена и Шредера). Таким образом, родство семитской семьи языков было установлено раньше, чем родство индоевропейской семьи языков.

Амхарским языком пользуются свыше 5 млн чел., населяющих Восточную Африку. К амхарскому близки бесписьменные языки Эфиопии: **тигре, тиграй, харари** и др.

Следует отметить, что родство семитских языков было выявлено до возникновения сравнительно-исторического метода путем простого сравнения, что могло привести к положительному результату лишь благодаря близости семитских языков друг к другу.

§ 54. Хамитские языки. К семитским языкам близки хамитские языки: **древнеегипетский** и восходящий к нему **коптский**, а также **берберские языки** (туарегов и кабилов в Северной Африке) и **кушитские языки** (в Абиссинии).

Египетская группа. Древнейшие памятники **древнеегипетского языка** сохранились в египетских иероглифах (от IV тыс. до н. э.). Памятники египетского иероглифического письма расшифровал французский ученый Шампольон (1822).

Коптский язык – потомок древнеегипетского в средневековый период до XVI в. н. э., культовый язык православной церкви в Египте. Коптский имеет свою письменность, его алфавит основан на греческом.

Кушитская группа. Языки этой группы распространены на территории Северо-Восточной Африки (части Судана, Эфиопии, Кении и Сомали). Основные из них: **бедауйе** (беджа), **агавские** (аунги, билин и др.), **сомали**, **сидамо**, **оромо** (галла), **иракв**, **нгомвиа** и др.

Берберо-ливийская группа. Языки этой группы распространены в Северной Африке и Западно-Центральной Африке: **кабийльский**, **тамазигхт**, **рифский**, **гхадамес**, **сиуа** и др.

Чадская группа. Языки чадской группы распространены на территории Центральной и Западно-Центральной Африки южнее Сахары. **Хауса** (относится к западночадской группе) – самый крупный язык ветви. Другие западночадские: **гвандара**, **нгизим**, **болева**, **карекаре**, **ангас**, **сура** и др. Центральночадские: **тера**, **марги**, **мандара**, **котоко** и др. Восточночадские: **муби**, **сокоро** и др.

УГРО-ФИНСКАЯ СЕМЬЯ ЯЗЫКОВ

Угро-финские языки совместно с алтайскими (туранско-монгольскими) языками традиционно объединяли в одну семью урало-алтайских языков. Поскольку генетическая общность этих языков

не подтверждается, следует рассматривать эти семьи как самостоятельные (языки эти сближаются типологически, но не генетически).

Угро-финская (или финно-угорская) семья подразделяется на четыре группы.

§ 55. Угорская группа (обско-угорская) охватывает **мадьярский (венгерский, угорский)** языки – письменность на латинской основе; **мансийский (манси, вогульский), хантыйский (ханты, остяцкий)** языки – письменность на русской основе (с 30-х гг. XX в.). Хантыйские диалекты настолько различны, что, несмотря на малочисленность говорящих, можно выделить два или даже три хантыйских языка [22, с. 422].

§ 56. Финская группа. Прибалтийская подгруппа. **Финский язык**, или язык суоми (около 5 млн чел.), распространен в Финляндии (столица – Хельсинки); имеет письменность с XVI в. **Лапландский**, или саамский, **язык** распространен в Финляндии и северной части Скандинавского полуострова, в Швеции, Норвегии и Российской Федерации; на нем говорит всего около 30 тыс. чел. **Эстонский язык** (имеет письменность с XVI в.) – государственный язык Эстонии; имеет два диалекта – таллинский и тартуский. Общее количество говорящих на эстонском языке – более 1 млн чел. Прибалтийскую подгруппу составляют также **карельский, вепский, ижорский (ингре) языки.**

§ 57. Пермская группа включает в себя **коми-зырянский язык** (Республика Коми; около 156 тыс. чел.) (имеются некоторые основания считать **коми-пермяцкий язык** диалектом **коми-зырянского языка**) и **удмуртский**, или **вотяцкий, язык** (Республика Удмуртия; около 325 тыс. чел.).

§ 58. Волжская группа включает в себя **мордовский язык** (Республика Мордовия; около 210 тыс. чел.), **марийский язык** (Республика Марий Эл; всего около 258 тыс. чел.). Мордовский, марийский, удмуртский и коми-зырянский языки получили письменность лишь при советской власти. В волжскую группу входят также **венгерский (мадьярский)** – государственный язык Венгерской Народной

Республики (около 10 млн чел.), имеющий письменность с XIII в.; близкие к венгерскому **мансийский** (вогульский – 2,75 тыс. чел.) и **хантыйский** (остяцкий – менее 10 тыс. чел.) **языки**, распространенные в Западной Сибири, в бассейне реки Оби, а также языки и диалекты так называемых самоедских племен, в том числе **ненецкий, тавгийский, селькупский**, распространенные от полуострова Канина, у Белого моря, до Таймырского полуострова в Сибири. Из этих языков наиболее архаические черты сохранил **ненецкий язык**, имеющий большое значение для истории угро-финских языков.

Для угро-финских языков характерны: слабая дифференцированность имени и глагола; наличие послелогов в склонении (вместо предлогов в индоевропейских языках); наличие наряду с субъектным спряжением и объектного – в переходных глаголах.

§ 59. Самодийские языки. Современная наука считает самодийские языки родственными финно-угорским, однако более точные родственные связи этих групп языков наукой еще не установлены.

В эту группу входят ненецкий (юрако-самоедский), **нганасанский** (тавгийский), **энецкий** (енисейско-самоедский), **селькупский** (остяко-самоедский) языки.

ЯЗЫКИ АЛТАЙСКОЙ, ИЛИ ТУРАНСКО-МОНГОЛЬСКОЙ, СЕМЬИ

В алтайскую семью языков в настоящее время принято объединять три считавшиеся ранее самостоятельными языковые семьи: тюркскую, монгольскую и тунгусо-маньчжурскую, однако такое объединение признают не все исследователи.

ТЮРКСКАЯ СЕМЬЯ ЯЗЫКОВ

Тюркскую семью языков в современном языкознании принято делить на две группы, или ветви: **западную** и **восточную**. Западная связана с языками тюркских племен, входивших ранее в западногуннский племенной союз и западнотюркский каганат, в процессе распада которых и выделились крупные родоплеменные языки и группы языков.

§ 60. Восточная ветвь сложилась главным образом из языков тюркских племен, входивших в восточногуннский племенной союз и последующие объединения тюрков востока. Западная и восточная ветви отличаются друг от друга рядом черт: фонетических (например, *айак / адак* – «нога»); грамматических (например, в западных языках более развитая структура сложного предложения и в связи с этим больше союзов); лексических (например, в западной группе присутствует значительное количество заимствованных слов из арабского и иранского языков, тогда как в восточной преобладают заимствования из монгольских языков).

Восточная ветвь тюркских языков представлена мертвыми **языками орхонских надписей VI – VIII вв.** (орхоно-тюркская группа), мертвыми же **древнеуйгурским** и **древнекиргизским** (языком енисейских надписей) языками и рядом живых современных языков: **алтайским, хакасским, тувинским, киргизским, якутским** и др.

Наиболее ярко специфические особенности восточнотюркских языков, в частности сильное монгольское влияние, проступают в киргизском и алтайском языках, особенно в последнем, носители которого долго находились в составе Монгольского государства. Это обусловило значительные различия между диалектами алтайского языка. Северные диалекты оказались ближе к группе, представленной хакасским, тувинским, шорским и тофаларским языками.

Территориально оторванный от остальных восточнотюркских, якутский язык имеет ряд своеобразных черт: в его словаре много элементов монгольского, тунгусского и какого-то еще языка пока неизвестного происхождения.

§ 61. Западная ветвь. Западнотюркские языки подразделяют на четыре подгруппы: **булгарскую, огузскую, кыпчакскую и карлукскую.**

К **западной ветви** тюркских языков относят мертвые **булгарский** (язык государства булгар по Волге в VI – XIV вв.) и **хазарский** (VI – X вв.) языки. Их «потомок» – современный **чувашский язык.**

Во вторую группу западнотюркских языков (огузскую) входят **туркменский, турецкий, азербайджанский, гагаузский** (в Молдове) и древний **печенежский языки.** Наиболее четко старую основу сохранил туркменский язык.

Особую группу западнотюркских языков составляют **древнеузбекский** (мертвый) и **современные узбекский и уйгурский** языки.

§ 62. Кыпчакская группа объединяет значительное количество языков (**татарский, башкирский, караимский, кумыкский, карачаево-балкарский, ногайский, каракалпакский, казахский и некоторые диалекты узбекского языка**). Мертвым языком является **половецкий** (иначе – куманский), известный по памятникам XIII в. Основу языков этой группы составляли старые языки кыпчакских племен, появившихся в Восточной Европе в IX – XI вв. и составлявших в XIII – XV вв. ядро Золотой Орды. Выделившиеся после распада Золотой Орды и образования Астраханского и Казанского ханств племена, языки которых испытали влияние языка болгар, стали позднее носителями современных татарского и башкирского **языков**. Также на кыпчакской основе, но несколько позже (в XIV – XV вв.) сформировались современные **ногайский, каракалпакский, казахский языки**.

Тюркские языки издавна оказывались в тесном соседстве с монгольскими и часто испытывали влияние последних, в свою очередь также воздействуя на них.

МОНГОЛЬСКАЯ СЕМЬЯ ЯЗЫКОВ

Разбросанные на большой территории, слабо связанные между собой отдельные группы монголов после крушения империи Чингисхана оказались изолированными, их языковое развитие протекало по-разному. В результате из единого монгольского языка выделился ряд отдельных самостоятельных языков. Язык афганских монголов (моголов) резко отличается от других монгольских языков сохранением значительных элементов старомонгольского языка и появлением новых иранских заимствований. На территории Маньчжурии появился **дагурский язык**, характеризующийся примесью тунгусо-маньчжурских элементов.

Западная (ойратская) ветвь монгольских языков представлена **калмыцким языком**, сложившимся на базе **ойратских племенных языков** и диалектов в результате их продвижения на запад (на современной территории калмыки появились в XVII в.). Наиболее распро-

страненные монгольские языки – **бурятский** и **монгольский**, или **халха-монгольский** (государственный язык Монгольской Народной Республики). Бурятский, или бурят-монгольский, язык характеризуется большим диалектным многообразием. Народы, говорящие на этом языке, в прошлом пользовались архаическим старомонгольским письмом, основанным на тибетской графике, очень трудной для усвоения.

МАНЬЧЖУРСКО-ТУНГУССКАЯ СЕМЬЯ ЯЗЫКОВ

Языки маньчжурско-тунгусской семьи состоят из двух групп – маньчжурской и тунгусской.

§ 63. Маньчжурская группа. В группу маньчжурских языков входят: собственно **маньчжурский** (распространен в Северо-Восточном Китае и в Приморье. Существует богатая средневековая письменность на основе особого маньчжурского алфавита), **гольдский** (или **нанайский**), **удэгейский языки**.

§ 64. Тунгусская группа включает в себя **эвенкийский, эвенский** (или **ламутский**), **негидальский языки**. Эвенкийский – один из самых крупных языков Сибири: на нем говорит 25 тыс. чел. на огромной территории от Оби на западе до побережья Охотского моря и Сахалина на востоке. К эвенкийскому языку близок эвенский (около 9 тыс. чел.), распространенный в Якутии и на побережье Охотского моря. Эвенки и эвены раньше жили южнее, в районах Прибайкалья и Забайкалья. Их передвижение на север произошло сравнительно недавно; в некоторых районах (на Камчатке) они появились лишь в XIX в. У эвенков и эвенов письменность возникла в советское время.

ПАЛЕОАЗИЙСКИЕ ЯЗЫКИ

В Восточной Сибири (на Алеутских островах и острове Сахалин) сохранились маленькие группы народностей с языками архаического строя; эти языки называют **палеоазиатскими** (древнеазиатскими).

К палеоазиатским языкам относят: **луораветланский** (или чукотский), **нымыланский** (или корякский), **ительменский** (или камчадалский); **одульский** (или **юкагирский**), **нивхский** (или **гиляцкий**), **кеттский**, **унанганский** (или алеутский – на Алеутских островах) и **эскимосский** (распространен и на Аляске), **айнский языки**. В лингвистическом отношении палеоазиатские языки представляют большой интерес. Их генетическая связь требует более тщательного исследования. Близкими считают **луораветланский, нымыланский и ительменский языки**.

Одна из своеобразных особенностей чукотского языка – различие женского и мужского произношения: женщины произносят [ц] там, где мужчины – [р], например [Крым] – [Кцым].

К изолированным языкам относят **юкагирский** (на котором говорят живущие в области реки Колымы) и **нивхский** (язык жителей в районе нижнего течения Амура и на Сахалине). Условно их включают в группу палеоазиатских языков.

Вопрос о месте **языка кетов** (живут на Енисее) в генеалогической классификации языков до сих пор не решен. Некоторые исследователи считают кетский язык родственным китайско-тибетской семье языков.

ИБЕРИЙСКО-КАВКАЗСКАЯ СЕМЬЯ ЯЗЫКОВ

На Кавказе есть группа самобытных языков, сохранившихся только на этой территории, представляющих собой пережиток многочисленной древнейшей семьи **хеттско-иберийских языков**.

Эту группу самобытных языков называют **кавказскими языками**. Правильнее ее обозначать термином **иберийско-кавказские языки**, чтобы легче было различить **языки Кавказа и собственно кавказские языки** и точнее отобразить их состав.

Иберийско-кавказские языки в их современном составе образуют четыре группы:

- 1) **картвельскую, или иберийскую;**
- 2) **абхазско-адыгейскую;**
- 3) **бацбийско-кистинскую (вейнахскую, или нахскую);**
- 4) **дагестанскую.**

§ 65. Картвельская, или иберийская, группа. Картвельскую, или иберийскую, группу, которая является самой многочисленной, образуют грузинский, занский (мегрелический) и сванский языки.

Грузинский язык представлен рядом диалектов: **картлийским, кахетинским, имеретинским** и другими в Восточной и Западной Грузии; кроме того, **ингилойский диалект** представлен в Азербайджанской Республике, **имерхевский** – в Турции и **ферейданский** – в Персии (в провинции Испогань; на нем говорят потомки выселенных из Кахетии в XVII в. шахом Абасом грузин).

Грузинский – единственный древнеписьменный язык среди иберийско-кавказских языков (древнейшая Болнисская надпись датируется 493 – 494 гг.). Различают **древнегрузинский** (V – XI вв.) и **новогрузинский языки**, формирование последнего начинается с XII в., когда творил Шота Руставели («Витязь в тигровой шкуре»); окончательно новогрузинский язык утвердился со второй половины XIX в. (классики новогрузинской литературы – Илья Чавчавадзе, Акакий Церетели, известный педагог и детский писатель Яков Гогебашвили).

Занский язык включает в себя два диалекта: **мегрельский** (в Западной Грузии) и **чанский**, или лазский (в основном на побережье Черного моря в Турции). Мегрельский и чанский ошибочно считали двумя языками, тогда как это два диалекта одного и того же занского языка при единстве основного словарного фонда и грамматического строя. Занский язык очень близок к грузинскому.

Сванский язык представлен четырьмя диалектами (в верховьях рек Ингури и Цхенисцкали, на южном склоне Кавказского хребта), он сохранил ценные для истории картвельских языков архаизмы.

Занский и сванский языки – бесписьменные. Для мегрелов, чанов и сванов языком письменности был и является грузинский язык.

§ 66. Абхазско-адыгейская группа включает в свой состав: **абхазский, адыгейский (или черкесский) и убыхский, кабардино-черкесский, садзский, и абазинский языки.**

Кабардинцы и черкесы говорят на одном языке (кабардино-черкесском), хотя территориально разобщены; кабардинцы живут в Кабарде по рекам Малке, Баксану и Тереку, черкесы – севернее, в верховьях Кубани, куда они переселились только в первой половине XIX в.

Абхазский язык представлен четырьмя диалектами: **абжуйским** и **бзыбским** (к югу от Кавказского хребта – в Абхазии), **тапантским** и **ашхарским**, объединяемыми в группу абазинских наречий (к северу от Кавказского хребта, в Карачаево-Черкесии и Адыгее). Абхазский язык имеет письменность на основе грузинской графики. На всех диалектах абхазского языка говорит около 100 тыс. чел. Письменность имеется и у абазинцев.

Адыгейский язык представлен двумя письменными языками: адыгейским (в Республике Адыгее) и кабардинским (в Кабардино-Балкарии). Адыгейский язык представлен диалектами: шапсугским, адзехским, чемгуйским, бжедухским, хакучинским, бесленеевским. Общее число говорящих на адыгейском и кабардинском языках – около 600 тыс. чел. Кроме того, по данным турецкой статистики, в одних лишь городах Турции проживает не менее 130 тыс. адыгейцев (черкесов), потомков выселенных в 1864 г. в Турцию адыгейцев. Адыгейский язык очень близок к кабардино-черкесскому (кабардинцы, черкесы и адыгейцы называют себя общим именем адыгэ), составляет с ним одну группу. Абхазский язык испытывает влияние грузинского, абазинский – кабардинского.

Убыхский язык представлен в Турции, в районе Измида, куда убыхов выселили в 1864 г. и где они сохранили свой язык до настоящего времени, выстояв в неравной борьбе с ассимиляторской политикой турецкого правительства.

§ 67. Бацбийско-кистинская группа. На **бацбийском**, или **цова-тушинском**, языке говорят в селении Земо-Алвани, в Кахетии (Грузия), а на **кистинском языке** – в Панкисском ущелье. Бацбийцы и кистинцы двуязычны: помимо родного они владеют грузинским языком, учатся в грузинских школах.

§ 68. Дагестанские языки. Дагестанские языки образуют три подгруппы:

- 1) аварско-андийско-дидойскую;
- 2) даргинско-лакскую;
- 3) лезгинскую.

Аварский язык – один из наиболее распространенных в Дагестане. Представлен четырьмя диалектами: **хунзахским**, **гидско-**

андалальско-карахским, анцухским и чарским. На основе северного хунзахского наречия еще до создания письменного аварского языка выработался общий устный язык – «**бол мацц**» («язык войска») – язык межплеменного общения аварцев.

В одну группу с аварским языком входят **андийский, дидойский, капучинский**, а также ряд более мелких языков и наречий, а именно: **ботлихский** (с годоберийским диалектом), **каратинский, чамалальский, тиндийский, ахвахский, хваршинский, багвалальский**, – получивших распространение лишь в нескольких аулах (некоторые из этих языков считают самостоятельными лишь вследствие их малоизученности и неясности взаимоотношений).

Языком межплеменного общения для всей аварско-андийско-дидойской группы служит аварский язык (общее число говорящих на аварском языке – около 700 тыс. чел.).

Письменный язык этой группы – аварский – создан на основе северного хунзахского наречия с учетом некоторых особенностей андалальских говоров.

Даргинский язык объединяет ряд диалектов, а именно акхушинский, урахинский, цудахарский, хайдакский, кубачинский (последние два обычно принимают за отдельные языки, что лишено, однако, достаточного научного основания).

На диалектах даргинского языка говорит около 500 тыс. чел. В основе литературного даргинского языка лежит акушинское наречие.

На **лакском языке** говорит около 140 тыс. чел. Этот незначительный по распространению язык (так же как и даргинский) исключительно интересен по своему грамматическому строю.

Лакский язык в диалектном отношении слабо дифференцирован, в настоящее время он письменный.

Лезгинский язык распространен в бассейне реки Самур; это письменный язык. Общее число говорящих на нем – около 600 тыс. чел.

К лезгинскому языку примыкают **агульский, цахурский и рутульский языки**, а также **удинский**, сохранившийся в селениях Нидж и Варташен (Азербайджан) и селе Октомбери (Грузия). Удинский язык исторически имел значительно большее распространение, являясь пережитком сохранившихся языков древней Кавказской Албании.

Одноаульным является **арчинский язык** (распространен в горах Дагестана). В горах Шахдаг на территории Азербайджана сохранились **будухский, хиналугский и крызский языки** с диалектами.

§ 69. Вейнахская группа представлена **чеченским, ингушским** и бесписьменным **бацбийским языками**. Чеченский и ингушский, распространенные в Чечне и Ингушетии, являются коренными языками на данной территории.

Иберийско-кавказские языки в их современном состоянии резко расходятся между собой вплоть до того, что общность даже морфологического типа ставится под сомнение; так, например, в абхазском языке имена не склоняются, но глагол исключительно богат формами, выражая морфологические категории грамматических классов и чисел, лиц (субъекта и объекта), переходности, статичности и динамичности, времени, наклонения, включая также частицы обстоятельства места, времени и т. д. В лезгинском же языке склонение развито хорошо, но глагол изменяется лишь по временам и наклонениям, не различая ни лиц, ни чисел, ни грамматических классов.

Более того, даже языки одной группы обнаруживают существенные различия: в адыгейском и лезгинском грамматические классы не различаются, в морфологии же абхазского, лакского, даргинского языков категория грамматических классов играет важную роль. Однако, несмотря на расхождения, чем лучше удастся изучить историю развития иберийско-кавказских языков, тем больше обнаруживается общих моментов (в процессе их сравнительно-исторического изучения) в грамматическом строе и в корне-слове. Эта общность первична, расхождение же – вторичное явление: это результат сложного исторического пути, пройденного в своем развитии этими языками.

Так, в настоящее время можно считать твердо установленным ряд черт, исторически общих для всех иберийско-кавказских языков. Таковы в фонетике преобладание согласных в звуковом составе при слабом развитии гласных; наличие абруптивных («резких смычных») *к \ тʳ, п \ ц' (тц), ч' (тч), къ*. Для грамматического строя характерны: слабая дифференцированность имени и глагола; отсутствие винительного падежа; наличие эргативного падежа, который выступает в

роли субъекта переходных глаголов; соответственно, эргативный строй предложения, находящий выражение в спряжении глагола (даже при отсутствии падежей, например в абхазском); исконное отсутствие залоговых различий (действительного, страдательного); различие грамматических категорий человека (личности) и вещи; односложность корня.

Предпринимались попытки генетически связать иберийско-кавказские языки с другими семьями языков. Лингвисты М. Броссе (1834), Ф. Бопп (1847) доказывали, что картвельские (иберийские) языки принадлежат индоевропейской семье. Немецкий филолог М. Мюллер (1855) объявил иберийско-кавказские языки отдаленными представителями туранской (урало-алтайской) семьи. Российский филолог Н. Марр исходил из положения, что грузинский язык (и другие картвельские языки) имеет близкое родство с семитскими (арабским, еврейским), и, соответственно, «окрестил» картвельские языки «яфетическими» (впоследствии, когда выявилось родство картвельских языков с горскими иберийско-кавказскими языками, термин «яфетический» был использован для обозначения всех иберийско-кавказских языков); наконец, в так называемом новом учении о языке Н. Марра «яфетическая семья» превратилась в «яфетическую стадию развития». Ни одна из этих попыток не увенчалась успехом, благодаря чему окончательно выяснилось, что иберийско-кавказские языки не могут быть отнесены ни к индоевропейским, ни к алтайским (урало-алтайским), ни к семитическим.

В настоящее время общепризнанным считается мнение, высказанное еще в 1864 г. Ф. Мюллером, согласно которому иберийско-кавказские языки представляют собою пережиток некогда многочисленной семьи языков, имевших распространение не только на Кавказе, но и к югу от Кавказа задолго до появления здесь индоевропейских и семитических языков (подобно баскскому языку в Пиренеях).

ДРЕВНИЕ ЯЗЫКИ ПЕРЕДНЕЙ АЗИИ И МЕЖДУРЕЧЬЯ

В связи с этим встает вопрос о древних (ныне мертвых) языках Передней Азии, Месопотамии. В древности здесь засвидетельствованы шумерский, хеттские, хуритский, урартский, эламский (или сузский) языки.

На шумерском языке в Месопотамии письменность была создана еще в IV тыс. до н. э. Это самое древнее из известных письмен, начавшееся с пиктографии и развившееся в клинопись. На смену шумерам в Месопотамию пришли семиты – ашурцы (ассирийцы) и вавилоняне. Но и при господстве семитов шумерский язык в течение долгих веков оставался священным языком жрецов. И только постепенно шумерский стал отмирать и был заменен семитским. Окончательно был забыт шумерский язык и исчезли таблички с шумерскими надписями в ассирийскую эпоху, приблизительно в 1000 – 600 гг. до н. э.

В Малой Азии во II тыс. до н. э. (1900 – 1200 гг.) существовало мощное государство хеттов. Во время раскопок в Анатолии, в деревне Богазкёй, на месте бывшей столицы Хеттского царства – Хатуша, в архиве хеттских царей на глиняных табличках были обнаружены по крайней мере четыре местных языка, два из которых – **неситский** и **лувийский** – по морфологии сближаются с индоевропейскими, но лексику имеют неиндоевропейскую (лексика хеттская, или хеттизированная), два же других – **хеттский** (так называемый протохеттский, или собственно хеттский) и **палайский** исследователи сближают с иберийско-кавказскими языками.

Различают иероглифическое и клинописное хеттское письмо. Язык, для которого использованы хеттские иероглифы, не тождествен неситскому (его считают палайским). В хеттской клинописи впервые был введен знак долготы.

Хетты играли роль связующего звена между Западом и Востоком, о чем свидетельствуют открытые в 1926 г. в Индии, в долине реки Инда – в Мохенджо-Даро и Харатте, Чаньху Даро и Джхукару – засыпанные и разрушенные города древней культуры; эта культура доиндийская; датируется она 2400 – 2100 гг. до н. э.

Найденные художественные изделия, вазы, скульптурные изображения, инструменты, утварь, предметы туалета и тому подобное наглядно показывают, что эта культура произошла целиком из Передней Азии. Чешский ориенталист Б. Грозный установил наличие общих знаков у хеттского иероглифического, критского и протоиндийского письма.

Ясно, что здесь может идти речь лишь о хеттском или палайском, но не о неситском языке: экспансия индоевропейских племен в Малую Азию датируется II тыс. до н. э., но не раньше.

Хурритский язык (со второй половины III тыс. до н. э.) относится к тому же кругу, что и собственно хеттский (т. е. протохеттский).

Эламский язык (с XXIII в. до н. э.), а также **урартский** (халдский) язык Ванского царства (IX – VI вв. до н. э.) тяготеют к самобытным языкам Передней Азии и Междуречья.

Шумерский, хеттский и палайский, хурритский, урартский, эламский языки (и ряд мелких древних языков Малой Азии – лидийский, ликийский, карийский и др.) объединяют в группу азианических языков (термин «азианический» подчеркивает самобытность обозначаемых языков).

Эти языки изучены недостаточно. Они в настоящее время не употребляются. Материал по этим языкам, которым располагают исследователи, скуден. Расшифровка клинописных письмен (и тем более иероглифических) наталкивается на большие трудности: нелегко установить, как произносилось написанное и что оно значило в точности. Как отмечают специалисты, идеограммы понятны, но неизвестно, как звучало соответствующее слово. Клинопись же читается относительно легко, но значение понять в точности не удастся.

Однако на данном этапе изучения упомянутых языков специалисты определенно придерживаются того мнения, что эти древние языки не являются ни семитскими, ни индоевропейскими, ни алтайскими. Когда Б. Грозный установил индоевропейский характер основных фактов морфологии неситского языка, обнаруженного в архиве Богазкёя, все хеттские языки вообще были объявлены индоевропейскими, хотя ученые признавали, что нельзя считать индоевропейским собственно хеттский, который стали называть протохеттским («первохеттским»).

Термином «хетты» («хаты») египтяне обозначали именно «протохеттов» («собственно хеттов») еще задолго до вторжения в Малую Азию племен, говорящих на индоевропейских языках. Раз «протохеттский» («собственно хеттский») язык не является индоевропейским, то нет научных оснований закреплять термин «хеттский» за индоевропейским или индоевропеизированным смешанным неситским языком, а «собственно хеттский» называть нехеттским языком. Хеттским является именно неиндоевропейский древний малоазийский язык, представленный хеттскими иероглифами и впоследствии в клинописи.

Называть неситский язык «хеттским», а подлинно хеттский – «протохеттским» – значит создавать терминологическую путаницу, затемняющую и без того сложную картину исторических взаимоотношений языков.

Хеттский («собственно хеттский», «протохеттский»), палайский, хурритский, урартский, эламский, шумерский языки образуют круг самобытных языков народов, создавших одну из древнейших цивилизаций в истории человечества задолго до вступления на историческую арену индоевропейских, семитских и алтайских народов.

Следы языков этого круга мы имеем в современных иберийско-кавказских языках, которые тоже не являются ни индоевропейскими, ни семитскими, ни алтайскими. Этим объясняется исключительный интерес исследователей к изучению живых иберийско-кавказских языков, в которых они надеются обрести ключ к разгадке древних мертвых языков Передней Азии.

Следует, однако, отметить, что попытки сближения азиатических языков с иберийско-кавказскими языками (Хюзинг, Борк, Тромбетти, Вайднер, Форрер, Контено и др.) пока что лишены, к сожалению, должного методического обоснования, поскольку привлекаемые к сравнению факты живых иберийско-кавказских языков берутся без учета их истории в системе родственных языков.

КИТАЙСКО-ТИБЕТСКАЯ СЕМЬЯ ЯЗЫКОВ

Китайско-тибетские языки делят на две ветви – **китайско-сиамскую** и **тибетско-бирманскую**.

§ 70. Китайско-сиамская ветвь наиболее крупная. Ее составляют **китайский (хань)**, **дунганский (хуэй)**, **таи (сиамский)**, **чжуан**, **лао**, **шань** и ряд других языков.

Китайский язык – это язык великого китайского народа. В китайском языке ряд диалектов образует две группы: северную и южную. Диалекты сильно расходятся (кантонец с трудом понимает речь тянцзинца), однако письменность, основанную на идеографическом принципе, одинаково понимают все китайцы, хотя и читают по-разному.

В истории письменного китайского языка различают четыре периода:

- 1) древнейший, или архаический древний, – со II тыс. до н. э. до VI в. н. э.;
- 2) древний – с VI до X в. н. э.;
- 3) средний – с X до XIII в. н. э.;
- 4) новый – с XIII в. н. э.

Историческая преемственность в китайской письменности сохраняется на протяжении по крайней мере четырех тысяч лет. Ни один народ на нашей планете, кроме китайцев, не имеет письменного языка, история которого прослеживалась бы столь долгое время и к тому же была бы так богато документирована. Данные истории китайского языка представляли бы исключительную ценность для общего языкознания, если бы китайское письмо являлось фонетическим и мы имели бы возможность точно установить, как произносились китайские идеограммы в древности.

К языкам таи и китайскому тяготеет вьетнамский язык (или аннамский), на котором в мире говорит около 75 млн чел.

§ 71. Тибетско-бирманская ветвь состоит в основном из двух групп – **тибетской** и **бирманской** (на этих языках говорит около 50 млн чел.). Тибетскую группу составляют: собственно **тибетский язык** (в Тибете, центр – Лхаса) с близкими к нему диалектами (около 13 диалектов) – на нем говорит всего около 6 млн чел.; **тибетско-гималайские языки и наречия** (восемь языков и наречий: гурунг, мурли, ленча и др.); **языки северного Ассама** (шесть языков и наречий – ака, абор-мири, дафла и др.).

Сохранилась богатая буддийская литература на тибетском языке (переводная с индийского) начиная с VII в. н. э. Известный китайско-тибетский двуязычный договор, высеченный на каменной стеле в Лхасе, датируется 822 г.

Бирманскую группу составляют: **бирманский язык** (около 32 млн чел.), включающий в себя ряд диалектов, из которых наиболее известны пять; языки **куки-чин**, включающие в себя более 25 диалектов.

На бирманском языке существует письменность с XI в. (древнейшая четвероязычная надпись на каменной стеле от 1084 г.). И тибетский, и бирманский языки используют индийский алфавит.

К тибетско-бирманской группе относят, кроме вышеобозначенных, языки бодо-нага-качин (более 35 диалектов), а также группы языков ло-ло, лю-со, си-хиа и др.

Значительным своеобразием отличается **вьетнамская группа**, которую некоторые исследователи выделяют из китайско-тибетской семьи языков, считая ее переходной между китайско-тибетской и семьей мон-кхмер. Самый значительный язык этой группы – **вьетнамский**. Он распространен не только во Вьетнаме, но и в Камбодже (в долине Меконга). На нем говорит более 27 млн чел. Сохранилась старая вьетнамская письменность на иероглифической основе.

ЯЗЫКИ ДРАВИДСКОЙ СЕМЬИ

Языки дравидской семьи представлены в Индии; говорящие на этих языках народы занимают южную часть Индийского полуострова (к западу от Калькутты), часть острова Цейлон, а также встречаются среди индийского населения (и народа Мунда). Общее количество говорящих на дравидских языках составляет по меньшей мере 63 млн чел. (а по некоторым данным достигает 80 млн). Даже если исходить из меньшей цифры, окажется, что на дравидских языках говорит 1/5 часть всего населения Индийского полуострова.

Дравидские языки образуют три группы:

1) **язык телугу** с рядом наречий. Имеет письменность с XI в. (грамматика, перевод Махабхараты);

2) **тамильский**, или тамульский, **язык**: (тамила / дамила, давина / давида, драмида / дравида; предполагается, что первые два варианта палийские, два последующих – пракритские и, наконец, два последних – санскритские.

Письменность на тамильском языке существует с IV в.

В эту же группу кроме тамильского входят: **язык малайалам**; **язык канара** (канарский) (надписи существуют с V в.); **язык тулу**, близкий к **канарскому**.

Языки первой и второй групп образуют по распространению сплошную массу;

3) языки, в настоящее время находящиеся в окружении иных (индийских, языков мунда): **язык куи**, **язык курух**, **язык гонди**, **язык малто** (горцев).

В 1891 г. на языке гонди говорило 1,3 тыс. чел., а в 1911 г. – 1 тыс. чел.; столь ясно выраженная тенденция к сокращению носителей языка заставляет предполагать, что дравидские языки исторически должны были иметь значительно большее распространение.

Далеко на западе, в Белуджистане, в горах, в окружении иранских языков сохранился дравидский **язык брахуи**.

Древнеписьменные языки (тамильский – с IV в., канарский – с V в.) используют индийское письмо и сильно отличаются от разговорного языка.

Для дравидских языков характерны: суффиксация; наличие грамматических родов; различие имен высшей и низшей категорий. Простейшая форма имени представлена в именительном падеже, глагола – в повелительном наклонении. Предложение по типу именное. Дравидские языки (равно как и язык мунда) представляют собой языки древнейших обитателей Индийского полуострова, где лишь впоследствии получили распространение индийские языки индоевропейской семьи.

ИНДОНЕЗИЙСКИЕ ЯЗЫКИ

Особо следует выделить индонезийские языки (островов Ява, Суматра, Борнео, Целебес и др.), на которых говорит около 70 млн чел.

Из индонезийских языков в первую очередь должны быть названы **яванский, сунда, мадура, малайский** и др.

Малайский язык – один из самых распространенных (на Борнео, на Малаккском полуострове); на нем существует письменность с XIV в. Древнеписьменным языком является яванский, или язык кави; предполагается, что письменность на яванском языке существовала с I в. н. э.

Наряду с индонезийскими языками обычно перечисляют полинезийские, микронезийские и меланезийские языки, что следует рассматривать как чисто географическую, а не генеалогическую (историческую) классификацию.

ЯЗЫКИ АФРИКИ И АМЕРИКИ

В Африке насчитывают около 430 негро-африканских языков и диалектов. Их разделяют на три большие группы: **языки суданских**

негров, состоящие из 16 мелких групп; **языки банту** (язык межплеменного общения – суахили); **языки бушменские и готтентотские**.

Среди языков Африки существует ряд литературных (суахили, хауса, берберский и др.).

§ 72. Языки американских индейцев представляют собой многочисленные группы племенных языков.

В Северной Америке:

- **атабаскская макросемья** – языки: **навахи** (США (Аризона, Нью-Мексико)), **атапаски** (запад Канады, запад США), **апачи** (США (Аризона, Нью-Мексико));

- **алгонкинская макросемья** – языки: алгонкины (север и восток США), кри (Оттава, Канада), (север и восток США), делавар (север и восток США);

- **макросемья хока-сиу** – языки: чероки (восток США), ирокезы (восток США), Канада), крики (юго-восток США), сиу (США – к западу от Миссисипи), дакота (США – к западу от Миссисипи);

- **юто-ацтекская макросемья** – языки: ацтекский (науа) (Мексика), хопи (США);

- **макросемья пенути** – языки: майя (Мексика), киче (Мексика), маме (Мексика);

- **макросемья макро-ото-манге** – языки: сапотеки (Мексика), отоми (Мексика), миштеки (Мексика).

В Центральной и Южной Америке:

- **макросемья чибча** – язык чибча (Колумбия);

- **же-пано-карибская макросемья** – Карибский язык (Венесуэла, Колумбия);

- **андо-экваториальная макросемья** – аравакский язык (мапуче) (север Южной Америки, Бразилия);

§ 73. Семья кечумара – языки: **кечуа** (Перу, Эквадор, Боливия), **аймара** (Боливия); **семья тупи-гуарани** – язык гуарани (Парагвай); **арауканская семья** – арауканский язык (Чили).

В Северной Америке в условиях беспощадного гонения со стороны колонизаторов-европейцев (англичан, французов) индейцы сохранились в виде маленьких этнических групп. Если при появлении европейцев в Северной Америке общее количество индейцев состав-

ляло около 12 млн чел., теперь оно не превышает 250 тыс. чел. (Блумфильд). В Мексике, Центральной и Южной Америке индейцы составляют значительную часть населения (до 50 % от общего количества современного населения).

Ацтеки в Мексике и инки в Перу достигли высокого уровня развития ко времени появления в Америке испанцев. У ацтеков имелось пиктографическо-идеографическое письмо.

Из языка ацтеков (языка наватль) заимствованы в европейских языках слова *табак, шоколад, томат*.

ВНЕСЕМЕЙНЫЕ ЯЗЫКИ

В Европе и Восточной Азии встречается ряд языков, которые не могут быть включены ни в одну из существующих языковых семей. В Европе таково положение **баскского**, мертвого **этрусского**. В Восточной Азии такими языками являются **японский, корейский, айнский, юкагирский, нивхский, кетский** и ряд других, а из мертвых – **шумерский, эламский** и др. **Японский язык**, на котором говорит более 130 млн чел., распространен в Японии, США, на Гавайях, в Бразилии и других странах.

§ 74. Корейский язык – национальный язык корейского народа, мужественно сражавшегося за свою независимость в борьбе против интервентов, – один из древнейших языков Востока. На корейском языке говорит около 78 млн чел.; его считают близко стоящим к маньчжурско-тунгусским языкам (этот вопрос еще не решен). По морфологическому типу корейский язык относится к агглютинативным.

Корейская письменность существует с IV в. н. э. В корейском языке сначала использовали китайский алфавит, в XV в. был создан корейский алфавит.

§ 75. Японский язык занимает особое место; по морфологическому типу это агглютинативный язык. Письменность на нем существует с VIII в. Генетическая связь японского с другими языками неясна.

Среди изолированных языков Востока особенно своеобразно положение айнского языка. Айны (около 20 тыс. чел.) живут на острове Хоккайдо в Японии. Можно предположить, что это потомки древнейшего населения японских островов. Связь айнского языка с какими-либо другими языками установить не удалось. Такими же изолированными языками являются буриши (на Памире), андаманский (на Андаманских островах).

§ 76. Языки СНГ в генеалогическом отношении. В СНГ представлены языки многих семей, а также ряд пережиточно сохранившихся языков.

В СНГ представлены следующие языки индоевропейской семьи: славянские – русский, украинский и белорусский; из романской группы – молдавский; армянский язык; иранские – таджикский, осетинский, талышский и татский (два последних распространены в Азербайджанской Республике).

Из угро-финских языков в СНГ представлены: карельский, мордовский, марийский, удмуртский, коми-зырянский – в соответствующих республиках в составе Российской Федерации; мансийский (вогульский) и хантыйский (остяцкий) – в бассейне реки Оби; наконец, так называемые самоедские языки (ненецкий, тавгийский, селькупский и др.).

Языки алтайской семьи в основном сосредоточены в СНГ. Из них азербайджанский, туркменский, узбекский, казахский, киргизский – государственные языки соответствующих государств; башкирский, чувашский, татарский, каракалпакский, якутский – языки соответствующих субъектов Российской Федерации.

К алтайской же семье относится монгольский язык (Республика Тыва), а также горно-алтайский, тувинский, хакасский (в соответствующих субъектах Российской Федерации) и шорский (в Красноярском крае) языки.

В начале образования СНГ там были представлены все иберийско-кавказские языки, из которых грузинский язык – древнеписьменный (с V в. н. э.); младописьменными являются восемь иберийско-кавказских языков (абхазский с абазинским, адыгейский, кабардинский, аварский, даргинский, лакский, лезгинский, табасаранский).

В СНГ (в Сибири и на Дальнем Востоке) представлены тунгусские языки: эвенкский, ламутский (или эвенский), негидальский и др.; маньчжурские языки: удэйский, гольдский (или нанайский) и др.; палеоазиатские языки, сохранившиеся на крайнем северо-востоке СНГ: луораветланский (чукотский), нымыланский (корякский), ительменский (камчадалский), унанганский (алеутский), одульский (юкагирский) и др. Многие из этих языков получили письменность лишь при советской власти.

Наличие столь разных как по своему грамматическому строю, так и по происхождению языков в СНГ открывает исключительные перспективы для развития у стран – участников содружества общего языкознания.

§ 77. Взаимоотношения генеалогической и морфологической классификаций. Генеалогическая классификация обусловлена историко-сравнительным изучением языков; генеалогическая классификация есть классификация историческая, поэтому она не могла быть создана до возникновения историко-сравнительного языкознания и без применения историко-сравнительного метода. Генеалогическая классификация и историко-сравнительный метод внутренне связаны между собой и с историческим языкознанием: историко-сравнительный метод есть метод генеалогической классификации. Нельзя отрицать историко-сравнительный метод и в то же время признавать генеалогическую классификацию.

В отличие от генеалогической классификации морфологическая классификация не зависит от историко-сравнительного изучения языков, она не нуждается в сравнительно-историческом методе; поэтому она могла появиться до возникновения науки о языке.

В каком отношении находятся друг к другу понятия морфологического типа и семьи языков? Эти термины, построенные на различных основаниях, не совпадают. Языки одного и того же морфологического типа могут иметь различное происхождение, принадлежать к различным семьям: грузинский язык иберийско-кавказской семьи и казахский язык алтайской семьи по морфологическому типу являются агглютинативными языками. И наоборот, в пределах одной и той же семьи могут оказаться языки различного морфологического типа. Таких случаев меньше, но они бывают. Например: английский и рус-

ский языки входят в одну семью, но в русском языке имеется богатая морфология, в английском же форм словоизменения почти нет. Такое расхождение в типологии этих языков вторично.

КРУПНЕЙШИЕ СЕМЬИ И ГРУППЫ ЯЗЫКОВ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ АМЕРИКИ

Многочисленные языки коренного населения Америки очень разнообразны по характеру и с трудом поддаются классификации. Некоторые исследователи стремятся доказать родство большинства американских индейских языков между собой, другие, наоборот, преувеличивают разнообразие и пестроту языков коренного населения Америки. Для языков Северной Америки в настоящее время принята классификация Э. Сепира, по которой все североамериканские индейские языки делятся на шесть больших семей. Самая северная – **эскимосско-алеутская** большая семья языков, объединяющая **эскимосские языки** побережья Тихого и Атлантического океанов, побережья Гренландии и островов Арктического архипелага. **Алеутский язык** распространен на островах от Аляски до Камчатки.

§ 78. Алгонкинско-вакашская семья языков включает в себя семь групп, самая крупная из которых **алгонкинская**. Алгонкинские языки были распространены на полуострове Лабрадор, в Восточной и Центральной Канаде, частично в области Великих озер, в долине среднего течения Миссисипи и долине реки Огайо. К этой группе принадлежали племенные **языки мохеган, оттава, делаваров, шайеннов, черноногих** и др. Алгонкинские языки были первыми, с которыми столкнулись европейцы, поэтому многие слова, заимствованные европейцами из индейских языков, являются алгонкинскими. В настоящее время многие алгонкинские языки и диалекты вымерли, носители оставшихся оказались загнанными в резервации.

Из языков других групп этой семьи наиболее распространенными были **нутка, сквамиш**.

Южнее алгонкинско-вакашской была распространена большая семья **языков сиу-хока**, насчитывавшая несколько групп.

Одна из самых крупных групп – **ирокезская**, распространенная в прошлом к югу и востоку от Великих озер. К ирокезской группе кро-

ме **прокезского языка** с его диалектами относились языки таких племен, как **чероки, эри, гуроны, тускарора**.

К **мускогской группе языков** (юго-восток Северной Америки – между низовьями Миссисипи и Атлантическим побережьем) относились языки крупных племен: **семинолов, аппалачи, мобиле** и т. д.

На основе языка мобиле когда-то на этой территории сложился общий торговый язык юго-востока. Крупной была **группа языков сиу**, распространенных в бассейне реки Миссури и от Миссисипи до Скалистых гор. Языки **семьи сиу-хока** встречались в Калифорнии и Мексике. Языки **большой семьи на-дене** занимают в основном северо-западную часть материка. Самая многочисленная (53 языка) и в то же время самая «разбросанная» географически (от берегов Ледовитого океана до Мексики) – **атапаскская группа** (или семья) **языков**. До сих пор сохранились крупные языки этой группы: **навахо** (живут в резервациях штатов Аризона и Нью-Мексико) и **язык апачей** (в штатах Нью-Мексико и Техас).

На тихоокеанском побережье США распространена **семья пенути**, в которую входит группа калифорнийских языков – **майду, костаньо, чинук** (низовья реки Колумбии), последний из которых в XIX в. был общим межплеменным торговым языком для всего побережья, **такелма** (штат Орегон) и др. Судьба носителей этих языков трагична. В результате колонизации, вскоре после открытия в Калифорнии золота (в 1848 г.), коренное население было в большинстве своем истреблено.

Большая **таньо-юто-ацтекская семья** языков объединяет языки юго-запада Америки с языками Мексики и Центральной Америки. Самая обширная **юто-ацтекская группа** представлена **языками хопи** (районы около границы Мексики и США), **шошоне** (от Калифорнии до Невады), **ацтекским** (Мексика). У ацтеков, одного из наиболее развитых народов Америки, была своя пиктографическая, т. е. рисуночная, письменность. Завоевание Мексики испанцами уничтожило государство ацтеков, прекратило развитие их письменности.

Кроме указанных ранее языковых семей на территории Мексики и Центральной Америки распространены и другие семьи. Из них особенно выделяется большая **семья соке-майя**, представленная **языками майя** (жителей полуострова Юкатан), **соке** и др. На языке майя уже в начале нашей эры возникла письменность; до нас дошли надписи от IV в. н. э.

В настоящее время на территории Северной, Южной и Центральной Америки ученые насчитывают 25 языковых семей и групп. Одна из наиболее распространенных – **семья чибча**, включающая в себя 27 языков; на них говорит население Панамского перешейка и юго-западной части Южной Америки. Ряд народов этой группы имел старую культуру (**муиски**) и письменность (**куна**). **В аравакскую семью** объединены около ста языков индейцев, заселявших когда-то обширную область в бассейне реки Ориноко и в левобережье Амазонки. Сейчас эти языки очень разрозненны. На этой же территории и на островах Карибского моря были распространены многочисленные **карибские языки**. Однако они, как и аравакские, к нашему времени почти исчезли, уничтожены колонизаторами. Многочисленны были и языки **семьи тупи-гуарани**, когда-то широко распространенные на территории от реки Ла-Плата до устья Амазонки. В настоящее время сохранились лишь немногие языки этой семьи. Особое место среди них занимает **гуарани**, родной язык для 80 % населения современного Парагвая.

Широко распространен в Южной Америке и **язык кечуа**, относящийся вместе с **языком аймара** к группе языков кечуа. Первоначально на языке кечуа говорило население небольшой области вокруг долины Куско (Южное Перу), но с образованием государства инков круг носителей языка кечуа значительно расширился, так как он стал государственным языком инков. В колониальную эпоху его использовали испанские миссионеры. Сейчас на языке кечуа говорит около 11 млн индейцев в Перу, Боливии и Эквадоре (небольшие группы индейцев, пользующихся языком кечуа, есть в Аргентине и Чили).

Наибольшая языковая пестрота наблюдается у жителей тропических лесов в верховьях Амазонки и в бассейне реки Ориноко. Здесь много небольших групп языков: катукииа, сапаро и отдельных языков: **юракаре**, **лекку**, **итоиама** и т. д. На территории Аргентины в прошлом также были распространены различные группы языков: **гуайкуру**, **диагита** и др.; лишь на юге выделялась довольно однородная **семья чон** (Патагония и Огненная Земля). С XVIII в. здесь появились большие группы арауканцев из Чили, бежавших на юг после поражения восстания. Когда-то на языках **арауканской семьи языков** говорило население западных склонов Анд.

Вопросы для самоконтроля

1. Каким целям служит сравнительно-исторический метод изучения языков?
2. Каков результат исследования языков мира сравнительно-историческим методом?
3. Назовите основные приемы сравнительно-исторического метода. Объясните понятия *реконструкция*, *праязык*, *язык-основа*, *архетип*, *праформа*.
4. Какие единицы языка можно изучать сравнительно-историческим методом? Как учитывают при сравнительно-историческом анализе значения языковых единиц? Что представляют собой так называемые звуковые соответствия?
5. Каковы этапы использования сравнительно-исторического метода?
6. Почему М. В. Ломоносова считают одним из предшественников сравнительно-исторического языкознания?
7. В чем сущность сравнительно-исторического метода?
8. Укажите предпосылки возникновения сравнительно-исторического метода.
9. В чем различие методики сравнения у Ф. Боппа и Р. Раска?
10. В чем своеобразие вклада Я. Гримма и А. Х. Востокова в развитие сравнительно-исторического метода?
11. Назовите основные периоды в истории сравнительно-исторического языкознания.
12. Какие классификации языков вам известны?
13. На каком принципе строится генеалогическая классификация языков?
14. Какие языки называют родственными? Как возникают родственные языки?
15. Что такое архетип и от чего зависит степень его достоверности?
16. Раскройте содержание терминов *языковая семья*, *группа родственных языков*, *подгруппа родственных языков*. Проиллюстрируйте свой ответ примерами.
17. Назовите основные семьи языков.

Практические задания

1. На основе сравнения данных слов разных индоевропейских языков установите, какие звуки были в языке-основе на месте русских *я, у*.

Рус. семья – ст.-слав. сѣма, лит. semens, лат. semen.

Рус. имя – ст.-слав. има, греч. онома, лат. nomen, др.-инд. nama.

Рус. десять – ст.-слав. десать, греч. deka, лат. decem, др.-инд. dasan, лит. deszimtas.

Рус. мясо – ст.-слав. мацо, др.-прусс. mensa.

Рус. пять – ст.-слав. пать, лит. penki, греч. pente, лат. quinqui, др.-инд. panca, лит. penki;

Рус. рука – ст.-слав. ржка, лит. ranka.

Рус. угол – ст.-слав. жгъль, лат. angulus.

Рус. голубь – ст.-слав. голжбь, лат. columbus.

Рус. гусь – ст.-слав. гжсь, лат. anser, гот. gans.

Рус. зуб – ст.-слав. зжбь, лат. dens (dentis), лит. zambas.

Рус. путь – ст.-слав. пжть, др.-инд. ponthas, лат. pons (род. п. pontis – «мост»).

2. Путем сравнения данных слов родственных индоевропейских языков установите, какой гласный звук соответствовал в индоевропейском языке русскому *ы*.

Рус. мышь – лат. mus, греч. mus, др.-инд. mus, гот. mus.

Рус. сын – лит. sunus, др.-инд. sunus.

Рус. дым – лит. dumai (мн. ч.), др.-инд. dhumas, лат. fumus.

Рус. ты – лат. tu.

Рус. быть – лит. buti, лат. fui.

3. На основе сравнительного анализа слов разных индоевропейских языков реконструируйте исходную форму (архетип) этих слов для языка-основы.

Рус. огонь – ст.-слав. огнь, лат. ignis, лит. ugnis, др.-инд. agnis.

Рус. два – ст.-слав. дѣва, лат. duo, лит. du (*dву), др.-инд. duvā, гот. twai.

Рус. иго – ст.-слав. иго, лат. jugum, лит. jungas, др.-инд. jugam, гот. juk.

Рус. везет – ст.-слав. везеть, лат. vehit, лит. vesa, др.-инд. vahati, гот. wigam.

Рус. кровь – ст.-слав. кръвь, лат. cruor, лит. kraujas, др.-инд. krahviḥ (сырое мясо).

Рекомендуемая литература

1. Баранникова, Л. И. Введение в языкознание : учеб. пособие / Л. И. Баранникова. – Изд. 2-е, доп. – М. : Либроком, 2010. – 392 с. – ISBN 978-5-397-00485-5. (§ 64 – 73.)

2. Березин, Ф. М. История лингвистических учений : учеб. для филол. специальностей вузов / Ф. М. Березин. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Высш. шк., 1984. – 319 с. (С. 20 – 40.)

3. Вопросы методики сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков / сост.: В. И. Абаев [и др.] ; Акад. наук СССР. – М. : Изд-во АН СССР, 1956. – 324 с. (С. 53 – 86.)

4. Гируцкий, А. А. Общее языкознание : учеб. пособие для студентов вузов / А. А. Гируцкий. – Изд. 3-е, стер. – Минск : ТетраСистемс, 2003. – 288 с. – ISBN 985-470-090-9. (С. 60 – 68.)

5. Кодухов, В. И. Общее языкознание : учеб. для студентов филол. специальностей ун-тов / В. И. Кодухов. – М. : Высш. шк., 1974. – 303 с. (С. 21 – 25, 254 – 281.)

6. Кондрашов, Н. А. История лингвистических учений : учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по специальности № 2101 «Рус. яз. и лит.» / Н. А. Кондрашов. – М. : Просвещение, 1979. – 224 с. (С. 37 – 47.)

7. Общее языкознание : Методы лингвистических исследований / отв. ред. Б. А. Серебренников. – М. : Наука, 1973. – 318 с. (Гл. I.)

Раздел II

ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ЯЗЫКОВ

Наряду со сходными материальными чертами между языками мира наблюдаются и различия структурного (**типологического** (от греч. *typos* – «отпечаток, форма, образец» и *logos* – «слово, учение»)) порядка – сходства и различия не в языковом материале, а в принципах его организации. Исследование черт структурного сходства языков независимо от их территориального распространения и, в частности, структурного сходства языков неродственных, географически далеких и исторически между собой не связанных составляет задачу **типологического языкознания**, или лингвистической типологии («сравнительное изучение структурных и функциональных свойств языков независимо от характера генетических отношений между ними» [16, с. 512]).

«Мы можем сравнивать языки совершенно независимо от их родства, от всяких исторических связей между ними, – писал И. А. Бодуэн де Куртэнэ. – Мы постоянно находим одинаковые свойства, одинаковые изменения, одинаковые исторические процессы и перерождения в языках, чуждых друг другу и исторически, и географически. С этой точки зрения мы можем сравнивать... развитие языков славянских с развитием языков семитических... развитие языка английского с развитием языка китайского и т. д.» [4, с. 371].

«Центральное понятие лингвистической типологии – тип языка» [11, с. 158]. Тип языка – это существенные свойства строя конкретного языка и общие закономерности структуры ряда языков, их объединяющие. Эти закономерности могут быть связаны с характером грамматических форм, способами выражения синтаксических отношений, наконец, с фонологическими особенностями языков. Таким образом, лингвистическая типология может строиться на основе самых разных структурных признаков – фонологических, морфологических, синтаксических, семантических и т. д.

Типологическая классификация состоит в выявлении основных типов грамматического строя языков. Тип языка определяется по словоизменению, словообразованию и синтаксису.

Тип языка – изолирующий (корневой), агглютинирующий (агглютинативный), флектирующий (флективный).

Строй языка – синтетический, аналитический, полисинтетический.

В конце XIX в. было выдвинуто еще несколько классификаций. Из них заслуживает внимания классификация Ф. Ф. Фортунатова. Исходя из строения формы слова и соотношения морфем в слове, Фортунатов разделил языки на четыре типа:

- 1) агглютинативные (например, турецкий), в которых формы слов образуются с помощью аффиксов;
- 2) флективно-агглютинативные (например, арабский), в которых для образования форм слов используется флексия основ;
- 3) флективные (например, немецкий), в которых существует флексия основ в формах, образуемых аффиксами;
- 4) корневые (например, китайский), в которых вовсе нет форм отдельных слов.

В первой четверти XX в. появилась классификация американского лингвиста Э. Сепира. Он рассматривал каждый язык с трех точек зрения: каков тип, какова преобладающая техника соединения морфем в языке, какова степень синтетичности. В своей классификации Сепир выделил 21 тип языков. Недостаток классификации Сепира в том, что заложенные в ней плодотворные идеи о необходимости всестороннего и точного определения типа языка не были проведены последовательно и до конца. В этом направлении сейчас ведут исследовательскую работу лингвисты ряда стран.

Таким образом, удовлетворительной морфологической классификации языков пока нет.

Кроме морфологической классификации была предложена классификация на синтаксической основе. Выдвигалась также мысль о фонетической классификации.

Типологические классификации полезны как дополнительные к генеалогической классификации. Так, характеризуя какой-либо язык, можно указать, к какому семейству он относится, к какой ветви или группе. Это покажет основные особенности его словарного состава и отчасти грамматики. Далее можно добавить, к какому морфологическому типу относится язык, указав, таким образом, важнейшие особенности его грамматики.

Например, о болгарском языке мы скажем, что это язык индоевропейской семьи, славянской ветви, южнославянской группы. После этого станет ясно, что лексика болгарского языка близка к лексике русского, что сходными должны быть и некоторые явления в грамматике. Но сходство должно быть меньшим, чем между русским и украинскими языками, которые относятся к группе восточнославянских языков.

Далее можно сказать, что болгарский язык флективный, т. е. в нем наблюдается изменение корневых звуков в формах, образуемых при помощи аффиксов.

§ 79. Фонетическая типологическая классификация языков.

При фонетической типологической классификации языки могут группироваться по следующим признакам.

1. **Богатство или бедность гласных или согласных.** В языках с одинаковым количеством фонем различно соотношение гласных и согласных фонем. В одних языках гласных бывает больше, в других – меньше. Так, например, в современном русском языке 40 фонем, из которых 6 гласных и 34 согласных; в корейском языке также 40 фонем, из них 21 гласная (включая дифтонги и дифтонгоиды) и 19 согласных. Богаты гласными английский, французский, немецкий, финский, венгерский языки; богаты согласными русский, польский, чешский, арабский, абхазский и др.

2. В фонетическом отношении языки можно было бы подразделить на различные типы по **характеру ударения** (в одних языках ударение монотоническое, характеризующееся лишь местом в слове, в других – политоническое, характеризующееся не только местом, но и качеством, т. е. движением голосового тона, в третьих вообще нет ударения в собственном смысле слова, а есть лишь тон, характеризующий каждый слог; в одних языках ударение разноместное, в других постоянное, закрепленное за определенным слогом в слове, в третьих – вообще свободное, не связанное с определенным местом).

Тоническое, или **музыкальное** (оно выражается в увеличении высоты тона в предударном слого, т. е. в увеличении частоты колебаний голосовых связок), **ударение** характерно для литовского, сербского, китайско-тибетского, японского и других языков, тоническое ударение было в древнеиндийском и древнегреческом.

Силовое, или **динамическое** (если ударение выражается в усилении голоса в предупредном слоге, т. е. в увеличении размаха колебаний голосовых связок), **ударение** характерно для русского, украинского, белорусского, азербайджанского, узбекского, казахского, грузинского, немецкого, английского и других языков.

Некоторые языки имеют богатую систему словесных тонов. Музыкальные тоны имеются в японском, шведском, сербском и других языках.

Различают языки с **фиксированным** (или связанным) **ударением** и **свободным ударением**. В первом случае ударение всегда падает на определенный слог: или на первый от конца (так, например, во французском: *travaille* – [трава́й] – «труд», *drapeau* – [драпо́] – «знамя», *dictionnaire* – [диксионэ́р] – «словарь»); или на второй от конца (например, в польском), или на начальный слог (в латышском, чешском; как правило, в немецком). Ударение называют свободным, если оно не связано с определенным слогом, если оно может падать на любой слог. Свободное ударение характерно для русского языка, например: де́рево, ко́мната, бу́ря, ре́чка, кни́га, ручка, кра́сный; доли́на, пше́ница, доро́га, пого́да, ши́рокий, краси́вый; трава́, звезда́, река́, скала́, урага́н, сторо́на, ячме́нь, красота́.

Свободное ударение, в свою очередь, может быть **постоянным** (для разных форм данного слова) или же **подвижным** (в различных формах данного слова). Например, хи́жина, заво́д, коро́ва имеют постоянное ударение (хи́жина, хи́жины, хи́жине, хи́жиною, хи́жины, хи́жин, хи́жинами; заво́д, заво́да, заво́ду, заво́дом, заво́ды, заво́дов, заво́дам).

Слова де́рево, о́зеро, ло́шадь, рука́, стена́, волна́ имеют подвижное ударение (де́рево, о́зеро, но дере́вья, озёра; ло́шадь, ло́шади, но лошаде́й, лошада́м; волна́ – род. п. волны́, но мн. ч. во́лны; стена́ – род. п. стены́, но мн. ч. стéны; рука́ – род. п. руки́, но мн. ч. ру́ки). В таких случаях благодаря ударению различаются родительный падеж единственного числа (волны́, стены́, руки́) и именительный падеж множественного числа (во́лны, стéны, ру́ки).

В чешском, венгерском, во многих германских языках ударение падает преимущественно на первый слог. В польском, итальянском, испанском и некоторых других языках – преимущественно на предпоследний слог. Во французском, в башкирском, татарском, азербай-

джанском, турецком, персидском, татском, иврите и некоторых других языках ударение преимущественно падает на последний слог. В русском, украинском, болгарском и некоторых других языках ударение свободное.

§ 80. Синтаксическая типологическая классификация языков. Языки могут группироваться по многим признакам.

Свободный или твердый порядок слов: английский, китайский – языки с твердым порядком слов; русский, польский – языки со свободным порядком слов.

Препозиция или постпозиция прилагательного: прилагательное ставят после существительного во французском, в персидском, арабском, иврите.

Именное (без связки «быть» в настоящем времени) или глагольное сказуемое (со связкой «быть»): именное сказуемое характерно для русского, башкирского, татарского, турецкого, арабского, иврита и других языков, например, «Я – студент»; глагол-связка обязательна в английском, французском, немецком, китайском и других: *I am a student* (Я есть студент).

§ 81. Морфологическая типологическая классификация языков. Основы морфологической классификации были заложены в работе Фридриха Шлегеля «О языке и мудрости индусов» (1808), т. е. еще до возникновения сравнительно-исторического языкознания.

Он выделил флективные языки, характеризующиеся внутренней флексией (т. е. изменением звукового состава морфем и в первую очередь корней, независимым от фонетических условий) и тесной спайкой различных значимых частей слова, и противопоставил их всем другим языкам как более совершенные.

В качестве наиболее яркого примера флективного языка Ф. Шлегель привел священный язык древней Индии – санскрит, который у лингвистов начала XIX в. считался наиболее архаичным языком недавно установленной индоевропейской семьи языков.

Десятью годами позднее брат Фридриха, Август Шлегель, в своих «Заметках о провансальском языке и литературе» (1818) предложил деление всех языков на три основных типа:

1) языки без какой бы то ни было грамматической структуры, т. е. такие, где слова неизменяемы, а отношения между словами в предложении могут выражаться лишь порядком слов;

2) языки с аффиксами, т. е. такие, где отношения между словами могут выражаться посредством аффиксов;

3) языки флективные, т. е. такие, где помимо аффиксов есть и внутренняя флексия.

Последние языки А. Шлегель разделил на **синтетические** и **аналитические** уже по синтаксическому принципу (в синтетических языках отношения между словами выражаются с помощью форм самих слов, а в аналитических – посредством служебных слов и порядка слов). Деление это, хотя и опирается на определенный синтаксический признак, тесно связано с определенными особенностями морфологической структуры языка, потому что так называемые синтетические языки обязательно располагают падежами, а языки аналитические (в чистом виде) их не имеют, падеж же представляет собой определенную морфологическую категорию (подробнее об этом см. ниже).

Следующий этап в разработке воззрений на морфологическую классификацию языков представляют труды выдающегося немецкого лингвиста **Вильгельма фон Гумбольдта**. Знаток огромного количества языков, принадлежащих к самым разнообразным семьям и типам, он стремился вскрыть общие закономерности языкового развития. Он же построил и новую классификацию языков по их морфологическому строю на основе деления языков А. Шлегеля, назвав языки первого типа (языки без грамматической структуры) **изолирующими**; второго (языки, характеризующиеся аффиксами, не тесно связанными между собой и с корнем) – **агглютинирующими**, т. е. «склеивающими» (от лат. *agglutinare* – «склеивать»); третьего (языки, характеризующиеся тесной спайкой аффиксов между собой и с корнем и внутренней флексией) – **флектирующими**, т. е. «склоняющими», или «сгибающими». К этим трем типам он добавил четвертый, к которому относятся **инкорпорирующие языки**, т. е. «вчленяющие». Особенность этих языков, к которым относятся немногие языки североамериканских индейцев, а также некоторые языки крайнего северо-востока Сибири, например чукотский (луораветланский), в том, что в соответствии с нашими различными второстепенными членами пред-

ложения, зависящими от глагола-сказуемого (дополнениями, обстоятельствами), там употребляются аффиксы, входящие в состав глагольного сказуемого (подробнее см. ниже). Свою классификацию В. Гумбольдт изложил в 1822 г. в работе «О происхождении грамматических форм и их влиянии на развитие идей» и позднее – в своем получившем наиболее широкую известность обширном труде «О языке кави на острове Ява» (был опубликован уже после смерти автора, в 1836 – 1840 гг.).

Деление языков на четыре типа было воспринято не всеми последующими лингвистами. Наиболее выдающийся немецкий лингвист середины XIX в. А. Шлейхер вернулся к трехчленному делению А. Шлегеля, подвергнув его дальнейшей детализации. Подобно Шлегелю, он принимал также деление на синтетические и аналитические языки, но не включил в свою классификацию языки инкорпорирующие. Подразделение на синтетические и аналитические языки Шлейхер распространил как на флектирующие (или флективные), так и на агглютинирующие языки.

Приблизительно в то же время и также исходя из общих идей Гумбольдта разработал свою, несколько отличную от гумбольдтовской классификацию Г. Штейнталь. Он подразделил все языки на два основных типа – языки без формы и языки с формой. При этом под формой он понимал не только форму слова, но и форму предложения, вследствие чего к языкам с формой могут относиться и такие языки, в которых слова не изменяются. Каждый из этих основных типов подразделяется на два подтипа: **языки присоединяющие** и **языки видоизменяющие** (имеется в виду видоизменение слов, т. е. наличие у слов формы в нашем смысле слова). К языкам, присоединяющим без формы, относятся языки Индокитая; к языкам, присоединяющим с формой, – китайский язык. Языки, видоизменяющие в составе каждого из типов, подразделяются, в свою очередь, на три разновидности. В составе языков, видоизменяющих без формы, выделяют:

1) видоизменяющие посредством удвоения и префиксов – языки Полинезии;

2) видоизменяющие посредством суффиксов – урало-алтайские (тюркские, монгольские, угро-финские) языки;

3) видоизменяющие посредством инкорпорации – американские языки.

В составе языков, видоизменяющих с формой, выделяют:

- 1) видоизменяющие посредством прибавления элементов – египетский язык;
- 2) видоизменяющие посредством внутренней флексии – семитские языки;
- 3) видоизменяющие посредством истинных суффиксов – индоевропейские языки.

Классификация Штейнталя уже в 90-х гг. XIX в. была переработана Фр. Мистели. Он также разделил языки на **бесформенные** и **формальные** (т. е. имеющие форму), однако это деление несколько отличается от классификации Штейнталя. Вместе с тем, принимая во внимание отношение слова к предложению (причем в качестве центра предложения выступает глагол), а также структуру слова, Мистели предложил перекрещивающееся с разделением на бесформенные и формальные языки деление языков на **бессловные** (*nichtwortig*), **мнимословные** (*scheinwortig*) и **истословные** (т. е. языки с настоящими словами, *echtwortig*). Особо он выделил **инкорпорирующие языки**, характеризующиеся **словами-предложениями**, где слово и предложение не разграничены. При этом к формальным истословным языкам он отнес лишь языки флектирующие, т. е. семитские и индоевропейские, так как именно в них тесно связаны различные элементы, составляющие слово, а глагол, образующий центр предложения, содержит материальный корень и аффикс, дающий общее указание на субъект. Агглютинирующие языки, где элементы, составляющие слово, связаны не так тесно, Мистели причислил к бесформенным мнимословным. К бесформенным же он отнес, подобно Штейнталю, и инкорпорирующие языки. Среди формальных бессловных языков Мистели различал **изолирующие** и **присоединяющие**. В последнюю группу он включил египетский (как и Штейнталь), а также языки банту. Среди изолирующих, принимая во внимание наличие не только словоизменения, но и словообразования, он различал **корнеизолирующие** (т. е. не имеющие словообразовательных аффиксов) и **основоизолирующие языки** (т. е. такие, где отношения одного слова к другим в предложении в структуре слова не выражены, но слова не всегда состоят из одного корня, а имеют словообразовательные аффиксы). К корнеизолирующим языкам он отнес китайский, а также языки Индокитая (в отличие от Штейнталя, Мистели включил

их в свою классификацию, хотя и отнес в особый тип, в то же подразделение, что и китайский язык). К основоизолирующим языкам он причислил, например, малайский.

Подобно Гумбольдту и Шлейхеру, у Штейнталя и Мистели на высшей ступени классификации языков стоят индоевропейские языки (в пределах формальных истословных языков различаются как особые типы семитский и индоевропейский). Именно эти языки характеризуются как бы идеальной грамматической структурой. Это положение, конечно, для нас неприемлемо.

Выдающийся русский лингвист, академик Ф. Ф. Фортунатов в конце XIX и начале XX в. вернулся к системе классификации В. Гумбольдта, дополнив ее одним типом, занимающим промежуточное положение между агглютинативным и флективным. Он назвал этот тип **флективно-агглютинативным** и отнес к нему семитские языки, которые прежние исследователи безоговорочно считали флективными, но которые существенно отличались в грамматическом строе от индоевропейских языков, являющихся основным представителем собственно флективного типа.

Из позднейших классификационных систем, относящихся уже к XX в., укажем лишь систему немецкого лингвиста Фр. Н. Финка и американского лингвиста Э. Сепира.

Фр. Н. Финк рассматривал языки с точки зрения, как он выражался, степени «массивности» или «фрагментарности» их структуры. Под массивностью он понимал выражение самого разного рода отношений в структуре одного слова. В наиболее полном виде она осуществляется в таких языках, которые Гумбольдт называл инкорпорирующими (Финк в качестве примера привел гренландский язык). Под фрагментарностью он понимал выражение различных отношений в отдельных словах (знаменательных и служебных).

Вместе с тем Финк обратил внимание на степень согласования различных членов предложения. Так, например, среди языков, обычно называемых агглютинирующими (или, как теперь принято говорить, агглютинативными), мы находим, с одной стороны, такие, как тюркские, а с другой – такие, как банту (в Южной Африке). В тюркских языках возможно лишь согласование в числе (единственном, множественном), и то лишь между существительным (или местоимением) и глаголом (прилагательные там выступают в неизменяемой

форме и не согласуются с существительным даже в числе). В банту же все существительные подразделяются на определенное количество классов (различное в разных языках), причем с каждым классом по своему согласуются слова, зависящие от существительного в предложении (прилагательные, местоимения, числительные, глаголы – кроме наречий). Согласование осуществляется посредством префиксов (приставок) – каждый класс имеет свои префиксы для единственного и множественного числа, притом иногда различные для имени и глагола. Ср., например, *m-tu m-kubwa a-nakwenda* – «большой человек идет»; *wa-tu wa-kubwa wa-nakwenda* – «большие люди идут»; *m-safara m-kubwa u-nakwenda* – «большой караван идет»; *mi-safara mi-kubwa i-na-kwenda* – «большие караваны идут» (пример взят из языка суахили, наиболее распространенного среди языков банту). Вследствие этого Финк отнес турецкий язык (взятый в качестве примера таких языков, как тюркские) и язык субия (представитель языков типа банту) к разным типам.

Также в качестве представителя особого типа, который он назвал группофлектирующим, Финк выделил грузинский язык на основании особого характера зависимости между членами предложения, выражающегося в структуре слова. В грузинском языке действующее лицо выражается различными падежами в зависимости от того, в каком времени стоит глагол, являющийся сказуемым предложения.

На основании указанных выше принципов Финк выделил восемь типов языков. В качестве примера он привел по одному языку – представителю каждого типа, структуру которого он рассматривал. Эти восемь типов представляют:

- 1) китайский язык;
- 2) гренландский язык;
- 3) язык субия (один из языков банту);
- 4) турецкий язык;
- 5) самоанский язык (один из полинезийских языков);
- 6) арабский язык;
- 7) греческий язык;
- 8) грузинский язык.

Э. Сепир пришел к выводу о невозможности классификации языков с какой-либо одной точки зрения и принял несколько основа-

ний для классификации, причем каждый из языков должен быть определен с точки зрения каждого из этих оснований. Первое основание – «техника» (как выразился Сепир) объединения значимых частей (морфем) в слове, т. е. степень их спайки (большая или меньшая теснота объединения), возможность или невозможность (и разная ее степень) «символизации» (так Сепир называл выражение различных значений посредством изменения звукового состава морфемы, т. е. внутреннюю флексию, или чередование). Последняя (т. е. «символизация») могла бы быть выделена, по Сепиру, и в качестве особого основания. Второе основание – степень синтеза, т. е. соединение в одном слове различных значений. С этой точки зрения языки подразделяются на аналитические, синтетические и полисинтетические (так принято в современном языкознании называть те языки, которые в классификации Гумбольдта известны как инкорпорирующие). Третье основание – «грамматические понятия» (по выражению Сепира), которые могут быть выражены в структуре одного слова. В качестве «грамматических понятий» он принимал различного рода отношения, выражаемые в языке. На основе всех этих принципов Сепир выделил 21 тип языков. Впрочем, как он сам указывал, его классификация может быть как подвергнута дальнейшей детализации, так и упрощена.

Многообразие классификаций, различие принципов, на которых эти классификации строились, невозможность избежать (при любой классификации языков) такой структуры, которая точно не укладывается в рамки установленных типов, заставляют некоторых зарубежных лингвистов (современных) скептически относиться к морфологической классификации и даже полностью отказаться от нее. Так, выдающийся французский лингвист А. Мейе считал подлинно научной лишь классификацию генеалогическую, морфологическую же классификацию он вообще отвергал.

Но такая нигилистическая по отношению к морфологической классификации точка зрения никоим образом не может быть принята. Морфологическая классификация при всех недостатках ее разработки позволяет определить основные особенности морфологической структуры различных языков; наличие же языков, занимающих по своей структуре промежуточное положение между различными типами, не может служить мотивом к отказу от классификации: в любой классификации определяются основные, если можно так выразиться,

идеальные, типы, между которыми может существовать большое количество различных переходных явлений.

За основу классификации принимают характер морфем в составе слова и характер их объединения в слове. Значения обобщенного характера, выражающиеся в формах слов и являющиеся объектом изучения грамматики, учитывают лишь в той мере, в какой они существенны для различия связи и взаимоотношений морфем в слове. Принимать во внимание разного рода грамматические значения, выражаемые структурными средствами одного слова, невозможно уже потому, что все многообразие этих значений в различных языках еще в достаточной мере не изучено. Возможно, в дальнейшем и удастся построить классификацию с учетом всех этих структурно оформленных значений, но пока, несмотря на большое количество вновь предложенных систем, мы вынуждены придерживаться рамок наиболее принятой к настоящему времени классификации, разработанной еще в начале XIX в. А. Шлегелем, затем дополненной и видоизмененной В. Гумбольдтом (с некоторыми уточнениями и, в свою очередь, видоизменениями). Согласно этой классификации, все языки мира подразделяются на четыре основных типа: **изолирующий**, или **аморфный**; **агглютинативный** (этот термин в настоящее время, как уже было сказано, более распространен, чем **агглютинирующий**); **флективный** и **полисинтетический** (этот термин в настоящее время более распространен, чем **инкорпорирующий**). Флективные языки подразделяются на **флективно-синтетические** и **флективно-аналитические**.

§ 82. Изолирующие (аморфные) языки. Языки называют изолирующими или аморфными (т. е. «бесформенными», от греческого α – отрицание $\mu\omicron\rho\phi\acute{\eta}$ – «форма») потому, что слова в них до произнесения и использования в предложении как бы изолированы друг от друга. При этом невозможно определить грамматическое значение этих слов. Прежний термин «аморфный» неточен, так как морфемы у слов есть.

Существуют языки с неизменяемыми словами, напоминающими корни. Такие языки называют **корневыми**. Однако они лишь условно могут быть названы корневыми: корень и аффиксы – понятия соотносительные, и где нет аффиксов вообще, там не может быть и корня (в общепринятом смысле). Суффиксы и префиксы в них очень

немногочисленны и служат средством словообразования, а не словоизменения.

Взаимоотношение же слов в предложении в связной речи будет определяться **порядком слов** (или иными средствами, заменяющими словоизменение – ударением и др.). Таким образом, в корневых языках слова морфологически неизменяемы, однообразны, но предложение не лишено грамматического строя; нет морфологии, но имеется синтаксис.

К корневым языкам близок **китайский**. Слова в нем не склоняются и не спрягаются. Однако там есть частицы с функцией вспомогательных слов и аффиксов словообразования. Решающую роль в построении фразы (предложения) в китайском языке играет порядок слов.

О том, как понимается один и тот же звуковой комплекс в различных сочетаниях, можно судить на примере китайского слова *хао*: *хао жень* – «хороший человек»; *сию хао* – «делать добро, давать милостыню»; *дзио хао* – «старая дружба»; *хао дагвих* – «очень дорогой»; *жень хао во* – «человек любит меня».

Таким образом, слово *хао* в различном положении и с различной интонацией может значить: *хороший, очень, добро, милостыня, дружба, любить*, т. е. оно выступает в функции то имени прилагательного, то наречия, то имени существительного, то глагола, не являясь, конечно, морфологически ни одной из этих частей речи (в обычном понимании).

К изолирующим языкам относят китайско-тибетские языки (китайский, тибетский, тайский), а также австроазиатские (вьетнамский). К изолирующим языкам относят и языки малайско-полинезийской семьи.

Изолирующие языки характеризуются неизменяемостью слов. Форма слова в них как бы не зависит от других слов в предложении, она дана изолированно, самостоятельно. Рассмотрим для примера китайское предложение: *Мао ра гои, гои би ра тао* – «Кошки (*тао*) боятся (*ра*) собак (*гои*), а собаки (*гои*) не (*би*) боятся (*ра*) кошек (*тао*)».

Для выражения отношений между словами используются порядок слов и служебные слова. Сравним еще раз части первого предложения: *Мао ра гои, гои би ра тао*. Понять, что в первой части *тао*

означает действующее лицо (подлежащее), а во втором – объект (дополнение), можно по месту, которое занимает слово в предложении.

Однако в современном китайском языке уже есть случаи использования аффиксов (суффиксов).

Изолирующий, или аморфный, тип характеризуется неизменяемостью слов и тем, что отношения между словами выражаются лишь их порядком в предложении. Понятия «изолирующий» и «аморфный» совпадают только частично. Изолирующие языки названы так потому, что формы самих слов не указывают на отношения между словами в предложении, все слова (по своей форме) не зависят друг от друга, они как бы «изолированы» друг от друга в предложении. Но сами слова в одних языках могут состоять только из корня, в других же языках могут иметь словообразовательные аффиксы. На этом основании, как уже было сказано выше, Фр. Мистели разграничивал корнеизолирующие и основоизолирующие языки. Словообразование некоторые лингвисты не включают в грамматику (и, следовательно, в морфологию), а относят к лексикологии, так как словообразовательные средства используются для образования новых слов. Но поскольку для образования новых слов часто используют те же средства, что и для выражения отношений между словами в предложении (а часто даже одни и те же структурные средства служат одновременно и для образования новых слов, и для выражения различного рода отношений), то при морфологической классификации языков, опирающейся в первую очередь на взаимоотношения морфем в слове, с полным основанием должны учитываться и средства словообразования.

Термин «аморфный» в строгом смысле слова может быть отнесен лишь к так называемым корнеизолирующим языкам, поскольку они в полном смысле лишены формы слова, в них нет не только форм словоизменения, но и форм словообразования; предложение же представляет собой последовательность неизменяемых корней, границы которых совпадают с границами слов. Новые понятия в этих языках могут быть выражены лишь сочетанием уже имеющихся корней. Для связи слов в предложении помимо порядка слов могут быть использованы также слова-корни, теряющие в соответствующем контексте свое основное значение и приобретающие значение служебного слова – предлога или союза. Частей речи в этих языках нет. Слова, обозначающие предметы, свойства, действия и так далее, друг от друга

по структуре ничем не отличаются (ведь все они выражаются неизменяемыми корнями), и даже одно и то же слово иногда в зависимости от контекста может обозначать и предмет, и свойство, и действие.

Нет ни одного языка в мире (как среди существующих в настоящее время, так и среди зафиксированных в письменных памятниках), который полностью был бы аморфным в соответствии с указанными выше признаками этого типа. Но имеются языки, достаточно близкие к аморфному типу. К ним относится, например, китайский язык (точнее, древнекитайский язык классической литературы, так как современный китайский дальше отстоит от этого состояния, хотя и в нем можно найти элементы, близкие к аморфному типу); едва ли не в большей степени вьетнамский (аннамский) язык в Индокитае, некоторые языки коренного населения Западной Африки.

Для иллюстрации можно взять следующее китайское предложение, которое построено по нормам аморфного типа: *ча во бу хэ*. Это предложение состоит из четырех слов, каждое из которых является корнем в чистом виде без каких-либо дополнительных элементов. По-русски оно переводится «чая я не пью», но буквально его следовало бы перевести «чай я нет пить», так как *ча* обозначает просто «чай» и отношение к другим словам в нем никак не выражено, *во* обозначает «я», *бу* соответствует по значению не только нашей отрицательной частице «не», но и самостоятельному отрицанию «нет», *хэ* обозначает «пить», и здесь опять-таки нет формального указания на лицо или время.

В китайском языке одно и то же слово может обозначать (как это бывает, согласно сказанному выше, в аморфных языках) и действие, и предмет. Так, например, слово *мо* в зависимости от контекста обозначает и «молоть», и «жёрнов» (т. е. предмет, при помощи которого мелют). Широко развито выражение новых понятий посредством сочетания корней (ср., например, *шуй-фу* – «водонос» от *шуй* – «вода» и *фу* – «нести»).

Но в китайском языке далеко не все предложения строятся так, как приведенное выше, и далеко не все слова представляют собой чистые корни. Многие некогда самостоятельные слова утратили свое основное лексическое значение и стали так называемыми пустыми словами (этот термин использует китайская грамматика); одна их часть употребляется как словообразовательные суффиксы, вторая –

как формальные показатели отношений между словами, соответствуя по значению частично нашим падежным окончаниям, третья – как суффиксы, указывающие на время глагола, и т. п. Так, например, «пустое слово» *ды*, присоединяясь к различным словам, обозначает принадлежность, место, а также имеет и некоторые другие значения. Например *во* – «я», *во-ды* – «мой» (т. е. «принадлежащий мне»); *гун-жэнь* – «рабочий» (отдельно *жэнь* обозначает «человек»), *гун-жэнь-ды* – «принадлежащий рабочему»; *лай* – «приходить», *лай-ды* – «тот (человек), который приходит» и «то (место), куда приходят», например: *лай-ды жэнь* – «приходящий человек», *лай-ды ди-фан* – «место, куда приходят». Если настоящее время обозначается чистым названием соответствующего действия (как в приведенном выше примере), то прошедшее время обозначается особой частицей (*ла*). Ср. *во* – «я», *шо* – «говорить», *во-шо-ла* – «я говорил, я сказал».

Некоторые лингвисты считают неудачным термин «аморфный» в применении к рассматриваемому типу языка на том основании, что вообще не существует языков, лишенных формы. В данном случае речь идет не об отсутствии формы вообще (поскольку могут существовать и формы словосочетания и предложения), а об отсутствии формы отдельного слова. Лингвисты, отрицающие правомерность понятия аморфных языков, считают, что не может быть и таких языков, у которых нет формы отдельного слова. Эти лингвисты считают, что возможна форма слова, внешне никак не выраженная, с чем, конечно, нельзя согласиться. В действительности же мы можем считать языки, где слова формально (внешне) никак не изменяются, не имеющими грамматической формы слова, вследствие чего термин «аморфные языки» является вполне законным.

Существуют, как уже сказано, языки изолирующие, но не аморфные, в которых имеются формы словообразования, но нет форм словоизменения, отношения же между словами в предложении выражаются, как и в китайском, посредством порядка слов и служебных слов. К таким языкам относится, например, малайский, а также другие языки малайско-полинезийской семьи (ср., например, мал. *roemah* – «дом», *beroemah* – «жить, проживать» (приставка *be-* служит для образования слов со значением действия или состояния от слов со значением предмета); *saja ada di roemah* – «я (есмь) дома» (буквально «в доме» – предлог *di* обозначает место); *saja beroemah di kota* – «я живу в городе»).

§ 83. **Агглютинативные языки.** Агглютинативный тип характеризуется наличием аффиксов как словообразовательного, так и словоизменительного характера, т. е. служащих как для образования новых слов, так и для выражения отношений различного рода. Для агглютинативных языков характерна большая устойчивость корня, который в именительном падеже выступает в чистом виде, а в косвенных падежах, соединяясь с падежными аффиксами, сохраняет свою звуковую форму. Слово оказывается многоморфемным, но границы между отдельными морфемами сохраняются довольно четко, состав слова ясен. Отчетливо выраженная тенденция к сохранению ясных границ между морфемами препятствует возникновению значительных звуковых изменений на стыках морфем. Ясность границ между морфемами и устойчивость форм морфем делает прозрачной структуру слова в агглютинативных языках.

У прилеп отсутствуют варианты. Все морфемы, как корневые, так и аффиксальные, выступают, если не считать изменений, обусловленных чисто фонетическими условиями, в одном и том же виде, т. е. в агглютинативных языках нет того явления, которое принято называть внутренней флексией или чередованием гласных и согласных (об этом явлении см. подробнее ниже). **Агглютинативным языкам свойствен сингармонизм.** В агглютинативных языках морфемы могут подвергаться изменениям, но эти изменения зависят лишь от фонетических условий. Так, например, в некоторых агглютинативных языках (например, в тюркских, в некоторых угро-финских) наблюдаются так называемые явления сингармонизма, состоящие в том, что все гласные в слове должны принадлежать или к переднему, или к непереднему (среднему или заднему) ряду. В таких языках окончания могут иметь двоякую форму – с непередним или с передним гласным – в зависимости от того, какие гласные, непередние или передние, есть в основе слова (ср., например, азербайджанское *qol-lar* – «руки» (им. п. мн. ч.), *ev-lər* – «дома»); но в данном случае различие в форме одного и того же аффикса-окончания зависит от чисто фонетических причин).

Аффиксы, выражающие различные грамматические значения, в агглютинативных языках находятся в однозначном соответствии с их значением. Таким образом, с одной стороны, каждый аффикс выражает одновременно лишь одно грамматическое значение, а с другой –

каждое грамматическое значение выражается всегда одним и тем же аффиксом, в составе какого бы слова он ни выступал. Вследствие этого слово легко расчленяется на составные части и связь между корневой частью и аффиксами (формантами) слабая. Например: равнозначные слов азербайдж. *evlərə* и рус. *домам* имеют форму дат. п. мн. ч. Но азербайдж. *evlərə* включает в себя два аффикса: **-lər-** – аффикс, образующий мн. ч. имен, и **-ə** – аффикс (флексия) дат. п. (ср.: *evə* – «дому», *ev-lərə* – «домам»). В русском слове *домам* выделяется один формант (одна флексия) **-ам**, обозначающий и мн. ч., и дат. п. одновременно. Нельзя утверждать, будто в форманте **-ам** **-а** указывает на мн. ч., а **-м** призван обозначить дат. п.; в ед. ч. дат. п. слово *дом* оканчивается на **-у**: *дом-ам*, но: *дом-у*. Пример из азербайджанского языка иллюстрирует особенности аффиксов (и строя слова) в агглютинативных языках, пример из русского языка – особенности строя слова во флективных языках. В русском языке в форме *рук-а* окончание **-а** выражает одновременно и им. п., и ед. ч., в форме *руки* **-и** одновременно выражает и им. п., и мн. ч., в форме *в руке* **-е** – и ед. ч., и пр. п., в форме *в рук-ах* **-ах** – и мн. ч., и пр. п. Иначе, например, в татарском языке: в форме *qol* им. п. и ед. ч. выражаются нулевым аффиксом, в форме *qol-lar* – «руки» аффикс **-lar** выражает только мн. ч., но не им. п. (им. п., как и для ед. ч., выражается нулевым аффиксом); в форме *qol-da* аффикс **-da** выражает только мест. п., но не ед. ч., которое, как и в им. п., выражается нулевым аффиксом; мест. п. мн. ч. имеет форму *qol-lar-da*, в состав которой входят аффикс **-lar-** (тот же самый, что и для им. п., и для любого другого падежа) и аффикс **-da** (тот же самый, что и для местн. п. ед. ч.), т. е. **-lar-** выражает только мн. ч., но не падеж, **-da** выражает только мест. п., но не какое бы то ни было число (ср. также коми-пермяцкое (коми-зырянский и коми-пермяцкий языки принадлежат к угро-финской семье языков) *ки* – «рука», *ки-ын* – «в руке», *ки-эз* – «руки», *ки-эз-ын* – «в руках»). В русском языке один и тот же падеж одного и того же числа может быть выражен различными окончаниями для разных слов (ср., например, *в стол-е*, но *в степ-и*; этим и объясняется существование в русском языке нескольких (в основном трех) склонений). В агглютинативных языках, если грамматическое значение выражается аффиксом (например, аффикс мест. п. **-да** в татарском языке, **-ын** –

в коми), то оно всегда выражается этим аффиксом, с каким бы словом последний ни сочетался.

Более тесная связь между корнем и аффиксами проявляется в так называемой **фузии** – слиянии аффикса с корнем – во флективных языках. В результате фузии происходит стирание границ между морфемами. Например, в слове *приду* один и тот же звук [и] принадлежит обоим морфемам (при + иду). Слова *друг*, *друг-а*, *друг-у*, *друг-ом* в ед. ч. легко распадаются на основу **друг-** и аффиксы (падежные флексии): **-а**, **-у**, **-ом**. Но во мн. ч. – *друзья* – труднее выделить основу и аффикс: конечный согласный данной основы **-г-** подвергся фонетическому изменению, звуковой состав основы здесь уже не тот, что мы имели в ед. ч. То же можно сказать об основах слов: *побережье* (вместо ожидаемого *поберегье* – *берег*), *человеческий* (вместо ожидаемого *человецеский*), *вражеский* (вместо *врагеский*), *должный* (ср. *долг*), *виж-у* – *вид-ишь*, *пек-у* – *печешь*, *трач-у* – *трат-ишь* и т. д.

Измененные в результате фузии основа и аффиксы теснее сливаются, слово труднее распадается на составные части. Фузия (слияние) более характерна для флективных языков. Аналогичные процессы слабее представлены в агглютинативных языках.

Примером могут служить: тат. *казан* – «котел», у которого мн. ч. не *казан-лар*, как можно было бы ожидать (*-лар* – показатель множественного числа), а *казан-нар*; баш. *ат* – «лошадь» и *ат-тар* «лошади».

Однако в некоторых агглютинативных языках возможны случаи, когда аффикс выражает два значения, например, в нанайском языке: аффикс **-ру** указывает на повелительное наклонение и настоящее время, а аффикс **-хэр(и)** – на повелительное наклонение и будущее время (ср. *бу-ру* – «дай», *бу-ру-су* – «дайте» и *бу-хэри* – «дай потом», *бу-хер-си* – «дайте потом»).

Агглютинативный тип характеризуется также единым типом склонения и спряжения. Иными словами, нет различных склонений и спряжений, но есть единое склонение и единое спряжение. Все это говорит о большей самостоятельности аффиксов по отношению к слову в агглютинативных языках сравнительно с языками такого типа, как русский.

Еще одна особенность агглютинативных языков – меньшая теснота спайки морфем в слове между собой, которая характеризуется

даже фонетически. Несмотря на возможность в известных случаях ассимилятивных процессов, в агглютинативных языках всегда возможно провести строгую границу между морфемами. В них не бывает такого тесного слияния, которое мы наблюдаем, например, в русском языке – ср. *детский* фонетически [децкѣй], где [ц] < *тс* совмещает конец корня и начало суффикса.

Свободное (не тесное) соединение морфем, характерное для агглютинативных языков, в языкознании принято называть **агглютиацией**, т. е. «склеиванием». Как увидим дальше, оно возможно не только в агглютинативных языках, но в последних оно является основным способом сочетания морфем в слове, в языках же флективных оно наблюдается лишь в некоторых случаях.

Аффиксы в агглютинативных языках могут примыкать к корню с различных сторон, т. е. выступать в форме как суффиксов, так и префиксов, но в каждом языке этой группы, мы наблюдаем или явное преобладание, или даже исключительное использование каких-то одних аффиксов. Так, например, в тюркских и угро-финских языках мы находим исключительно суффиксы; напротив, в языках банту (Южная Африка) почти исключительно префиксы (впрочем, там в небольшом количестве возможны и суффиксы).

В результате того что в агглютинативных языках каждый аффикс выражает какое-то одно значение, слова в этих языках, состоящие из корня и целого ряда наслаивающихся друг на друга аффиксов, расположенных обычно по одну сторону корня, часто достигают значительной длины. В качестве примера можно привести глагольную форму из языка суахили (банту) *wa-ta-si-po-ku-ja*, имеющую значение «если они не придут» (отрицательное будущее условное, 3 л. мн. ч.). В этой форме, поскольку грамматические значения в банту выражаются обычно префиксами, корень глагола «приходить» представляет собой лишь последний слог *-ja*. Остальные слоги представляют собой префиксы, которые передают: *wa-* – 3 л. мн. ч. (только если действующее лицо – люди), *-ta-* – буд. вр. (этот префикс передает будущее время и не в условном значении), *-si-* – отрицание, *-po-* – условность, *-ku-* показывает, что данное слово является глаголом.

Поскольку части речи представляют собой грамматические классы слов, характеризующиеся определенными грамматическими категориями, выраженными в структуре слова, то агглютинативные

языки, располагая изменяемыми словами, могут иметь части речи. Однако не все агглютинативные языки их имеют. В некоторых языках, несмотря на наличие форм словоизменения, части речи не разграничены, одно и то же слово может и склоняться (как имя), и спрягаться (как глагол). Так обстоит дело, например, в ненецком языке.

К агглютинативным языкам относятся уральские (финские, угорские, самодийские), алтайские (тюркские, монгольские, тунгусо-маньчжурские), банту и другие семьи и группы языков в Африке, Азии и Америке. Это один из наиболее распространенных и устойчивых типов языков.

Некоторые индоевропейские языки на протяжении своей истории приобрели некоторые особенности языков агглютинативного типа. Так, черты, характерные для агглютинативных языков, мы наблюдаем в современных индийских языках индоевропейской семьи (например, в бенгальском). Но целиком агглютинативными эти языки считать нельзя.

§ 84. Флективные языки. Флективный тип характеризуется возможностью изменения звукового (точнее – фонемного) состава морфем, не зависящего от фонетических условий и служащего для образования новых слов и различных форм данного слова, т. е. так называемой внутренней флексией, или чередованием гласных или согласных в основе слова; возможным отсутствием однозначного соответствия между аффиксом и выражаемым им грамматическим значением; тесной спайкой морфем в слове.

Для флективных языков характерна не только тесная связь с основой, но и так называемая внутренняя флексия (или флексия основы), когда изменяется гласный звук основы и этим способом обозначается грамматическая форма слова.

Внутреннюю флексию, или чередования, имеющие грамматическое значение, можно наблюдать, хотя и в разной степени, в различных флективных языках (ср., например, рус. *избегать* (несов. вид) и *избежать* (сов. вид) – корневая морфема выступает в форме *бег – беж*, т. е. характеризуется чередованием согласных *г – ж*; *ломит* и *разламывает* – корневая морфема выступает в форме *лом – лам*, т. е. характеризуется чередованием гласных *о – а*; англ. *foot* (нога) –

feet (ноги) – корневая морфема характеризуется чередованием *oo* и *ee*; греч. φέρω – «несу» (движение линейное, направленное) и φορέω – «ношу» (движение повторяемое, разнонаправленное) – корневая морфема характеризуется чередованием гласных *ε* – *ο*; араб. *balad* (местность) – мн. ч. *bilad*; *gild* (кожа) – мн. ч. *gulud*. В одних языках внутренняя флексия или чередование, обычно сопровождается и различием в аффиксах, как в русском языке, в других может служить и единственным средством передачи различных грамматических значений, различных форм словоизменения и словообразования, как в английском и арабском.

Примером внутренней флексии (флексии основы) могут служить: нем. *брудер* (*Bruder* – «брат») – мн. ч. *брюдер* (*Brüder* – «братья»); англ. *гуз* (*goos* – «гусь») – мн. ч. *гуз* (*geese* – «гуси»); *фут* (*foot* – «нога»; ср. футбол) – мн. ч. *фут* (*feet* – «ноги»).

Флексия основы в немецком и английском языках встречается далеко не так часто, как в арабском языке, где флексия основы служит основным средством словоизменения. Следует, однако, отметить, что в арабском языке кроме флексии основы используются и аффиксы.

К примеру: *катала* – «он убил», *кутила* – «он был убит»; *дараба* – «он (по)бил», *дуриба* – «он был (по)бит»; *катаба* – «он написал», *кутиба* – «он был написан». Действительный залог (*катала*, *дараба*) и страдательный (*кутила*, *дуриба*) отличаются здесь друг от друга только лишь гласными основы (*a*, *a* – *y*, *u*), согласные те же (*ктл*, *дрб*). Изменение гласных основы для выражения грамматических (морфологических) значений идет так далеко, что арабская грамматика выставляет положение: лексическое (материальное) значение в арабском языке связано с согласными звуками слова, грамматическое (морфологическое) значение выражается гласными звуками слова; таким образом, гласные не входят в состав корня, корни считаются состоящими лишь из согласных.

Каждый аффикс может быть носителем одновременно нескольких грамматических значений. Так, например, в русской форме *ру́ки* окончание *-и* (свойственное флективным языкам) обозначает одновременно и мн. ч., и им. п., точно так же *-а* в форме *дома́* (им. п. мн. ч.). Так же в лат. *lurim* или греч. λύ χον окончания *-m*, *-v* выражают одновременно и вин. п., и ед. ч. С другой стороны, одно и то же грамматическое значение в различных словах может быть выражено по-разному,

различными аффиксами, а также и другими средствами, например чередованием. (ср. рус. *в рук-е* – *в стен-у*, лат. *lup-i* (род. п. от *lup-us*), *rosa-e* (род. п. от *rosa*), *leo-nis* (род. п. от *leo*) и т. д.). На последней особенности флективных языков основано наличие в них (в отличие от агглютинативных языков) нескольких склонений и спряжений. Количество тех и других может варьироваться в разных языках, а также в одном и том же языке в различные периоды его истории. Так, в современном русском языке, если не считать единичные остатки исчезнувших склонений, существует три различных склонения, в древнерусском языке было пять, а возможно, и шесть различных типов склонения, в греческом – три, в латинском – пять и т. д.; в современном русском языке два спряжения, в латинском – четыре и т. д.

Морфемы во флективных языках спаяны в слове теснее, чем в агглютинативных. Об этой большей тесноте их спайки свидетельствует уже рассмотренная выше особенность, а именно употребление различных морфем, служащих для выражения одного и того же грамматического значения. Также во флективных языках отмечается и фонетически более тесное сочетание морфем: здесь в большей степени осуществляются различные фонетические процессы на стыке морфем по сравнению с агглютинативными языками. Эта более тесная спайка морфем в слове носит название **фузия** (от лат. *fusio* – «разлитие»). Этот термин был введен Э. Сепиром, который даже предлагал языки, характеризующиеся такой спайкой, называть не флективными, а **фузионными**. Впрочем, последний термин в языкознании не утвердился.

Аффиксы во флективных языках могут занимать (в одних и тех же языках) различное положение по отношению к корню, т. е. они могут быть представлены и суффиксами (или окончаниями), и префиксами, и (реже и не повсюду) инфиксами, т. е. аффиксами, стоящими внутри корня. Ср. рус. *пис-а-ть*, *пиш-у*, *напис-а-ть*, лат. *ven-i-o*, *in-ven-i-o*; лат. *vic-tor* – «победитель», *vic-tor-ia* – «победа», *vi[n]c-o* – «побеждаю».

Из примеров, рассмотренных выше, становится понятным, почему слабая связь основы и аффиксов названа агглютинацией («склеиванием»), соответствующие же языки – агглютинирующими, или агглютинативными.

Флективным языкам присуща омосемия, т. е. одно и то же грамматическое значение может передаваться различными аффиксами (*стул-ом*, *голов-ой*, *кровать-ю*: аффиксы выражают тв. п.);

Флективными считают индоевропейские (русский, немецкий, латинский, индийский и др.) и семитские (арабский, еврейский и др.) языки, хотя флексия основы играет ведущую роль лишь в семитских языках.

Флективные языки подразделяют на аналитические и синтетические в зависимости от того, какие средства выражения грамматических значений в них преобладают.

Кроме корневых агглютинативных и флективных языков в морфологическую классификацию обычно включают языки полисинтетические («многосоставные», «многообъединяющие»). Так называют языки, в которых в одно сложное целое объединяется все предложение: глагол с субъектом и объектом, с определениями и обстоятельными словами.

АНАЛИТИЧЕСКИЕ И СИНТЕТИЧЕСКИЕ ЯЗЫКИ

В связи с понятием «флективные языки» следует упомянуть о понятиях «синтетические и аналитические языки». Их выделил Август Шлегель из флективных языков (в 1818 г.).

Флективные языки, как уже было сказано, подразделяют на синтетические и аналитические (т. е. флективно-синтетические и флективно-аналитические). Но в одном и том же языке могут быть представлены как синтетические, так и аналитические средства выражения отношений между словами (ср., например, русский язык, где эти отношения выражаются как падежами, так и предлогами). Мы относим язык к синтетическому или аналитическому типу на основании преобладания в нем тех или иных средств, которые в разных языках могут находиться в самых разных отношениях. Так, например, санскрит был синтетическим языком. Несмотря на то что в современном русском языке довольно широко представлены аналитические средства, мы все равно относим его к синтетическим языкам, поскольку синтетические элементы в нем преобладают. В немецком языке меньше падежей, чем в русском, шире употребляются предлоги, но в целом всё же синтетические элементы преобладают. Болгарский язык мы относим к аналитическим, но в нем в небольшом объеме представлены и падежи. Чисто аналитическими языками являются французский и английский, хотя некоторые следы падежей имеются и там (в местоимениях; а в английском языке, кроме того, в так называемом саксонском родительном падеже, выраженном окончанием *-s*).

§ 85. Аналитические языки. Особенность аналитических языков, т. е. «разъединяющих», «разлагающих» (от греч. *αναλυσις* – «разложение, разъединение») состоит в выражении отношений между словами в предложении, точнее в словосочетании, посредством не форм слов, а служебных слов (предлогов) и порядка слов. В аналитических языках совсем нет падежей или же имеются лишь небольшие их следы. (ср. рус. *книга Петра-а*, лат. *liber Petr-i* (синтетические языки) и фр. *le livre de Pierre* (аналитический язык)). Следует иметь в виду, что аналитический строй больше распространяется на имя, вследствие чего, как уже было сказано, в аналитических языках или совсем нет, или почти нет падежей. В глаголе также возможны аналитические формы, т. е. формы, выражающие грамматические значения посредством сочетания в данном случае глагола, имеющего определенное лексическое значение, с формой вспомогательного глагола, играющего роль служебного слова; ср., например, фр. *je suis venu* – «я пришел», англ. *I am sitting* – «я сижу» (в данный момент). Но в глагольной системе и в аналитических языках наряду с такими аналитическими формами имеется обычно большое количество синтетических форм, выражающих различные категории, свойственные глаголу (время, наклонение и т. д.).

Некоторые лингвисты рассматривают разделение языков на синтетические и аналитические как разделение, основанное не на морфологическом, а на синтаксическом признаке, перекрещивающееся с разделением языков по морфологическому признаку на аморфные, агглютинативные и флективные. Эти лингвисты считают также, что разделение на синтетические и аналитические языки должно быть применено также и к агглютинативным языкам. Деление на синтетические и аналитические языки действительно основано на синтаксическом признаке, но, как уже было сказано, оно проявляется очень отчетливо и в морфологической структуре языка, вследствие чего это деление можно принять во внимание и при морфологической классификации языков. Что же касается применения этого подразделения также к агглютинативным языкам, то здесь дело обстоит сложнее. В одних агглютинативных языках мы наблюдаем большое количество падежей: например, в финском – 15, в коми-зырянском – 16, в коми-пермяцком – 17. В других агглютинативных языках падежей значительно меньше, так, например, в татарском языке всего 6 падежей.

В третьих падежах вообще нет, хотя глагол представлен весьма сложными и многообразными формами. Так, нет падежей в меланезийских языках и в банту (в некоторых языках банту, например в суахили, выделяется только особый местный падеж, и то недавнего происхождения). Таким образом, есть основания назвать агглютинативные языки, характеризующиеся большим количеством падежей, синтетическими, языки же, характеризующиеся отсутствием падежей или небольшим их количеством, – аналитическими. И в некоторых случаях (т. е. применительно к некоторым языкам) мы, бесспорно, можем это сделать.

Для аналитических языков характерно употребление местоимений вместо личных аффиксов (для обозначения лиц глагола), а также описательное образование глагольных форм при помощи вспомогательного глагола; употребление предлогов вместо падежных окончаний; использование наречий для передачи степеней сравнения. Словом, аналитический язык прибегает к помощи отдельных слов там, где синтетический язык использует аффиксы (см. таблицу).

Сравнительная таблица синтетического строя русского и латинского языков и аналитического строя французского языка

Основание для сравнения	Язык		
	Русский	Латинский	Французский
1. Грамматические формы существительного	Род. п. – книги	Libr-i	Du livre [дю ливр]
	Дат. п. – книге	Libr-o	Au livre [о ливр]
2. Грамматические формы глагола	Я теряю	Perdo	Je perds [пэр]
	Ты теряешь	Perdis	Tu perds [пэр]
	Он теряет	Perdit	Il perd [пэр]
3. Грамматические формы прилагательного	Длинный, -ая, -ое	Longus, -a, -urn	Long [лон] (жен. Longue [лонг])
4. Сравнительная степень прилагательного	Длиннее	Longior (муж. и жен. родов)	Plus long (longue) [плю лон (лонг)]
5. Превосходная степень прилагательного	Длиннейший, -ая, -ее	Longissimus, -a, -urn	Le plus long (longue) [ль плю лон (лонг)]

Из европейских языков кроме французского аналитический строй характерен для английского.

Аналитического строя не может быть в собственно флективных языках: неправ был Август Шлегель, различавший флективные языки синтетического и аналитического строя.

В зарубежной печати встречаются утверждения, будто аналитический строй языка более ценный и прогрессивный. В большинстве случаев такого мнения придерживаются лица, заинтересованные в распространении влияния английского языка, стремящиеся навязать английский язык иноязычным народам силой. Это почти исключительно носители данного языка – англичане и американцы.

Научного основания это абсолютно лишено: мнение о превосходстве аналитического строя научно так же несостоятельно, как несостоятельно мнение Фридриха Шлегеля о том, что флективные языки вообще по своему строю являются несравненно более ценными, чем агглютинативные языки. И с общественной точки зрения ненаучное мнение о превосходстве аналитических языков совершенно неприемлемо.

К языкам флективного типа относятся, как уже было сказано, языки индоевропейские, семитские и хамитские. Но в полном смысле слова флективными языками являются лишь индоевропейские. Языки семитские и хамитские характеризуются такими особенностями, в результате чего отчасти напоминают агглютинативные языки, вследствие этого академик Ф. Ф. Фортунатов и считал возможным установить особый промежуточный флективно-агглютинативный тип. В этих языках широко развита внутренняя флексия, причем формальную роль (словообразовательную и словоизменительную) играют гласные, согласные же (обычно в количестве трех) представляют корень, который и образует как бы костяк слова: (ср. араб. *kataba* – «он пишет», *katib* – «писец», *kitab* – «книга» (т. е. «то, что написано»): корень – *k-t-b*; *gild* – «кожа», мн. ч. – *gulud*: корень – *g-l-d*; *ragil* – «человек», *rigal* – «люди»: корень – *r-g-l* и т. д.). Сравните также в языке шилх (хамитский язык в Северной Африке) *izbil* – «волос», *izbel* – «волосы»: корень – *z-b-l*. Это сочетание трех согласных выступает в неизменном виде подобно неизменяемой корневой морфеме агглютинативных языков. Впрочем, в семитских и хамитских языках помимо внутренней флексии используются и аффиксы. В языках собственно

флективных мы находим некоторые черты, роднящие их с агглютинативными. Так, например, в русском языке приставки сочетаются с глагольной основой таким же образом, как сочетаются морфемы в агглютинативных языках. Об этом свидетельствует и возможность последовательного наслаивания друг на друга различных приставок при сохранении каждой приставкой своего значения (ср. по-на-тужился, по-вы-толкал и т. д.).

К флективно-аналитическим языкам относится значительная часть современных индоевропейских языков; например, романские (французский, итальянский и др.), английский, из славянских – болгарский.

§ 86. Синтетические языки. Особенность синтетических языков, т. е. «объединяющих» (от греч. *Συνθεσις* – «соединение, объединение»), – выражение отношений между словами посредством форм самих слов. Эти языки характеризуются наличием падежей (поскольку падежи представляют собой формы, служащие для выражения отношений между словами в предложении, точнее в словосочетании, входящем в состав предложения).

К флективно-синтетическим языкам относятся, например, древнеписьменные индоевропейские языки – санскрит, греческий, латинский, старославянский и другие, а также часть современных индоевропейских языков, в частности большинство славянских языков, в том числе и русский.

§ 87. Полисинтетические (инкорпорирующие) языки (от греч. *polysynthesis* – «многочисленное соединение») – это языки, для которых характерна инкорпорация, т. е. предложения, оформленные как слова. Предложение в них строится как единое целое. Слова часто состоят из однофонемных морфем. Нередко глагол-сказуемое включает в себя несколько членов предложения, с которыми он согласуется.

Например, в североамериканском языке чинук предложение может строиться так: *a-m-l-a-eg-am-x* («Ты имел обыкновение брать у нее»), где *a* – показатель прошедшего времени, *m* – ты, *l* – это, *a* – ее (принадлежит ей), *eg* – брать, *am* и *x* – видовые показатели. К полисинтетическим относятся многие языки североамериканских индейцев и некоторые палеоазиатские (например, чукотский) языки.

«Чистых» языков, у которых нет элементов, присущих другим морфологическим типам, не существует. Вот примеры фраз, напоминающих полисинтетические слова: англ. *I've got'er* («Я поймал ее»); фр. *Je vous aime* («я люблю вас»); нем. *Generalstaatsverordnetenversammlungungen* – «Заседание депутатов Генеральных Штатов».

Объединяются морфемы в большом слове полисинтетических языков по принципу агглютинации, но в этих языках возможна и внутренняя флексия.

К полисинтетическим языкам относятся палеоазиатские языки Сибири и большинство языков коренного населения Америки.

Полисинтетические языки характеризуются тем, что словопредложение в них может состояться из глагольного корня, который равнозначен сказуемому, и аффиксов, в которых передаются значения предметов (подлежащих, дополнений), признаков (определений) и обстоятельств. Например, в чукотском языке: *Ярак ны-тке-кен* («В юрте пахнет»), *Ярак ны-чача-ынн-ы-тке-кен* («В юрте-вкусно-рыбо-пахнет»). К полисинтетическим языкам относятся древнеазиатские языки на северо-востоке Сибири.

Таково, к примеру, «слово» из индейского языка пай ют (в штате Юта, США): *виш-то-кучум-пунку-рюгани-югви-ван-тюм(ю)*, что значит: «умеющие сидя разрезать ножом черного бизона»; буквально же: «нож-черный-бизон-ручной-разрезать-сидеть» (мн. ч.) – прич. буд. вр. одуш. мн. ч. В этом примере морфологические элементы обозначают будущее время, причастие, множественное число (одушевленных предметов). Такие языки не лишены аффиксов, но своеобразие полисинтетических языков сводится не к строю отдельного слова. Характерная особенность полисинтетических языков не неизменяемость слов, а своеобразное взаимоотношение слова и предложения: вне предложения нет слов (в нашем понимании), предложения составляют основную единицу речи. Эта единица «многосоставная», в нее «включены» слова. В соответствии с этим языки данного типа называют полисинтетическими (поскольку имеется в виду результат – многосоставный характер «предложения»), или инкорпорирующими (поскольку исходят из процесса включения в «предложение» слов).

Полисинтетический тип языка может быть включен в морфологическую классификацию лишь условно, поскольку особенный харак-

тер взаимоотношений слова и предложения приводит к своеобразному решению проблемы слова, а не строения слова.

Некоторые черты, характерные для полисинтетического строя, мы находим в языках, которые в целом не являются полисинтетическими. Так, некоторые элементы полисинтетизма мы находим во французском языке, который в целом является языком флективно-аналитическим. Во французском языке местоименные показатели, обозначающие объект (прямой или косвенный), вклиниваются в состав глагольной формы (ср. *je-te-le-donne* – «я тебе это даю»). Правда, пишутся все эти местоименные показатели (включая местоименный показатель 1 л. ед. ч., обозначающий действующее лицо) отдельно, но это условность орфографии. Местоимение в конкретной форме возможно только в сочетании с глагольной формой; оно является по существу глагольным префиксом (самостоятельно употребленное местоимение имеет форму *moi*). Поэтому и вставляемые между ним и глагольной основой формы *te*, *le* являются частями глагольной формы. Известные элементы полисинтетизма мы находим и в языках банту, которые в целом являются агглютинативными. Там тоже возможно включение местоименных показателей, обозначающих объекты различного характера, в глагольную форму (ср., например, в суахили: *ni-na-mw-ona* – «я его вижу») (*ni* – показатель 1 л. ед. ч., *-na-* – префикс настоящего времени, *-mw-* – местоименно-объектный показатель класса людей, *-ona* – «видеть»).

§ 88. Различные толкования морфологических типов. Основы морфологической классификации были заложены в работе **Фридриха Шлегеля** «О языке и мудрости индусов» в 1808 г., еще до возникновения сравнительно-исторического языкознания. В разработке морфологической классификации в дальнейшем принимали участие **Август Шлегель** и Вильгельм Гумбольдт, но ни тот, ни другой не придерживались точки зрения историко-сравнительного языкознания.

Большой интерес представляет попытка представителя историко-сравнительного языкознания **Августа Шлейхера** истолковать морфологическую классификацию языков с исторической точки зрения.

Шлейхер исходил из трехчленной классификации, различая языки **корневые, агглютинативные и флективные**. В этих трех морфологических типах Шлейхер видел воплощение трех ступеней развития: в корневых языках представлена древнейшая ступень, в агглютинативных – последующая, а во флективных – новейшая. С точки зрения Шлейхера, образование всех трех типов языков происходило в доисторический период; вступив в исторический период, языки якобы перестали развиваться и начали разлагаться.

В основе такого понимания Шлейхера лежит следующая логическая схема: в языке мы имеем выражение мысли; в мысли же даны понятия (представления) и отношения между ними; понятие выражено в значении слова, представленном в основе слова; отношение выражено аффиксами. Отдельно могут существовать основы как носители значения. Возможен язык, состоящий из одних основ, но не может быть языка, состоящего из одних аффиксов. Следовательно, развитие начинается с корневых языков, флективными же оно заканчивается.

Аффиксы, насколько известно из истории языков, происходят из самостоятельных слов (основ). Следовательно, до возникновения аффиксов язык располагал одними лишь словами-основами. Поэтому положение Шлейхера о древности корневого типа не вызывает возражений. Неверно только, когда этот древний тип видят в китайском языке: древнекитайский не был лишен аффиксов (он был языком агглютинативным); если в современном китайском языке не имеется аффиксов (словоизменения), то это результат долгого развития, но отнюдь не начало развития.

Далее: нельзя последнюю и, стало быть, высшую ступень развития видеть во флективных языках (в отличие от агглютинативных); флективные языки нельзя противопоставлять агглютинативным; принципиальной разницы между ними нет, трудно даже их разграничить.

В 60 гг. XX в. английский филолог Макс Мюллер попытался дать **социологическую интерпретацию** морфологическим типам. Согласно мнению Макса Мюллера, различные морфологические типы характерны для различного общественного строя: корневой тип соответствует «семейной» ступени развития, агглютинативный тип – кочевому образу жизни, флективность же отображает «политическую» ступень, т. е. ту ступень, когда появляется государство.

Социологизм Макса Мюллера примитивен и вульгарен по своей сути. К тому же он резко расходится с общеизвестными фактами: на агглютинативных языках говорят многие народы, ведущие оседлый образ жизни и имевшие государственный строй две тысячи лет назад. Рассматривая флективный тип как высшую ступень развития, Макс Мюллер допускает ту же принципиальную ошибку, что и Август Шлейхер.

§ 89. К оценке значения морфологической классификации языков. Морфологическая классификация языков имеет два существенных недостатка. Во-первых, она охватывает далеко не всё разнообразие строя языков, ограничиваясь лишь более известными и резко расходящимися структурными типами; следовательно, как классификация она является неполной. Во-вторых, выделенные морфологические типы трудно разграничить: в агглютинативных типах попадаются элементы флективности и наоборот: во флективных языках не исключены явления агглютинативного порядка. К тому же в корневых языках используются частицы, которые могут переходить в аффиксы (во всяком случае, в словообразовательные аффиксы).

Выше было отмечено, к каким научно несостоятельным и общественно неприемлемым воззрениям приводит противопоставление морфологических типов: агглютинативных и флективных, синтетических и аналитических.

Наконец, следует отметить, что морфологическая классификация была разработана то время, когда еще не было историко-сравнительного языкознания; органически она не связана с языкознанием как с исторической наукой.

Все это говорит против научности морфологической классификации, однако она все-таки не лишена определенного познавательного значения. В этом отношении следует учесть два обстоятельства. Если мы знаем морфологический тип языка, мы можем предугадать, каковы будут строй и отраслевой состав грамматики данного языка. Изучая грамматический строй агглютинативных и флективных языков, мы, естественно, уделяем большое внимание морфологии. Но грамматика корневого языка не нуждается в морфологии: ключевую роль здесь играет синтаксис. Таким образом, определение морфоло-

гического типа языка имеет значение для построения **описательной научной грамматики** этого языка.

Допустим, мы изучаем язык агглютинативного типа и в нем попадают явления, не свойственные данному типу. В агглютинативном типе отдельное грамматическое значение передается отдельным аффиксом и у каждого аффикса есть одна определенная функция. В нарушение этого принципа попадают отдельные аффиксы, имеющие две функции, а в других случаях – по два аффикса (например, префикс и суффикс) с одним грамматическим значением (а не двумя).

Например: в агглютинативном грузинском языке суффикс **-эн** (*аиэнэбэн* – «строят они то») обозначает 3-е л. и мн. ч. (один суффикс – две функции). В том же языке два аффикса выполняют одну функцию: *мо-надир-э* – «охотник» (от *надир* – «дичь»), *са-бурв-эл* – **покрывало** (то, чем покрывают, – прич. буд. врем. страд. залога). В обоих случаях (*мо-* – *-э* и *са-* – *-эл*) два аффикса выступают с одной функцией.

В языке агглютинативного типа не должно быть таких явлений; принцип агглютинации заставляет думать, что здесь присутствует вторичное явление. И действительно, обращение к истории языка подтверждает это предположение. Суффикс **-эн** в грузинском языке вначале обозначал лишь множественное число, показателем лица он стал потому, что другого показателя в 3-м лице не было, а во 2-м и 1-м лице были личные показатели (флексии).

Равным образом аффиксы *мо-* – *-э*, *са-* – *-эл* сначала имели самостоятельную функцию, а именно: суффикс *-эл* (*-э*) служил детерминативом основы, а префиксы же *мо-*, *са-* были показателями категорий грамматических классов (*мо-* – грамматической категории человека, *са-* – категории вещи). В дальнейшем категории грамматических классов отпали, а аффиксы остались с некоторым изменением функции, выполняемой совместно с другим аффиксом (в большинстве же случаев аналогичные аффиксы исчезли или срослись с основой).

Таким образом, определение морфологического типа изучаемого языка может помочь разобраться в истории явления.

Следовательно, морфологическая классификация при всех ее недостатках имеет определенное значение как для разработки описательной грамматики, так и для изучения исторической грамматики соответствующего языка.

§ 90. Значение морфологической классификации языков, ее недостатки. Другие попытки типологической классификации языков.

Основная ценность морфологической классификации языков состоит в том, что она дает представление о структуре языка. Однако некоторые считают, что представление это одностороннее, так как в основу системы положен один признак – строение слова, способ соединения морфем. Это верно только отчасти. Структурный характер языка проявляется во взаимосвязи всех звеньев его частных систем. Конкретная структура языка, очевидно, не относится безразлично к способу соединения морфем. Если сочетаемость различных способов соединения морфем в одном языке может объясняться способностью к свободному развитию этих способов, то наличие в языке одного определяющего способа всецело зависит от данной языковой структуры. Таким образом, выделение ведущего способа соединения морфем, по которому определяется морфологический тип языка, оказывается важным для понимания особенностей структуры языка.

Наряду со стремлением уточнить, улучшить морфологическую классификацию осуществлялись попытки заменить ее другой, построенной на иных основах. Уже в выделении полисинтетических языков вводится элемент нового подхода, учитывающий не только строение слова, но и строение предложения. Некоторые ученые предлагали в основу деления положить способы выражения грамматических значений и строение предложения и разделить все языки на аналитические, синтетические и полисинтетические. Однако и эта классификация не раскрывает всей сложности структуры языка; кроме того, большинство языков не может быть безоговорочно отнесено к аналитическим или синтетическим.

Оригинальный вариант типологической классификации языков предложил американский лингвист Э. Сепир. В основу своей классификации он положил наличие и особенности выражения различных понятий в языке. Сепир выделил четыре основных типа понятий:

- **корневые** (конкретные, основные) – названия предметов, качеств;
- **деривационные** – обозначение действующего лица, уменьшительность и т. п.;

– **конкретно-реляционные** (смешанно-реляционные) – понятия, выраженные в самих словах совместно с лексическим значением (род, число, время и т. п.);

– **чисто реляционные** (чисто абстрактные) – понятия, выраженные вне слова, связанные только с передачей отношений между словами.

§ 91. К вопросу об изменчивости морфологического типа. Изменчив ли морфологический тип? На этот вопрос следует ответить положительно. Изменчивость морфологического типа вытекает из общего положения о том, что язык – историческая категория, что все звенья языковой системы, в частности грамматический строй, изменяются, хотя и очень медленно. Изменчивость морфологического типа неизбежно вытекает из положения о том, что аффиксов (формантов) сначала не было, они возникли из вспомогательных слов, из самостоятельных основ.

Изменчивость морфологического типа подтверждается конкретными данными из истории отдельных языков. Так, например, документально установлено, что китайский язык в древности не был так близок к корневому типу, как теперь; в китайских словах имелись аффиксы. К корневому типу китайский стал близок в результате долгого развития. Английский язык еще не стал корневым, но очень сильно продвинулся в этом направлении за последние десять столетий.

С другой стороны, как говорили в Италии две тысячи лет тому назад, во времена Цезаря, на флективном (латинском) языке, так и ныне говорят на флективном (итальянском) языке. На основе латинского языка сформировался новый, итальянский язык, но морфологический тип остался тот же.

Морфологический тип изменяется исключительно медленно, даже медленнее, чем грамматический строй.

Вопросы для самоконтроля

1. Чем типологический метод отличается от сравнительно-исторического?
2. По каким признакам определяют морфологический тип языка?

3. На чем основывается морфологическая классификация языков? Назовите основные типы языков, выделяемые в рамках этой классификации.

4. Укажите и проиллюстрируйте примерами грамматические признаки языков изолирующего типа. Какие языки относятся к этому типу?

5. Каковы основные грамматические признаки языков аффиксирующего типа?

6. Охарактеризуйте и покажите на примерах различия между агглютинирующими и флективными языками. Назовите языки, принадлежащие к агглютинирующему и флективному подтипам аффиксирующего типа.

7. В чем заключается различие между флективными языками синтетического и аналитического строя?

8. Охарактеризуйте грамматические признаки полисинтетических языков.

9. Какие языки относятся к полисинтетическому типу? Назовите их.

10. Проиллюстрируйте примерами положение об исторической изменчивости грамматического типа языка.

Практические задания

1. Охарактеризуйте с типологической точки зрения русский и изучаемый вами иностранный язык. Выделите общие типологические черты этих языков в области морфологии и синтаксиса.

2. Укажите, в чем заключается принципиальное различие между изолирующими и аффиксирующими языками:

кит.: *хао жень* (хороший человек), *сию хао* (делать добро), *дэно хао* (старая дружба), *жень хао во* (человек любит меня), *гун-жень* = работа + человек (рабочий), *шанжень* = торговля + человек (торговец);

азерб.: *ат* (лошадь), *атлар* (лошади), *атда* (на лошади), *атларда* (на лошадях); *ев* (дом), *евлар* (дома), *евларин* (твои дома), *евларинизда* (в ваших домах);

рус.: *сестра читает письмо подруге, сестра читает письмо подруги, сестре читает письмо подруга;*

3. Объясните сущность процессов агглютинации в приведенных примерах: *биться, тотчас, нельзя, вдруг, впереди, нелепый, пиши – пишите – пишите-ка.*

4. Определите случаи фузии, агглютинации, инкорпорирования и аморфности:

рус.: *землеройка, по-прежнему, богатырский, самоотвод, бесполезный, автоколонна, быстро, приходили, удивляться, чужестранец, очень, пересекаться, дальновидный;*

англ.: *the meetings, slowly, speaks, pay-as-you-go-bar;*

нем.: *singe, machte, des Mannens, gebracht, Schlafzimmer;*

фр.: *les enfants, arc-en-ciel, merchant, je vvais, lentamente.*

5. Используя морфологическую классификацию языков, соотнесите следующие языки с определенным языковым типом: турецкий, японский, латинский, санскрит, венгерский, арабский, болгарский, татарский, испанский, английский, немецкий, польский, французский, китайский, монгольский.

Рекомендуемая литература

1. Вендина, Т. И. Введение в языкознание : учеб. пособие для пед. вузов / Т. И. Вендина. – М. : Высш. шк., 2001. – 288 с. – ISBN 5-06-003700-2. (Гл. 9.)

2. Гируцкий, А. А. Введение в языкознание : учеб. пособие / А. А. Гируцкий. – 2-е изд., стер. – Минск : ТетраСистемс, 2003. – 288 с. – ISBN 985-470-090-9. (Гл. IX.)

3. Головин, Б. Н. Введение в языкознание : учеб. пособие для филол. специальностей ун-тов и пед. ин-тов / Б. Н. Головин. – 3-е изд., испр. – М. : Высш. шк., 1977. – 311 с. (Гл. XIV.)

4. Камчатнов, А. М. Введение в языкознание : учеб. пособие для филол. фак. ун-тов и пед. вузов / А. М. Камчатнов, Н. А. Николина. – М. : Флинта : Наука, 1999. – 232 с. – ISBN 5-89349-149-1. (Гл. 5, 7.)

5. Маслов, Ю. С. Введение в языкознание : учеб. для филол. специальностей вузов / Ю. С. Маслов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Высш. шк., 1987. – 272 с. (Гл. VI.)

6. Немченко, В. М. Введение в языкознание : учеб. для вузов / В. М. Немченко. – М. : Дрофа, 2008. – 703 с. – ISBN 978-5-358-01193-9. (Гл. 6.)

7. Норман, Б. Ю. Теория языка. Вводный курс : учеб. пособие / Б. Ю. Норман. – М. : Флинта : Наука, 2003. – 296 с. – ISBN 5-89349-498-9 (Флинта). (§ 36.)

8. Кодухов, В. И. Введение в языкознание : учеб. для студентов пед. ин-тов по специальности № 2101 «Рус. яз и лит.» / В. И. Кодухов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Просвещение, 1987. – 288 с. (Гл. X – XI.)

9. Реформатский, А. А. Введение в языковедение / А. А. Реформатский ; под ред. В. А. Виноградова. – М. : Аспект Пресс, 1996. – 536 с. – ISBN 5-7567-0046-3. (Гл. VI.)

10. Шайкевич, А. Я. Введение в лингвистику : учеб. пособие / А. Я. Шайкевич. – М. : Изд-во Рос. открытого ун-та, 1995. – 304 с. – ISBN 5-204-00065-8. (§ 45, гл. VI.)

Раздел III. ИНЫЕ КЛАССИФИКАЦИИ ЯЗЫКОВ

Классификация – это система распределения каких-либо однородных предметов или понятий по классам по определенным общим признакам. Этот признак и образует принцип классификации (*principium divisionis*). Наиболее разработанными и признанными являются две классификации языков – генеалогическая и типологическая (или морфологическая). Со второй половины XX в. повысился интерес к возможностям других классификаций языков мира: признание получили **ареальная** (по сходству языков на основе контактирования; выделяют языковые союзы, ареалы, зоны) и **функциональная** (по степени распространения и статусу в социуме; выделяют мировые, национальные (государственные), региональные и местные языки) **классификации языков**.

§ 92. Ареальная (географическая) классификация. Особое место среди существующих классификаций языков занимает ареальная классификация, которую иногда называют также географической, поскольку она учитывает территориальное (географическое) расположение носителей классифицируемых языков.

Ареальная (географическая) классификация «заключается в изучении языковой картины мира, языковой характеристики разных стран, а также распространения отдельных языков или групп языков» [13, с. 248].

Ареальной классификацией языков называют их деление на определенные классы на основании общих признаков, которые возникают у них в результате длительных контактов народов, говорящих на этих языках. Отличительная особенность ареальной классификации языков в том, что она распространяется не на все языки мира, а лишь на языки отдельных регионов, или ареалов, в то время как **генеалогическая и типологическая классификации** охватывают (или стремятся охватить) все языки мира. Объединения языков, выделяемые при ареальной классификации, всегда располагаются «в пределах единого географического пространства», т. е. занимают смежные территории, в то время как разные группы языков, различаемые при генеалогической и типологической классификациях, могут быть терри-

ториально разделены, отделены друг от друга территориями распространения языков иных типов.

Цель ареальной классификации – определить ареал отдельных языков или групп языков с учетом границ их языковых особенностей, а также дать языковую характеристику разных стран, изучить языковую картину мира. Эта классификация может быть применима к идиомам (обобщающий термин для естественно-языковой знаковой системы; объединяет понятия языка, диалекта, говора, социолекта и др.) внутри генеалогической классификации, к языкам разной генетической принадлежности и в рамках одного языка – к его диалектам.

Базовая единица данной классификации – языковые союзы. Языковой союз – это ареально-историческая общность языков со сходными признаками, приобретенными в результате длительного и интенсивного контактирования на едином географическом пространстве. Понятие языкового союза впервые сформулировал Н. С. Трубецкой в статье «Вавилонская башня и смешение языков» (1923).

К факторам, влияющим на образование языковых союзов, относятся: общность территории, культурная общность народов, сходство структурных признаков на разных уровнях (фонетическом, морфологическом, синтаксическом), общая лексика (общий материальный фонд).

Однако следует отметить, что, хотя языки всегда находятся в окружении других языков, языковой союз возникает достаточно редко, т. е. один фактор «общность территории» совсем не предусматривает образование языкового союза.

§ 93. Основная проблема при выделении языковых союзов. Необходимые признаки выделения языковых союзов. В лингвистической литературе описаны (в разной степени) следующие языковые союзы.

1. Балканский языковой союз: болгарский, македонский, сербский, хорватский, румынский, греческий, албанский языки (видно, что языковые союзы могут образовывать как родственные, так и неродственные языки).

Общие свойства (балканизмы): сходство фонологических систем (например, экспираторное (выдыхательное) ударение, когда ударные слоги произносятся громче других); постпозиция артикля (*момчето*

момичета, моята къща); аналитизм склонения; совпадение родительного и дательного падежей (*Дадох книгата на Цветана* (Я отдал книгу Цветане); *Книгата е на Цветана* (Книга о Цветане)); образование числительных от 11 до 19 по славянской модели, б) утрата инфинитива; аналитизм форм прошедшего и будущего времени (*ще видя*); обширный фонд общей лексики.

2. Централно-азиатский (Гималайский) языковой союз: языки иранской и индийской групп индоевропейской семьи, языки дравидийской и китайско-тибетской семей. Общие свойства: музыкальное ударение, усложненный консонантизм, двадцатеричная система счета, эргативные конструкции и т. д.

3. Поволжский (Волго-Камский) языковой союз: финно-угорские (марийский, удмуртский), тюркские языки (башкирский, татарский, чувашский). Общие свойства: способы построения прямой речи, сходство в системе времен, в образовании сослагательного наклонения, редукция гласных.

4. Среднеевропейский языковой союз: чешский, польский, французский, английский, немецкий языки. Общие свойства: фиксация ударения, аналитические формы прошедшего времени по модели «иметь + причастие прошедшего времени».

5. Евразийский языковой союз (признают не все лингвисты): русский, польский, белорусский, румынский, гагаузский, караимский языки. Общие свойства: оппозиция мягких и твердых согласных, монотоническое ударение, развитое склонение.

6. Урало-алтайский языковой союз: многие финно-угорские, тюркские, монгольские, маньчжурские (турецкий, венгерский, монгольский, маньчжурский) языки. Общие свойства: послелого, порядок слов.

7. Кавказский языковой союз. Внутри кавказских языков общепризнанно выделяют три группы: картвельскую (южную), абхазо-адыгскую (северо-западную), нахско-дагестанскую (северо-восточную).

8. Альпийский языковой союз: (ретороманский язык + диалекты немецкого языка: баварский, швабский). Общие свойства (по Г. Зайлеру, 2004): глагол «приходить» как вспомогательный для форм будущего времени и пассива: *die Brücke kommt gebaut* (Мост строится (нем.)); дательный падеж только с предлогом: *gib's an / in der Mutter*

(Дай это маме (нем.)); удвоение личных местоимений (полная + сокращенная формы): *é la la cánta* (Она она поет (ретором.)).

§ 94. Лингвистическая значимость ареальной классификации. Живущие по соседству народы и их языки все-таки чаще бывают, чем не бывают, связанными и по происхождению. Например, на основании данных исторической географии и исторической этнологии предполагается родство всех или почти всех австралийских языков, хотя строгого доказательства такого родства методами лингвистической реконструкции не существует; аналогично обстоит дело с многочисленными аборигенными языками Америки.

Не родственные или, во всяком случае, не близкородственные языки живущих по соседству и тесно контактирующих народов часто приобретают общие черты в силу конвергентного развития. Например, в некоторых географических областях все или многие языки обнаруживают сходство фонологических систем. Так, в Европе большинство языков проводят различие между главным (основным) ударением и одним или более второстепенными ударениями и почти все отличают глухие смычные (типа *p, t, k*) от звонких (типа *b, d, g*). На западе Европы как романские, так и германские языки развили глагольные словосочетания со вспомогательными глаголами (*have gone, is done* и т. п.).

Примечания: современная и историческая лингвистическая карта языков мира (синхронический и диахронический аспекты классификации) имеют в ареальной классификации языков существенные различия, так как многие образованные на одной территории языки под влиянием исторических обстоятельств распространились в регионах, существенно удаленных от области формирования.

§ 95. Функциональная (социолингвистическая) классификация учитывает: «1) связь языка с этнической общностью, которой он принадлежит; 2) функции, которые язык выполняет в обществе; 3) распространение языка за пределами этнической области» [13, с. 249].

По связи языка с этнической общностью выделяют три основных социальных типа языка: **племенной язык, язык народности, национальный язык**. Строй племенного языка сохраняется в языке народности; основные языковые явления переходят через язык народ-

ности в язык нации. Таким образом, в развитии племенных языков, языков народностей и национальных языков наблюдается преемственность. Социальный тип языка определяется социальной общностью людей. Предмет функциональной типологии языков составляют сходства и различия между языками в объеме их общественных функций и сфер употребления, а также в социальных оценках языков людьми, их статуса в социуме.

Социолингвистические параметры отдельного языка определяются объемом и структурой коммуникации, осуществляемой на основе данного языка. Объем и структура коммуникации зависят от следующих показателей (допускающих количественную оценку): 1) количества людей, говорящих на данном языке; 2) количества этносов, говорящих на этом языке; 3) количества стран, в которых используется язык; 4) состава общественных функций и социальных сфер, в которых используется язык (в каждой из стран).

В зависимости от функций языков в межгосударственном и межэтническом общении выделяют следующие коммуникативные ранги языков.

1. Мировые – языки межэтнического и межгосударственного общения, имеющие статус официальных рабочих языков ООН: английский, арабский, испанский, китайский, русский, французский языки. Они выступают в качестве рабочих языков во многих международных организациях, на многих международных конгрессах, съездах и совещаниях.

2. Международные – широко используются в международном и межэтническом общении и являются государственными в нескольких странах, однако не имеют статуса языка ООН. Примеры: индонезийский язык в странах Малайского архипелага (Индонезия, Малайзия, Филиппины); суахили (официальный, наряду с английским, язык Танзании, Кении, Уганды, распространен также в Заире и Мозамбике); суахили называют «лингва франка Восточной и Центральной Африки»: на нем говорят 35 – 50 млн человек, хотя родным и основным языком он является всего для 2 – 3 млн говорящих; португальский язык; вьетнамский язык – официальный язык Вьетнама, родной (основной) для 51 млн чел. из 57 млн всего населения страны; распространен в Камбодже, Лаосе, Таиланде, Новой Каледонии, а также во Франции и США; немецкий и др.

3. **Национальные (государственные)** – имеют юридический статус государственного или официального языка или фактически выполняют функции основного языка межэтнического общения в неодноязычном социуме. Пример: хинди и близкий к нему урду в Индии; тайский (сиамский) язык – официальный язык Таиланда, являющийся родным для 26 млн чел, при том что население страны составляет около 50 млн чел.; грузинский язык в Грузии – государственный язык в стране, где также употребляют осетинский, абхазский, мегрельский, лазский, сванский, русский, армянский, азербайджанский языки; литовский язык в Литве и т. д. Примерно таков же коммуникативный ранг основного языка в относительно мононациональных государствах (японского, польского, венгерского и других языков).

4. **Региональные** – языки межэтнического общения, как правило, письменные, но не имеющие статуса официального или государственного: тибетский в тибетском автономном районе КНР.

5. **Местные** – как правило, бесписьменные языки устного неофициального общения внутри этнических групп в полиэтнических социумах: чероки (язык индейцев в США), аранта (Австралия).

Кроме того, различают следующие виды языков в социуме: по коммуникативно-функциональному статусу языка – государственный, официальный (разницу между ними часто определяет само государство в своей конституции; эксперты ЮНЕСКО предложили разграничить понятия «государственный язык» и «официальный язык»).

6. **Государственный язык** – язык, выполняющий интеграционную функцию в рамках данного государства в политической, социальной и культурной сферах, выступающий в качестве символа данного государства.

7. **Официальный язык** – язык государственного управления, законодательства, судопроизводства; культовые (или ритуальные) языки, в том числе апостольские (на них написаны тексты религиозного содержания; при этом апостольские языки были первыми культовыми (ритуальными) языками, т. е. языками, которые использовали в богослужении). В силу неконвенционального восприятия знака такие языки нередко сакрализировали: санскрит, древнееврейский, старославянский; затем древнегреческий, латынь, классический арабский.

8. Разговорно-обиходный язык. Койне – функциональный тип языка, используемый в качестве основного средства повседневного общения с широким диапазоном коммуникативных сфер в условиях регулярных социальных контактов между носителями разных диалектов или языков. Койне чаще всего складывается на базе диалектов одного языка или на базе близкородственных языков. Пример – язык хиндустани в Индии и Пакистане, представляющий собой усредненную норму для языков хинди и урду; лингва франка – язык или диалект, систематически используемый для коммуникации между людьми, родными языками которых являются другие языки (русский в постсоветском пространстве, суахили в Африке и пр.).

§ 96. Классические языки – языки, которые обладают следующими характерными чертами: 1) на этом языке создан (написан или переведен) корпус текстов, сохраняющих в данной традиции максимально высокую социально-культурную ценность. Это могут быть как светские тексты (например, античная греко-римская литература), так и религиозные (Коран); 2) этот язык в силу ценности написанных на нем текстов и престижности культурной (или культурно-религиозной) традиции, связанной с данными текстами, вышел за пределы первоначального этнического коллектива и приобрел надэтнический характер; 3) на этом языке больше не создается новых произведений, т. е. корпус классических текстов в «настоящее время» (например, с концом греко-римской литературной традиции или после сложения религиозного канона) является закрытым; в этом смысле классические языки – это мертвые языки.

В отличие от тех мертвых языков, которые изучают исключительно в исследовательских целях (например, тохарские языки), классические языки являются предметом не только исследования, но и в той или иной мере преподавания (школьного и/или вузовского). Именно преподавание **латинского и древнегреческого языков** сохраняет традицию классической филологии в культуре. Преподавание означает, что в обществе есть учителя и ученики, уроки и учебники классического языка и что идет передача знания, т. е. нужны новые издания, комментарии, переводы классических текстов по степени стандартизации.

Вопросы для самоконтроля

1. Чем определяется степень распространенности языка? Назовите наиболее распространенные языки мира.
2. В чем специфика языков родоплеменного строя?
3. Укажите характерные особенности национальных языков.
4. Какие языки называют мертвыми? Что дает изучение мертвых языков? Какие мертвые языки вам известны?
5. Укажите характерные особенности национальных языков.
6. Что такое литературный язык?
7. Что такое международные языки и каковы причины их выделения? Назовите языки, выступающие в этой функции.
8. Что такое искусственные международные языки? Какой из них получил признание и относительно широкое распространение?
9. В чем лингвистическая значимость ареальной классификации языков?

ТЕСТОВЫЕ ЗАДАНИЯ

К заданиям прилагаются три варианта ответа, из которых правильным является лишь один.

1. Ф. Шлегель выделил два типа языков:

- а) изолирующие и агглютинативные;
- б) флективные и аффиксальные;
- в) синтетические и аналитические.

2. Два типа языков Ф. Шлегель выделял на основе:

- а) различия между значением и отношением;
- б) противопоставления корней и флексий;
- в) наличия или отсутствия изменения в корне.

3. Ф. Шлегель считал, что:

- а) язык рождается и остается в том же самом типе;
- б) язык с течением времени переходит из типа в тип;
- в) языки в зависимости от структуры или остаются в том же типе, или переходят в другой тип.

4. Брат Ф. Шлегеля – Август Вильгельм Шлегель – добавил к двум типам языков, выделенных братом, третий, который он назвал:

- а) агглютинативным;
- б) аморфным;
- в) полисинтетическим.

5. Выделение языкознания в особую науку произошло:

- а) в первой четверти XIX в.;
- б) в конце XVIII в.;
- в) в XVII в.

6. Следствием приложения сравнительно-исторического метода к европейским языкам было рождение:

- а) тюркологии;
- б) индоевропеистики;
- в) русистики.

7. Долгое время считалось, что источником, из которого позднее развились другие индоевропейские языки, был:

- а) латинский язык;
- б) литовский язык;
- в) санскрит.

8. Основоположниками сравнительно-исторического метода были:

- а) Ф. Бопп, Р. Раск, А. Х. Востоков, Я. Гримм;
- б) Ф. де Соссюр, Ф. Бопп, Ф. И. Буслаев, Я. Гримм;
- в) Ф. Бопп, Р. Раск, В. Вундт, А. Шлейхер.

9. Годом рождения сравнительно-исторического метода считают:

- а) 1818-й;
- б) 1816-й;
- в) 1916-й.

10. Объектом изучения у Ф. Боппа была:

- а) система наклонения;
- б) система спряжения;
- в) система склонения.

11. Ф. Бопп создал:

- а) теорию агглютинации;
- б) теорию инкорпорации;
- в) теорию аналогии.

12. Ф. Бопп создал:

- а) сравнительно-историческую фонетику;
- б) сравнительно-исторический синтаксис;
- в) сравнительно-историческую морфологию.

13. Своей основной задачей Ф. Бопп считал:

- а) открытие закона сингармонизма гласных;
- б) создание теории агглютинации;
- в) открытие языка-первоисточника.

14. Объектом изучения Р. Раска являлись:

- а) скандинавские языки;
- б) славянские языки;
- в) германские языки.

15. Своей основной задачей Р. Раск считал:

- а) открытие языка-первоисточника;
- б) установление происхождения исландского языка;
- в) установление родства германских языков.

16. Р. Раск занимался преимущественно:

- а) фонетикой;
- б) синтаксисом;
- в) лексикологией и этимологией.

17. Р. Раск выработал методику:

- а) лексико-семантического анализа;
- б) фонетического анализа;
- в) синтаксического анализа.

18. Объектом исследования у Я. Гримма были:

- а) скандинавские языки;
- б) славянские языки;
- в) германские языки.

19. Я. Гримм провозгласил девиз:

- а) «Наш язык – также наша история»;
- б) «Наш язык – также наша культура»;
- в) «Наш язык – также наше мышление».

20. Я. Гримм доказал и обосновал:

- а) теорию агглютинации;
- б) закон передвижения согласных;
- в) закон сингармонизма.

21. Я. Гримм рассматривал происхождение языков. Его теория предвосхитила:

- а) логическое направление;
- б) психологическое направление;
- в) натуралистическое направление.

22. Объектом исследования А. Х. Востокова были:

- а) восточнославянские языки;
- б) западнославянские языки;
- в) южнославянские языки.

23. А. Х. Востоков внес большой вклад в изучение:

- а) синтаксиса славянских языков;
- б) фонетики славянских языков;
- в) этимологии славянских языков.

24. А. Х. Востоков считал, что:

- а) праславянский язык нельзя отождествлять с церковнославянским языком;
- б) праславянский язык можно отождествлять с церковнославянским языком;
- в) праславянского языка не существовало.

25. При употреблении лексического материала с целью установления языкового родства А. Х. Востоков призывал различать два типа слов:

- а) прямые и переносные;
- б) первоклассные и второклассные;
- в) первичные и вторичные.

26. К первичным А. Х. Востоков относил слова, обозначающие:

- а) части тела, родственные связи;
- б) названия орудий, ремесел;
- в) названия искусств.

27. Ко вторичным А. Х. Востоков относил слова, обозначающие:

- а) части тела, родственные связи;
- б) названия главных объектов окружающей природы и их качества;
- в) названия орудий, ремесел; названия искусств.

28. А. Х. Востоков считал, что важную роль при установлении языкового родства играет наличие звуковых соответствий:

- а) в первоклассных словах;
- б) во второклассных словах;
- в) как в первоклассных словах, так и во второклассных словах.

29. Заслугами А. Х. Востокова считают:

- а) разгадку «тайны юсов», создание периодизации истории старославянского языка;
- б) реконструкцию славянского праязыка;
- в) создание орфографических норм русского языка.

30. Вслед за А. Х. Востоковым сравнительно-историческим изучением славянских языков занимались:

- а) И. И. Срезневский, Ф. И. Буслаев;
- б) И. И. Срезневский, М. В. Ломоносов;
- в) Й. Домбровский, Ф. Миклошич.

31. В своих работах И. И. Срезневский:

- а) подчеркивал тесную связь между языком и говорящим на нем народом;
- б) отмечал, что существует некоторая связь между языком и говорящим на нем народом;
- в) отрицал взаимосвязь между языком и говорящим на нем народом.

32. Рассматривая эволюцию языков, И. И. Срезневский считал, что необходимо принимать во внимание:

- а) только внешние обстоятельства развития языков;
- б) только внутренние обстоятельства развития языков;
- в) как внешние, так и внутренние обстоятельства развития языков.

33. И. И. Срезневский поставил вопрос:

- а) о включении славистики в общую сферу индоевропейского языкознания;
- б) исключении славистики из общей сферы индоевропейского языкознания;
- в) обособлении славистики.

34. Создание научной этимологии, выявляющей происхождение и значение слов, связано с именем:

- а) Ф. Пота;
- б) Ф. Миклошича;
- в) Т. Бенфея.

35. Первым, кто применил сравнительно-исторический метод к греческому языку, был:

- а) Ф. Пот;
- б) Г. Курциус;
- в) Ф. Миклошич.

36. Основоположителем сравнительно-исторических исследований романских языков был:

- а) Г. Курциус;
- б) Ф. Диц;
- в) Т. Бенфей.

37. На историческом родстве языков основана:

- а) функциональная классификация;
- б) типологическая классификация;
- в) генеалогическая классификация.

38. К агглютинативным языкам относится:

- а) русский;
- б) английский;
- в) татарский.

39. К флективным языкам относится:

- а) турецкий;
- б) латинский;
- в) узбекский.

40. Китайский язык относится к языкам:

- а) полисинтетическим;
- б) изолирующим;
- в) флективным.

41. Русскому языку родственен:

- а) персидский язык;
- б) узбекский язык;
- в) аварский язык.

42. Метод определения возраста родственных языков, т. е. давности их разделения, по количеству слов, имеющих в этих языках одинаковое происхождение, называют:

- а) относительной хронологией;
- б) глоттохронологией;
- в) абсолютной хронологией.

43. Совокупность элементов языковой системы, отражающих результат влияния одного языка на другой в условиях длительного существования контактов носителей этих языков, – это:

- а) субстрат;
- б) адстрат;
- в) суперстрат.

44. Аффиксация без изменения основы, единый тип склонения и спряжения присущи:

- а) изолирующим языкам;
- б) флективным языкам;
- в) агглютинативным языкам.

45. Отсутствие словоизменения и, соответственно, формообразующих аффиксов характерно:

- а) для полисинтетических языков;
- б) изолирующих языков;
- в) флективных языков.

46. Русский язык относится к группе:

- а) западнославянских языков;
- б) южнославянских языков;
- в) восточнославянских языков.

47. Языковую картину мира изучает:

- а) функциональная классификация;
- б) типологическая классификация;
- в) ареальная классификация.

48. Языки мировые, международные, государственные, языки межнационального общения выделяют в соответствии:

- а) с функциональной классификацией;
- б) типологической классификацией;
- в) ареальной классификацией.

49. Территории распространения языков, основные языки стран определяются согласно:

- а) ареальной классификации;
- б) функциональной классификации;
- в) генеалогической классификации.

50. Связь языка с этнической общностью и его распространность за пределами данной этнической области изучает:

- а) генеалогическая классификация;
- б) функциональная классификация;
- в) типологическая классификация.

Ключи

1 – б; 2 – в; 3 – а; 4 – б; 5 – а; 6 – б; 7 – в; 8 – а; 9 – б; 10 – б;
11 – а; 12 – в; 13 – б; 14 – а; 15 – б; 16 – в; 17 – а; 18 – в; 19 – а; 20 – б;
21 – в; 22 – а; 23 – б; 24 – а; 25 – б; 26 – а; 27 – б; 28 – а; 29 – а; 30 – а;
31 – а; 32 – в; 33 – а; 34 – а; 35 – б; 36 – б; 37 – в; 38 – в; 39 – б; 40 – б;
41 – а; 42 – б; 43 – б; 44 – в; 45 – б; 46 – в; 47 – в; 48 – а; 49 – а; 50 – б.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современное сравнительно-историческое языкознание наследует достижения, традиции компаративистики XIX в. и ставит задачи, а также исследует проблемы, возникшие в связи с открытием фактов и развитием лингвистической теории; уточняет вопросы индоевропейской фонетики, морфологии и синтаксиса.

Хорошая классификация языков позволила бы создать удобный перечень языков. Она облегчила бы описание сходных языков, а следовательно, и их изучение.

Современные родственные языки – результат их многовекового развития, поэтому родственные связи между ними иногда установить нелегко. Но все же эти связи, безусловно, установлены наукой, и на основе сравнительно-исторического изучения языков разработана генеалогическая классификация языков.

Прежде чем говорить о сравнительно-историческом методе, необходимо было остановиться на проблематике сравнительно-исторического языкознания и отношений к ней упомянутого метода. «Проблематика сравнительно-исторического языкознания и сравнительно-исторического метода не совпадают, однако общими для них являются понятия генетического тождества и различия» [14, с. 254].

Были кратко охарактеризованы методы генетических исследований, которые как бы наслаиваются над сравнительно-историческим методом. Нетрудно заметить, что в числе этих методов сравнительно-историческому методу принадлежит ведущее место. Все остальные методы только в известной мере его дополняют, иногда уступая ему по своей эффективности.

Особо следует разграничить сравнительно-исторический и сравнительно-сопоставительный методы. Если первый, как правило, применим лишь к родственным языкам, то с помощью второго метода можно изучать самые разные языки.

В пособии большое значение придается примерам, взятым из русского и иностранных языков.

Иллюстративный материал черпается из языков не только индоевропейской, но и других языковых семей.

При классификации языков по структуре приняты во внимание различные стороны языка: и фонетика, и словарный состав, и грамматический строй.

При классификации языков по специфическим особенностям их грамматического строя приняты во внимание как морфология, так и синтаксис.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баранникова, Л. И. Введение в языкознание : учеб. пособие / Л. И. Баранникова. – Изд. 2-е, доп. – М. : Либроком. – 2010. – 392 с. – ISBN 978-5-397-00485-5.
2. Березин, Ф. М. История лингвистических учений : учеб. для филол. специальностей вузов / Ф. М. Березин. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Высш. шк., 1984. – 319 с.
3. Березин, Ф. М. Общее языкознание : учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по специальности № 2101 «Рус. яз. и лит.» / Ф. М. Березин, Б. Н. Головин. – М. : Просвещение, 1979. – 416 с.
4. Бодуэн де Куртенэ, И. А. О смешанном характере всех языков // И. А. Бодуэн де Куртенэ. Избранные труды по общему языкознанию. В 2 т. Т. 1 / И. А. Бодуэн де Куртенэ. М. : Изд-во АН СССР, 1963. – С. 362 – 373.
5. Будагов, Р. А. Введение в науку о языке : учеб. пособие / Р. А. Будагов. – М. : Добросвет-2000, 2003. – 544 с. – ISBN 5-94119-015-8.
6. Бурлак, С. А. Сравнительно-историческое языкознание : учеб. для студентов высш. учеб. заведений / С. А. Бурлак, С. А. Старостин. – М. : Академия, 2005. – 432 с. – ISBN 5-7695-1445-0.
7. Вопросы методики сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков / сост.: В. И. Ябаев [и др.] ; Акад. наук СССР. – М. : Изд-во АН СССР, 1956. – 324 с.
8. Ганеев, Б. Т. Язык : учеб. пособие. – 2-е изд., перераб. и доп. – Уфа : Изд-во БГПУ, 2001. – 272 с. – ISBN 5-87978-128-3.
9. Долгопольский, А. Б. Методы реконструкции общеиндоевропейского языка и внеиндоевропейские сопоставления / А. Б. Долгопольский // Проблемы сравнительной грамматики индоевропейских языков : тез. докл. – М. : Изд-во МГУ, 1964. – С. 27 – 30.
10. Иллич-Свитыч, В. М. Материалы к сравнительному словарю ностратических языков / В. М. Иллич-Свитыч // Этимология / ред. Л. А. Гиндин [и др.]. – М. : Наука, 1965. С. 321 – 373.
11. Камчатнов, А. М. Введение в языкознание : учеб. пособие для филол. фак. ун-тов и пед. вузов / А. М. Камчатнов, Н. А. Николина. – М. : Флинта : Наука, 1999. – 232 с. – ISBN 5-89349-149-1.

12. Климов, Г. А. Основы лингвистической компаративистики / Г. А. Климов. – М. : Наука, 1990. – 168 с. – ISBN 5-02-010980-0.
13. Кодухов, В. И. Введение в языкознание : учеб. для студентов пед. ин-тов по специальности № 2101 «Рус. яз. и лит.» / В. И. Кодухов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Просвещение, 1987. – 288 с.
14. Кодухов, В. И. Общее языкознание : учеб. для студентов филол. специальностей ун-тов и пед. ин-тов / В. И. Кодухов. – М. : Высш. шк., 1974. – 303 с.
15. Кондрашов, Н. А. История лингвистических учений : учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по специальности № 2101 «Рус. яз. и лит.» / Н. А. Кондрашов. – М. : Просвещение, 1979. – 224 с.
16. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Сов. энцикл., 1990. – 685 с. – ISBN 5-85270-031-2.
17. Лоя, Я. В. История лингвистических учений : материалы к курсу лекций / Я. В. Лоя. – М. : Высш. шк., 1968. – 308 с.
18. Маслов, Ю. С. Введение в языкознание : учеб. для филол. специальностей вузов / Ю. С. Маслов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Высш. шк., 1987. – 272 с.
19. Мейе, А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков / А. Мейе. – М. – Л. : Гос. соц.-эконом. изд-во, 1938. – 510 с.
20. Мейе, А. Сравнительный метод в историческом языкознании / А. Мейе. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : УРСС, 2004. – 101 с. – ISBN 5-354-00493-4.
21. Общее языкознание : Методы лингвист. исслед. / отв. ред. Б. А. Серебренников. – М. : Наука, 1973. – 318 с.
22. Реформатский, А. А. Введение в языковедение / А. А. Реформатский ; под ред. В. А. Виноградова. – М. : Аспект Пресс, 1996. – 536 с. – ISBN 5-7567-0046-3.
23. Чемоданов, Н. С. Сравнительное языкознание в России / Н. С. Чемоданов. – М. : Учпедгиз, 1956. – 94 с.
24. Шайкевич, А. Я. Введение в лингвистику : учеб. пособие / А. Я. Шайкевич. – М. : Изд-во Рос. открытого ун-та, 1995. – 304 с. – ISBN 5-204-00065-8.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
Раздел I. СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ	5
§ 1. Зарождение исторической точки зрения на язык	5
§ 2. Зарождение сравнительной точки зрения на язык	6
§ 3. Условия, которые привели к появлению сравнительно-исторического языкознания.....	9
§ 4. Открытие и развитие сравнительно-исторического языкознания.....	9
§ 5. Обстоятельства возникновения сравнительно-исторического языкознания.....	10
§ 6. Периодизация истории сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков.....	12
§ 7. Первый период	12
§ 8. Первый этап (Боппа – Гумбольдта)	14
§ 9. Основатели сравнительно-исторического метода.....	14
§ 10. Открытие Ф. Боппа	15
§ 11. Расмус Христиан Раск	16
§ 12. Яков Хорнеман Бредсдорф	17
§ 13. Яков Гримм.....	17
§ 14. Вильгельм Гумбольдт.....	18
§ 15. Второй этап (Шлейхера – Штейнталя).....	20
§ 16. Представители сравнительно-исторического языкознания.....	21
§ 17. Август Фридрих Потт.....	24
§ 18. Теодор Бенфей.....	24
§ 19. Адальберт Кун.....	25
§ 20. Георг Курциус	25
§ 21. Распространение сравнительно-исторического метода на ряд языков.....	26
§ 22. Второй период.....	28

§ 23. Третий период	28
§ 24. Четвертый, или современный, период.....	29
§ 25. Сравнительно-историческое языкознание в России	30
СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ МЕТОД	
В ЯЗЫКОЗНАНИИ	32
§ 26. Сравнение	32
§ 27. Главные условия при сравнении. Отбор материала для сравнения.....	34
§ 28. Материальная общность корней и грамматических элементов родственных языков	36
§ 29. Архетипы звуков и форм родственных слов	37
§ 30. Относительная хронология.....	39
§ 31. Последовательные ступени сравнения	42
§ 32. Понятие о внутренней и внешней реконструкциях	44
§ 33. Понятие о неравномерности развития языков.....	45
§ 34. Основные приемы сравнительно-исторического исследования	45
§ 35. Установление генетического тождества сопоставляемых значащих единиц и звуков	46
§ 36. Закономерные звуковые соответствия	46
§ 37. Родство языков. Возникновение родственных языков	48
§ 38. Теория ностратической сверхсемьи.....	50
ГЕНЕАЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ЯЗЫКОВ.....	53
ЯЗЫКИ ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ СЕМЬИ.....	54
§ 39. Индийская группа языков	55
§ 40. Иранская группа языков.....	56
§ 41. Славянская группа языков	59
§ 42. Балтийская группа языков	61
§ 43. Германская группа языков	62
§ 44. Романская группа языков.....	63
§ 45. Кельтская группа языков.....	65
ГРУППЫ, СОСТОЯЩИЕ ИЗ ОДНОГО ЯЗЫКА.....	66
§ 46. Греческая группа языков.....	66
§ 47. Албанская группа языков.....	68
§ 48. Армянская группа языков	68

§ 49. Хеттская (анатолийская) и тохарская группы языков	69
§ 50. Неситская группа языков	69
§ 51. О термине «индоевропейские языки»	70
§ 52. Некоторые характерные особенности индоевропейских языков	70
ЯЗЫКИ СЕМИТСКОЙ И ХАМИТСКОЙ СЕМЕЙ.....	71
§ 53. Семитские языки	71
§ 54. Хамитские языки.....	73
УГРО-ФИНСКАЯ СЕМЬЯ ЯЗЫКОВ	73
§ 55. Угорская группа	74
§ 56. Финская группа	74
§ 57. Пермская группа	74
§ 58. Волжская группа	74
§ 59. Самодийские языки	75
ЯЗЫКИ АЛТАЙСКОЙ, ИЛИ ТУРАНСКО-МОНГОЛЬСКОЙ, СЕМЬИ	75
ТЮРКСКАЯ СЕМЬЯ ЯЗЫКОВ	75
§ 60. Восточная ветвь.....	76
§ 61. Западная ветвь	76
§ 62. Кыпчакская группа	77
МОНГОЛЬСКАЯ СЕМЬЯ ЯЗЫКОВ	77
МАНЬЧЖУРСКО-ТУНГУССКАЯ СЕМЬЯ ЯЗЫКОВ	78
§ 63. Маньчжурская группа	78
§ 64. Тунгусская группа.....	78
ПАЛЕОАЗИЙСКИЕ ЯЗЫКИ.....	78
ИБЕРИЙСКО-КАВКАЗСКАЯ СЕМЬЯ ЯЗЫКОВ	79
§ 65. Картвельская, или иберийская, группа	80
§ 66. Абхазско-адыгейская группа	80
§ 67. Бацбийско-кистинская группа.....	81
§ 68. Дагестанские языки	81
§ 69. Вейнахская группа	83
ДРЕВНИЕ ЯЗЫКИ ПЕРЕДНЕЙ АЗИИ И МЕЖДУРЕЧЬЯ	84
КИТАЙСКО-ТИБЕТСКАЯ СЕМЬЯ ЯЗЫКОВ.....	87
§ 70. Китайско-сиамская ветвь	87

§ 71. Тибетско-бирманская ветвь.....	88
ЯЗЫКИ ДРАВИДСКОЙ СЕМЬИ	89
ИНДОНЕЗИЙСКИЕ ЯЗЫКИ	90
ЯЗЫКИ АФРИКИ И АМЕРИКИ	90
§ 72. Языки американских индейцев	91
§ 73. Семья кечумара.....	91
ВНЕСЕМЕЙНЫЕ ЯЗЫКИ.....	92
§ 74. Корейский язык.....	92
§ 75. Японский язык	92
§ 76. Языки СНГ в генеалогическом отношении	93
§ 77. Взаимоотношения генеалогической и морфологической классификаций	94
КРУПНЕЙШИЕ СЕМЬИ И ГРУППЫ ЯЗЫКОВ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ АМЕРИКИ	95
§ 78. Алгонкинско-вакашская семья языков	95

Раздел II. ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

И ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ЯЗЫКОВ.....	101
§ 79. Фонетическая типологическая классификация языков.....	103
§ 80. Синтаксическая типологическая классификация языков	105
§ 81. Морфологическая типологическая классификация языков.....	105
§ 82. Изолирующие (аморфные) языки	112
§ 83. Агглютинативные языки.....	117
§ 84. Флективные языки.....	121
АНАЛИТИЧЕСКИЕ И СИНТЕТИЧЕСКИЕ ЯЗЫКИ	124
§ 85. Аналитические языки.....	125
§ 86. Синтетические языки	128
§ 87. Полисинтетические языки	128
§ 88. Различные толкования морфологических типов	130
§ 89. К оценке значения морфологической классификации языков.	132
§ 90. Значение морфологической классификации языков, ее недостатки. Другие попытки типологической классификации языков	134
§ 91. К вопросу об изменчивости морфологического типа	135

Раздел III. ИНЫЕ КЛАССИФИКАЦИИ ЯЗЫКОВ.....	139
§ 92. Ареальная (географическая) классификация	139
§ 93. Основная проблема при выделении языковых союзов	140
§ 94. Лингвистическая значимость ареальной классификации.....	142
§ 95. Функциональная (социолингвистическая) классификация	142
§ 96. Классические языки	145
ТЕСТОВЫЕ ЗАДАНИЯ.....	147
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	154
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	156

Учебное издание

АЛИЕВ Тельман Асад оглы

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ
И ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Основные классификации языков

Учебное пособие

*На первой полосе обложки размещено изображение
генеалогического древа языков*

(https://avatars.mds.yandex.net/i?id=84c898fd83f3864b037e2336d37cc1a7_l-4252773-images-thumbs&n=13)

Редактор Е. А. Платонова

Технический редактор Ш. Ш. Амирсейидов

Корректор Н. В. Пустовойтова

Компьютерная верстка Е. А. Кузьминой

Выпускающий редактор А. А. Амирсейидова

Подписано в печать 05.06.24

Формат 60×84/16. Усл. печ. л. 9,53. Тираж 30 экз.

Заказ

Издательство

Владимирского государственного университета
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых.
600000, Владимир, ул. Горького, 87.